

Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого

ЯРОСЛАВОВ ДЕНЬ

Сборник стихов и прозы

Великий Новгород 2012

ББК 84 (2Рос)
Я43

Составитель:
В.В. Шадурский

Фотография, оформление обложки:
А.А. Кочевник

Ярославов День: Сборник стихов и прозы. – Великий Новгород:
ЗАО «Новгородский технопарк», 2012. – с. 219

В сборник стихов и прозы, подготовленный в рамках деятельности Литературного клуба при НовГУ, вошли сочинения 51 автора. Книга содержит лирические и лиро-эпические произведения, рассказы, а также поэтические переводы, афоризмы и научную работу, посвящённую Новгороду XIX века.

Выпуск сборника приурочен к Ярославову дню – празднику присвоения имени Ярослава Мудрого Новгородскому государственному университету.

© – Новгородский государственный университет, 2012

© – Авторы, 2012

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Выпуск данного сборника обусловлен несколькими событиями истории новгородского образования, приобретающими особое значение осенью 2012 года. Конечно же, первое – День Ярослава Мудрого, великого просветителя, именем которого 7 декабря 1994 года назван Новгородский государственный университет. День этот уже несколько лет отмечается с размахом – как Областной праздник просвещения, образования и науки. Вторая важная веха – это двадцатилетие Первой университетской гимназии имени академика Владимира Васильевича Сороки – основателя НовГУ. Другие важнейшие даты, на фоне которых выходит нынешний сборник, – юбилеи филологического и исторического факультетов, созданных в 1932 году в Новгородском педагогическом институте.

Большинство публикующихся в нашей книге – новгородцы, вузовская молодежь, которая только-только делает шаги в сторону словесного творчества, но есть и признанные мастера. Сборник уже не представим без друзей университета и Литературного клуба при НовГУ, без людей, которые любят Великий Новгород, поэтому мы продолжаем традицию публиковать сочинения близких университету псковичей и жителей Твери, петербуржцев и москвичей, теперь к нашим гостям присоединяется и владимирец.

Среди художественных особенностей нового сборника – стремление авторов к созданию новых образов, иногда сновидческих, сказочных, образов, а иногда, напротив, – нарушающих традиции сказок и мифопоэтические представления. Есть у наших авторов желание показать свежесть мысли и чувства, есть смелость в обращении с ритмом и рифмой, есть, но способности и талант проявляются в разной степени.

Как и в предыдущие годы, сборник содержит разделы, каждый из которых назван строкой произведения одного из поэтов.

Впервые в рамках одного раздела – насколько это позволяла близость тем – объединяются стихи и проза, соседствуют «ритмизованная фантазия» и «объективная реальность». Некоторые художники слова представлены в двух и даже трёх разделах.

Вопреки установившимся правилам сборник открывается разножанровыми сочинениями. Один из авторов опирается на документы, другой – представляет мифопоэтические образы, третий – даёт описания реальных событий новгородской жизни. Эта часть, своеобразная «Новгородика» нашей книги, названа строчкой из стихотворения Любови Патрикеевой, совсем недавно переехавшей в Великий Новгород: «Есть в России город, светом напоённый...»

Во втором разделе стихи и прозу объединила тема любви. Где-то она раскрыта с оттенком воспитательным, где-то – юмористически, где-то – трагически. Здесь соседствуют тексты умудрённых жизненным опытом «отцов», которые анализируют значение поворотов любви в

«индивидуальной траектории личности», с сочинениями «детей», которые ещё только прислушиваются к биению своих сердец. Этот раздел составитель дерзнул назвать строчкой из стихотворения молодой поэтессы Анны Кукушкиной: «Ночь измеряется вдохами...» Но, конечно, одной только темой любви, темой страсти произведения наших авторов не исчерпываются.

Третий раздел вобрал в себя произведения философские, раздумья, предчувствия. В нём только один текст – рассказ, который показывает обретение силы, уверенности. А остальные тексты – лирические, причём часто оказывается, что голоса поэтов грустны, печальны. В лирике этого раздела в большей степени проявляется настороженность, напряжённость от ощущений и осмыслений внутреннего и внешнего мира. Но выбор строки названия раздела пришёлся на стихотворение Сергея Иванова: «Возвращаться и петь, и смотреть в сумасшедшую синь», думается, проницательный читатель поймёт, почему это произошло.

Четвёртый раздел содержит лирические произведения, в которых авторы вольно, а иногда и слишком смело выражают свои умозаключения и эмоции. Залихватские метафоры, взвинченные нервы, нарушенные правила пунктуации, знаки Интернета, проникшие в лирическое сознание, куски социальных паутин – всё это следствия творческих исканий, поисков наиболее адекватного языка, современного способа самовыражения, общения... Современного, но всегда ли понятного? В этом разделе, названном словами стихотворения Анастасии Сениценой «Подскажи мне верный путь...», большинство произведений связано с коммуникативной функцией искусства, по сложившейся традиции здесь публикуются переводы, а также афоризмы.

Заключительный раздел – самый оптимистический. Здесь собраны художественные тексты, при прочтении которых обязательно появится улыбка. Улыбка – от радости появления на свет нового человека, от умиления забавами детской игры, радости познания, улыбка – от общения, иногда курьёзного и печального, с братьями нашими меньшими. Ощущение нежности мира, комические неурядицы, чудесные развязки неприятных событий – всё это читатель может почерпнуть здесь, в разделе, названном строчкой из произведения соавторов Татьяной Никитиной и Еленой Роголёвой: «Взял ворону я за хвост...»

Чувство меры, подлинное чувство, ясность мысли прозаиков и поэтов хотел представить составитель сборника. Если где-то в чём-то этого не случилось – читатель не должен винить одних только авторов.

Работа над новой книгой была бы невозможна без административной и финансовой поддержки руководства НовГУ, без добрых слов и советов Г.Ю. Князева, И.Г. Назаровой, Р.А. Дериглазова, В.И. Березовского, В.Р. Исакова, Ю.Н. Фабричина, С.А. Иванова.

В.В. Шадурский

Первый раздел
***«Есть в России город,
светом напоённый...»***

**Станислав
ДЕСЯТСКОВ**
профессор кафедры всеобщей истории НовГУ

БАРЖА, ГРУЖЁННАЯ ЯБЛОКАМИ

С Власом Платоновичем Жуковым я познакомился в том самом 1961 году, когда он только что переехал в Новгород из пыльного, знойного и рыбного Гурьева, где работал в пединституте. Поселили его тогда в двухэтажном белоснежном домике, представлявшем собой какое-то подобие ректорской гостиницы. Тут же проживали и преподавательницы-пенсионерки. Две из них были такими любителями кошек, что дюжины мартовских котов вопили по вечерам под стенами домика, за что тот и удостоился прозвища «кошкин дом».

Летом 1961 года поселился в этом домике и я, присланный сюда из Ленинградского пединститута имени А.И. Герцена стажёром на летнюю сессию. После душного Питера, окутанного чадом и дымом заводов и выхлопными газами тысяч авто, после суеты Невского проспекта, рядом с которым размещалась наша аспирантская общага, Новгород покорила меня своей чистотой, тишиной и неспешностью. Величаво плыли по Волхову тяжёлые баржи, весело стучали по мостовым телеги, запряжённые здоровенными битюгами, на улицах одного прохожего от другого отделяло не менее десяти метров. Торговая сторона застроена была тогда преимущественно разноцветными деревянными домиками, со своими огородами и садами, а меж зелени дерев улыбались купола знаменитых новгородских церквей.

Вечерами мне с моим соседом по кошкиному дому хорошо сиделось на берегу Волхова, в чистые прохладные воды которого мы окунались после лекций. По вечерней зорьке мы там же ловили рыбу и варили уху. Весело трещал в сумерках костерок, шаловливо булькала ушица, за спиной белела ограда Антоньевского монастыря и высились византийские купола его церквей. Мне всё казалось, что после Невского проспекта с его миллионной толпой я попал в какой-то сказочный мир, а Влас Платонович, колдующий над ухой, представлялся весёлым красноносым волшебником.

– Да где это вы, Влас Платонович, на рыбного повара выучились? –

спросил я как-то своего учёного кашевара. Он в ответ усмехнулся как-то по-доброму (была в этой усмешке и лёгкая ирония над своей судьбой и улыбочивость к хорошим воспоминаниям) и ответил неспешно.

– Что сказать тебе, друже! Поварская школа у меня была тройная, как эта монастырская уха. Сначала в родительском доме в деревне Трехалёво Псковской губернии, где мы, пацаны, в ночном часто у костерка рыбкой баловались, затем на фронте, где редкая рыбалка в солдатском походе, что доппаёк к вещевому довольствию, ну а потом в Гурьеве. В Гурьеве там в Яике рыбы, как в море, и само море рядом – он закрывал глаза, точно ослеплённый сиянием безбрежного Каспия.

– Да что ж вы уехали от моря-то? – удивился я.

– Да с годами к родным пенатам тянет, вьюноша! – ответил он опять же не без усмешки. – А потом куплю я в своей деревне иль поблизости маленький домик и буду летом своих сыновей на рыбалку водить. Их у меня четверо, сыновей-то! – отвечал он мне уже не без гордости.

Но мне, беспечному неженатому аспиранту, осваивающему рок-энд-ролл на питерских танцульках, эта отцовская гордость была тогда непонятна. А ведь то была гордость солдата, прошедшего через всю Отечественную, трижды раненного, последний раз в Берлине за девять дней до Победы, и всё вынесшего и перенесшего, чтобы создать свою семью, свой мирный очаг, где он мог растить своих сыновей и писать свои добрые и нужные русским людям книги.

– Да что Гурьев! – он подышал на свою деревянную рыбацкую ложку с горячей ухой, отхлебнул и решительно заключил: – Рыбы в Гурьеве много, но сторона та чужая, а здесь... Видишь, идёт баржа, а запах от неё яблочный!

И впрямь мимо нас неспешно проплывала баржа, гружённая яблоками, и сладкий яблочный аромат долетал и до нашего тихого берега. И мне стало вдруг грустно, что завтра я уезжаю, возвращаюсь в суету, шум и гам миллионного города, расстаюсь с этим отзывчивым и добрым человеком, в котором не было ни капли учёной заносчивости, хотя он уже давно защитил диссертацию и проходил в Новгороде на должность завкафедрой русского языка.

– Э... да ты что-то смурной! – сказал он утром, прощаясь. – Не скучай, как знать, может учёная судьба и приведёт тебя ещё в наши веси. Я-то здесь навсегда на якорь встал!

И впрямь, когда через десять лет судьба снова занесла меня на берега Волхова, первым знакомым, которого я встретил в гулких семинарских коридорах НГПИ, был Влас Платонович. К тому времени он был уже доктором наук и профессором, автором ста научных работ, хорошо знакомых филологам. Один из ленинградских специалистов, узнав, что я отправляюсь навсегда в Новгород, рассмеялся и махнул рукой:

– Ну, во-первых, я не верю, что ты и навсегда. Хотя... – он задумался. – Вот ведь Влас Жуков, такой классный спец, а, похоже, навсегда остался в Новгороде. Да, судьба учёного – это поход, а в конце

похода всегда стоянка.

Влас Платонович за эти десять лет почти не переменился – всё такая же ироническая усмешка и раскатистый смех, при котором он так смешно морщил свой нос *à la russe*. Только вот походка стала медленной и при ходьбе он как-то стал склоняться вправо – скорее всего от тяжеленного «профессорского» портфеля, набитого книгами, лекциями и работами студентов и аспирантов.

И с каждым годом, по мере того как он выпускал из института всё новых и новых учеников, этот портфель всё тяжелее тянул его к новгородской земле, в которую он тихо лёг на Рождественском кладбище. Но и сейчас, по прошествии многих лет, Влас Платонович мне представляется всё тем же лукавым волшебником, в сумерках улавливающим яблочный аромат с проходящей по Волхову тяжелогружёной баржи. Текут судьбы, течёт река.

**Софья
БЫСТРОВА**

**учащаяся Первой университетской гимназии
имени академика В.В. Сороки,
участник Научного общества учащихся Великого Новгорода**

НОВГОРОД В ОПИСАНИИ ЖУРНАЛИСТА 1860-Х ГОДОВ

В сентябрьском номере «Отечественных записок» за 1862 год был опубликован фельетон с заглавием «Всё и ничего», посвящённый празднованию тысячелетнего юбилея Российского государства в Новгороде¹. Автор подписался псевдонимом «-дъ», который раскрыт в словаре И.Ф. Масанова. За ним скрывается Аркадий Васильевич Эвальд (1834-1898)². Имя этого публициста в настоящее время мало известно.

Первый литературный опыт Эвальда состоялся в 1854 году. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» появился очерк «Союзники у Ревеля», в котором описаны его впечатления об обороне балтийского побережья от английского флота в начале Крымской войны. Одним из первых журналистских заданий была поездка в Италию, откуда он присылал отчеты о гарибальдийском движении. После возвращения на родину его пригласили в журнал «Отечественные записки», где он печатался под разными псевдонимами – Прогрессистов, А.Ленивцев, Один и т.д. Позднее Эвальд был фельетонистом и рецензентом в газетах «Голоса», «Всемирная иллюстрация», сотрудничал с иллюстрированными изданиями, редактировал «Всемирный телеграф», «Всеобщую газету», «Улей», «Паровоз». В 1863 году вместе с журналистом и петербургским цензором А. Н. Очкиным он предпринял попытку издания ежедневной литературной и политической газеты «Очерки», которая выходила лишь три месяца.

Творческий путь Эвальда-журналиста, несмотря на частую смену печатных органов, нельзя назвать плодотворным. В «Отечественных записках» (именно этот период, связанный с работой в одном из популярнейших журналов того времени, является важнейшим в его биографии) он сотрудничал лишь на протяжении 1862 года.

¹ Всё и ничего // Отечественные записки. 1862. №9. С. 143-167.

² См.: Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей. М., 1956. Т. 1. С. 329.

Под конец жизни Эвальд опубликовал воспоминания о своей жизни³, а также «Рассказы об императоре Николае I», включающие описание событий, которым он был очевидцем, а также истории, услышанные от других людей⁴.

Новгородские реалии 1860-х гг. Эвальд в своем творчестве описал трижды: дважды – в упомянутых очерках, а также – в позднейших мемуарах. Мы коснёмся главным образом воспоминаний публициста.

В них Эвальд подробно описывает обстоятельства командировки в Новгород. Узнав о дороговизне новгородских гостиниц, стола, извозчиков и пр. (новгородцы объясняли резкий подъем цен тем, что «мы этого (т.е. праздника 1862 г. – С.Б.) тысячу лет ждали!»), Краевский, чтобы сэкономить командировочные расходы корреспондента, «обратился к министру народного просвещения, Головнину, с которым был в очень хороших отношениях, и просил его содействия. Головнин распорядился приказать директору новгородской гимназии, чтобы для меня было отведено помещение в здании гимназии. Сверх того, содействие Головнина выразилось в том, что он снабдил меня рекомендательными письмами к шефу жандармов (В.А. Долгорукову – С.Б.), а также министрам: военному (Д.А. Милютину – С.Б.), двора (В.Ф. Адлербергу – С.Б.) и путей сообщения (П.П. Мельникову – С.Б.)».⁵

Рекомендательные письма сослужили свою службу: Эвальда поселили в новгородской мужской гимназии. Но эти же письма, точнее, реакция на них местного населения, сформировали особое восприятие Новгорода и его населения, которое он пытается донести и в своих очерках, и в позднейших воспоминаниях.

«На другой день, – продолжает Эвальд свои воспоминания, – я отправился к директору и был встречен так официально и так торжественно, как встречают только какое-нибудь высшее начальство. Все воспитанники, остававшиеся в гимназии, были выстроены в одном из зал в новых мундирах; тут же присутствовали некоторые наставники. Директор, почтительно идя около меня, предложил осмотреть гимназию...

Я сразу увидел из всего этого, что меня принимают не за того, кто я есть, и что мне навязывают, так сказать, роль Хлестакова. Совершенно сконфуженный, я остановился в первой же комнате и объявил директору, что зашел повидать только его лично, чтобы поблагодарить за устройство мне квартиры с такой роскошью, в какой я вовсе не нуждался, что я очень занят своими обязанностями корреспондента, должен ехать сейчас же с некоторыми визитами и не имею ни одной свободной минуты для осмотра гимназии или чего бы то ни было. У меня в Новгороде был знакомый,

³ См.: Исторический вестник. 1895. Отрывки из них, посвященные описанию Гатчины, опубл. в издании: Литературный портрет Гатчины. Гатчина, 1995. См. также современную публикацию отрывков из воспоминаний Эвальда в издании: Русские мемуары. Избранные страницы. 1826-1854. М., 1990. С. 617-629.

⁴ Републ.: Николай I и его время. Документы, дневники, мемуары, свидетельства современников. М., 2000.

⁵ Воспоминания А.В. Эвальда // Исторический вестник. 1895. Октябрь. С. 78-79.

отставной полковник Саханский, который, как я знал, в свою очередь вёл знакомство с директором гимназии. Поэтому в тот же день я поехал к нему, объяснил, в чём дело, и просил сообщить о моём смешном положении, в которое поставил меня директор. На другой день Саханский заехал ко мне и со смехом передал, что в гимназии действительно приняли меня за лицо, близкое к министру и присланное им для обозрения её инкогнито. Но этого мало. Саханский прибавил, что, несмотря на его разъяснения и доказательства, директор всё-таки остался при своём убеждении, что главная цель моего приезда – тайная ревизия гимназии и что я только прикидываюсь корреспондентом «Голоса». Иначе он никак не мог себе объяснить распоряжения министра об отводе мне квартиры»⁶.

Гоголь, разочарованный постановкой своей комедии в 1836 году, пытался в ряде публикаций объяснить смысл «Ревизора». В «Театральном разъезде после представления новой комедии» он, устами одного из героев этой драматической зарисовки, отметил по поводу города: «Это – сборное место: отовсюду, из разных углов России, стекались исключения из правды, заблуждения и злоупотребления <...>»⁷ Эвальд, оказавшись в Новгороде, сопоставил его с гоголевским «сборным местом».

Современный исследователь справедливо писал об особой «комедийной концепции», развитой Гоголем и выраженной в трех специфических эффектах. Это, во-первых, «эффект необъяснения» («Гоголь никак не объясняет, почему «обманулись» чиновники уездного города»). Во-вторых, «эффект незаинтересованности» («самое активное участие в сюжете о «мнимом ревизоре» принимают <...> те лица (т.е. Бобчинский и Добчинский, не служащие помещики, постоянно проживающие в городе – С.Б.), которые оказались вовлечены в интригу от скуки»). И, наконец, в-третьих, «эффект неведения» («Хлестаков, оказавшийся источником всеобщего обмана, сам никого не обманывает») ⁸.

Характерно, что комедийная концепция «Ревизора» гораздо полнее отразилась именно в «новгородском» эпизоде воспоминаний Эвальда, чем в многочисленных сюжетах о мнимом ревизоре⁹. Приведём один известный факт на этот счёт, случившийся городе Устюжна (в то время – уездном городе Новгородской губернии) в 1829 году, когда под видом значительного лица город посетил столичный литератор Платон Волков¹⁰.

История петербургского путешественника и устюженского градоначальника Ивана Александровича Макшеева началась также с письма, которое было адресовано последнему от новгородского губернатора Августа Дефнера. Вот оно: «Известясь частно, что проезжающий из Вологды на собственных лошадях и в карете некто в

⁶ Там же.

⁷ Гоголь Н.В. Собрание художественных произведений в 5-ти т. Т. 4. М., 1961. 180.

⁸ Кошелев В.А. Пушкинская мысль «Ревизора» // Драма и театр. Сборник научных трудов. VI. Тверь, 2007. С. 96-97.

⁹ См. подробнее: Войтоловская Э.Л. Комедия Н.В. Гоголя «Ревизор». Комментарий. Л., 1971. С. 14-20.

¹⁰ По свидетельству В.А. Соллогуба, этот исторический эпизод мог быть известен Гоголю (см.: Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1956. С. 128).

партикулярном платье с мальтийским знаком, проживает во вверенном Вам городе более пяти дней, о причине столь долгого его нахождения, ниже и того, к какому он классу людей принадлежит, никто из жителей, даже и сами Вы не знаете, почему необходимостью считаю иметь от Вас сведение, по какому случаю проживал он в Устюжне, не входил ли он в общественные собрания и присутственные места и не обращал ли он какого-либо внимания на какие-нибудь предметы, если же он и ныне находится в Устюжне, спросить о звании его и меня без промедления времени уведомить»¹¹.

Важно отметить зримую разницу между устюженской историей и позднейшей, новгородской. В Устюжне Волков намеренно изображает из себя загадочную и значительную личность (именно этим он и привлек внимание и напугал чиновников). Эвальд же в Новгороде не скрывал, что к надзорным органам он никакого отношения не имеет (и в письме министра Головина было отмечено, что приезжий – журналист). Чиновники же не верят не только Эвальду, но и самому министру. В воспоминаниях Эвальда конструируется ситуация, противоположная той, которая произошла в Устюжне.

«Устюженская история» имела свое продолжение в конце XIX века. К этому времени в исследовательской литературе активно обсуждалось (по всей видимости, с подачи Соллогуба, лично знавшего Гоголя), что одним из источников сюжета комедии оказались описанные нами события. С опровержениями такой точки зрения выступил сын устюженского градоначальника, Алексей Иванович Макшеев. В конце своей жизни он написал «Заметку, касающуюся «Ревизора» Гоголя», в которой, пытаясь очистить светлую память отца, доказывал, что Гоголь имел в виду совсем не Устюжну.

«Гоголь не мог, конечно, писать портреты лиц, совершенно ему незнакомых», – таков посыл А.И. Макшеева. И далее, сравнивая гоголевский уездный город с Устюжной конца 1820-х годов, он находит множество несоответствий: «Никакого попечителя богоугодных заведений не было, по крайней мере, в таких городах, как Устюжна, потому что не было самих богоугодных заведений. Учитель истории, не только не воодушевлялся в своих рассказах до ломания стульев, но и ничего не рассказывал <...>» и т.д. Но самый главный аргумент Макшеева – следующий: «Анекдот этот мог быть связан с городом Устюжною, но я не слыхал о нём ни от отца и ни от кого из старожиллов города. Нынешним летом, разбирая фамильные бумаги, я нашёл подлинное официальное письмо новгородского губернатора Дефнера к моему отцу <...> Обстоятельство это, вероятно, и послужило основой легенды о ревизоре»¹².

Макшеев-сын добивается своей цели в реабилитации отца:

¹¹ Цит. по: Поздеев А.А. Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Устюжна. Историко-литературный альманах. I. Вологда, 1992. 147.

¹² Там же. С. 149, 150.

обнаруженное письмо губернатора с приказом обратить внимание на странного приезжего снимало с устюженского градоначальника всякую основу для сравнения с гоголевским Сквозник-Дмухановским, который получил не официальное распоряжение вышестоящего начальства, а личное послание.

Напротив, история Эвальда сближает новгородскую действительность 1860-х годов и гоголевский «сборный город».

Такое восприятие Новгорода необходимо учитывать при характеристике публицистом одного из самых читаемых журналов того времени торжеств, связанных с празднованием тысячелетнего юбилея России, которые произошли в Новгороде 8-10 сентября 1862 года.

Фельетоны Эвальда из «Отечественных записок» имели общее заглавие – «Всё и ничего». Автор использует оксюморон, а следом за необычным заглавием идет эпитафия: «Вали всё в кучу – после разберём».

Такое заглавие давало возможность коснуться самых разных сторон современной жизни, причём отбор событий, достойных описания, спровоцирован физиологическими причинами. Характерно авторское рассуждение о воле как руководителе всех его действий (в том числе и писательской деятельности) помещённое в одном очерке этой серии: «Да, читатель (и, разумеется, благосклонный) ожидает от меня описания петербургской жизни... и вместо того получает бог знает какие известия о событиях, неизвестно где случившихся.

А что же мне делать? Я болен. Мой ум болен... Нет. Позвольте, не ум, а сердце... Нет. Нет, не сердце (совсем с толку сбился), а моя воля больна. Вот именно угадал: воля больна. В какой части тела она помещается, я не могу сказать, потому что она перескакивает с места на место: то залезет в голову и заставляет меня думать; то отправится в желудок и возбуждает аппетит; то опустится в ноги, начнёт их переставлять с места на место, и я бегу, бегу, бегу без оглядки. Капризная воля совершенно овладела мною, как женщина, и из очень почтенного джентльмена сделала просто марионетку <...>

Вот почему, благосклонный мой читатель, не вините меня, если я не всегда буду говорить о том, что вам интересно: вы видите в каком я драматико-юмористическом положении нахожусь. Вот вам и немецкая фраза, да что мне делать? Воля захотела поставить глагол на конце – и поставила. Мне остаётся только то утешение, что не один я страдаю подобной болезнью воли. У меня есть много приятелей, которые хотят делать удивительно прекрасные вещи, а делают такое, что, право, и не разберёшь иногда, чего они хотят»¹³. Создается впечатление, что автор представляет из себя не конкретную личность, а аллегория на обывательские запросы: он пытается откликнуться на события, происходящие в обществе и волнующие читателей, и из-за этого оказывается в «драматико-юмористическом положении».

¹³ Отечественные записки. 1862. №2. С. 50-51.

Описав свою «творческую манеру», автор заводит речь о заслугах, которые должны будут воздать ему потомки после его смерти. Оно любопытно для избранной темы: «<...> не забудьте поставить мне памятник на месте моего рождения, именно в Мышгороде. Памятник этот должен иметь форму колокольчика, в ознаменование того, что я всю жизнь ничего не делал, как только звонил языком. Наверху этого колокольчика поставьте, пожалуй, крест и подле него плачущую деву, изображающую скорбь всей России, о потере такого прекрасного человека, как я. Крест будет опираться на полушарие, служащее символом того, что я облагодетельствовал полмира. Ниже полушария изобразите аллегорически главные эпохи моей жизни, сведения о которых можете получить во всякой гимназии. Под этими аллегориями изобразите барельефом силуэты всех людей, прямо или косвенно имевших влияние на моё умственное, физическое и сердечное развитие. В числе этих людей главнейшим образом не забудьте автора «Домашней Беседы», поучавшего меня особого рода нравственности, состоявшей в совершенном притуплении мозговых органов. Эта нравственность сделала меня необыкновенно благополучным и навела на мысль, посредством которой я могу теперь облагодетельствовать и вас.

Если вы поставите мне такой памятник, то достойным образом вознаградите за всё, что я для вас сделал, и я буду лежать под ним смирнехонько и тихохонько».¹⁴

В этом описании без труда угадывается микешинский памятник, идея которого широко обсуждалась в прессе задолго до его открытия¹⁵.

«Новгородский памятник составляет, по основной идее, исключение между всеми историческими памятниками, — отмечал в своих воспоминаниях один из свидетелей открытия памятника, П.А. Валуев. — Он не воздвигнут в честь или воспоминание какого-нибудь отдельного события, или ряда событий, или лица, или многих лиц, участников того или тех событий, но свидетельствует об историческом цикле, обнимающем и объединяющем целое тысячелетие. Он изображает, в шести лицах, главные эпохи нашей истории, и приводит на память замечательное передвижение зиждущего центра русского государства, сперва на юг от Новгорода к Киеву, затем в средину страны к Москве и, наконец, снова на север, но ещё далее Новгорода, к Балтийскому морю. Поэт не мог бы говорить России о «хвалебном немолчном плеске семи морей»¹⁶, если бы она не стала, по выражению другого поэта, «твердою ногой» при этом море»¹⁷.

¹⁴ Отечественные записки. 1862. №2. С. 53-54.

¹⁵ «Для сооружения памятника объявлен был конкурс ещё в 1859 году. Из 53 представленных проектов дано было предпочтение проекту молодого художника Микешина, под наблюдением которого и воздвигался памятник в Новгороде, на площади пред Софийским собором и зданием губернских присутственных мест», — отмечал в своих воспоминаниях Д.А. Милютин, в описываемое время — военный министр.

¹⁶ Неточная цитата из стихотворения А.С. Хомякова «России».

¹⁷ Русская Старина. 1888. Т. LVII. Январь.

Предлагая поставить памятник собственной персоне, а не тысячелетнему «историческому циклу» Российского государства, автор предельно утрирует мысль автора известного монумента. Дело здесь не только в широте охвата событий (вместо колокола – колокольчик, символ того, что «я ничего не делал, а только звонил языком»; вместо важнейших исторических личностей – осмеиваемый журналист В.И. Аскоченский, в описываемое время – редактор газеты «Домашняя беседа»). Важнее то, что автор подчёркивает мысль о том, что памятник водружён в честь «покойного» («я буду лежать под ним смирнехонько и тихохонько»). Сама мысль о создании подобного памятника оказывается, в описании Эвальда, признаком не славы России, а, наоборот, её конца.

В восприятии устроителей праздника Новгород, куда пришел в свое время Рюрик, стал местом рождения Российского государства. Эвальд же, образуя неологизм (Мышгород – «мышиный город»), выстраивает едва ли не кощунственную картину. Основа же такого осмысления праздника – в особенностях новгородской действительности реформенных времён, которые Эвальд распространяет на всю Россию.

**Павел
АФАНАСЬЕВ**
учащийся Первой университетской гимназии
имени академика В.В. Сороки

ВОЕНМОР

В то утро мы с Никичем (так я называю своего друга Никиту) чуть не поссорились. Ведь договаривались, что каждый будет ловить на своём любимом месте. Два дня назад я нашёл отличное местечко – клюёт постоянно, пусть мелочь, зато клёв сумасшедший. Ну и что же – прихожу, как договаривались, к шести часам утра на берег, а Никич стоит на моём месте и таскает окуньков одного за другим и уходить не собирается. Ещё и спорить стал, что моё место гораздо левее, а это он сам нашёл. Еле-еле доказал ему, что он не прав. Никич поупирался немного и ушёл на другое место. А тут ещё этот неприятный дед совсем рядом «резинку» свою накачивал, всё на нас поглядывал и что-то бубнил себе под нос. Дед был очень странный – лицо как из сухого дерева вырезано, косой шрам на правой щеке, кустистые седые брови, борода лопатой, на голове – старая мичманка с затёртым козырьком, в расстёгнутом вороте рубахи виднелась тельняшка. Ничего военно-морского ни в походке, ни в облике у деда не наблюдалось. Мы с Никичем не сомневались, что дед – обыкновенный рыбак и просто «косит» под лихого «моремана», и это нас ещё больше раздражало.

Мы с Никичем дружим уже 3 года. Познакомились на рыбалке и подружились. А ещё мы с ним оба интересуемся военно-морской тематикой: читаем книги, собираем значки, марки, военно-морскую атрибутику и всё такое. У Никича дядя служит на Северном военно-морском флоте. Мне Никич показывал его фотографии – капитан-лейтенант, командир БЧ-1 (боевая часть) на эсминце. Фуражка с крабом, в петлицах якоря, орденские планки, знак «За дальний поход», кортик на поясе – настоящий военный моряк, морской волк. Не то, что этот

несносный дед – напаялил старую мичманку с тельняшкой и шлёпает вёслами на своей замшелой резиновой лодке, только рыбу нам распускает.

В тот день рыбалка не задалась: я поймал с десяток окушков, и клёв пропал. У Никича та же картина. Мы свернули удочки и решили немного поблеснить, но через полчаса кидать спиннинг уже сил не было, да и желание пропало – ни щука, ни судак на блесну в этот день не брали. Погода стояла хорошая, солнце уже стояло высоко, вода в реке была спокойная и тёплая, в общем, оставалось только искупаться и – домой. Мы с Никичем поплавали, поныряли и разлеглись на берегу обсохнуть и позагорать. На берегу лежал толстый обломок ствола высохшего дерева, и мне в голову пришла идея. «Никич, – говорю я, – давай стащим этот кусок ствола в воду и попробуем на нём поплавать: кто дольше стоя продержится». Никичу моя идея понравилась, и мы, пыхтя и кряхтя, стащили ствол в воду. Вот была потеха – на стволе не то что стоять, на него и забраться было очень сложно. Мы по очереди пытались забраться на ствол, теряли равновесие, соскальзывали в воду и смеялись друг над другом. Дед в это время стоял на своей «резинке», на середине реки в метрах двадцати от нас вниз по течению и всё поглядывал в нашу сторону. Удочки он не сматывал, видно, надеялся что-нибудь поймать, но по взглядам, которые он бросал в нашу сторону, чувствовалось, что мы мешаем его рыбалке. Но мы старались не обращать на него никакого внимания и продолжали беситься дальше. Теперь мы старались не пускать друг друга на бревно, толкались, отпихивались, ныряли, брызгались водой. В пылу игры мы совершенно не заметили, как наше бревно прилично удалилось от берега, и мы уже находились на глубине, где вода доходила до подбородка. Я поднырнул под бревно и хотел схватить Никича за ноги. У меня ничего не получилось, я вынырнул и вдруг увидел, что наше бревно острыми сколами в месте облома уткнулось в резиновую лодку деда и проткнуло её. Мы с Никичем онемели – дед схватил лопатки и стал выгребать к берегу. Половина лодки, в которую уткнулся ствол, быстро стравливала воздух и на глазах погружалась в воду. Я и Никич толкали лодку руками, а когда глубина стала по плечи, схватили и что есть сил потащили её на берег. На мелководье мы остановились, дед с трудом вылез из лодки, и мы помогли ему вытащить лодку на берег. Мы стояли на берегу, тяжело дышали и не знали, как посмотреть деду в глаза.

– Тебя как зовут? – дед тихонько тронул меня за плечо.

– Игорь, – ответил я.

– А тебя? – повернулся он к Никичу.

– Никита – сдавлено произнёс Никич.

– Вот и моего друга звали Никита, Никита Титанов, – глухо сказал дед.

Мы молчали. Дед посмотрел на сдвинувшуюся наполовину лодку и, усмехнувшись в бороду, вдруг сказал уже бодрым голосом: «Вот и отплавался мой «Альбатрос».

– Может, её заклеить можно, – предложил я.

– Да она уж у меня клееная – переклеенная. Да ладно, дома посмотрю.

Дед покашлял, помолчал и тихо скомандовал: «Ну ладно, что встали, сдувайте лодку и сверните под чехол».

Мы стравили воздух, плотно сложили лодку и натянули на неё чехол. Дед в это время сматывал удочки и всё на нас посматривал. Затем он сел на траву и, глядя на реку, снова произнес: «Вот и моего друга тоже звали Никита, только теперь его нет».

– А что с ним случилось? – робко спросил я.

– Умер от ранений – сердце не выдержало. Настоящий был друг. Военмор.

От этих слов мы с Никичем даже вздрогнули.

– Как военмор, у нас и моря-то нет, – изумились мы с Никичем.

– Он на Балтике служил, на торпедном катере, старшина-торпедист. Но он соображал во всём – кроме боевой части, он в совершенстве знал машину, да и за штурвалом мог любому фору дать. Про таких говорят – прирождённый моряк. Он на Балтфлоте один из лучших был. За отличное торпедирование на учениях ему даже отпуск дали на три дня. Он приехал, мы встретились, обрадовались. Но радовались мы недолго – началась война. Он хотел вернуться на флот, а в военкомате приказали остаться – нужны были моряки с опытом, надо было срочно вывозить людей из города. Железную и шоссейную дороги немцы разбомбили, остался один путь – река. Она тогда полноводная была, не то что сейчас. Нам, речникам, тогда тоже от фашистов досталось – из трёх буксиров один уцелел, с гордым именем «Альбатрос». И четыре баржи. Три мы успели отбуксировать, а, когда шли за четвёртой, прилетел «Мессершмит», сбросил две бомбы. Первой нам разбило корму, и машина встала. Никита отдал мне штурвал и метнулся в машинное отделение, надеясь завести дизель. Ну, а «Мессер» зашёл на второй круг и вторую бомбу положил точно на нос. Наш «Альбатрос» воду принимал минуты две, не больше, а потом пошёл на дно. Меня вторым взрывом оглушило, но повезло, что взрывной волной выбросило из рубки в воду. Очнулся – держусь за какое-то бревно, кругом масляные пятна, воняет соляром. Никиты нигде нет. Вдруг он вынырнул метрах в двух и подплыл ко мне.

– Живой?

– Живой, – отвечаю я.

– Грести можешь?

– Наверное...

– Давай к берегу. «Альбатрос» нам уже не вернуть.

И мы поплыли к берегу, до которого было метров тридцать. Фашистский лётчик не уgomонился и «поливал» нас из пулемёта, не жалея патронов. Мы ныряли под бревно, чтобы нас не зацепило. Плыть было очень тяжело, мешало течение, намокшая одежда и обувь, как гири, тянули на дно. Пули крошили бревно, крупной щепкой, острой, как бритва, мне

рассекло щеку, кровь заливала мне лицо. Как мы добрались до берега, я не помню. Очнулся на берегу, нас нашли ребята с береговой охраны, на плащ-палатках отнесли в медсанбат. Никита был в сознании, но очень бледный – крови много потерял. Я уже потом узнал, что у него было шесть пулевых ранений. Не выжил он, скончался в госпитале на второй день. Врач сказал, что таких крепких парней он не встречал, потому что каждое из ранений было почти смертельное. А Никита держался до последнего. Похоронили его в братской могиле, дали залп из ППШ, и простился я с ним навсегда».

Дед помолчал, а потом сказал:

– Я видел, как вы играли с бревном, и вспомнил, как мы тогда с Никитой боролись за жизнь, держась лишь за бревно.

Я посмотрел на своего друга и глазами указал ему на кусок дерева, который плавал в воде. Он понял меня, и мы рванулись в воду доставать его. Мы вытащили его на берег и положили рядом с дедом. Он провел по нему своей морщинистой рукой и сказал:

– Ну, вот так. Запомните, ребята: никогда не ссорьтесь на воде. Когда-нибудь она может сыграть с вами в опасную игру. И тогда вам поможет даже это неказистое бревно.

Он замолчал и начал смотреть на другой берег реки. Его рассказ произвел на нас большое впечатление, и мы с Никитой больше никогда не ссорились. А деда звали Иваном, мы с ним крепко подружились. Называли мы его дед Ваня, а за глаза – военмор. Лодку мы заклеили в сарае у деда Вани и написали на борту: «Альбатрос». Он нам рассказывал ещё множество военно-морских историй. Мы с Никичем сфотографировали деда Ваню. Теперь у меня на столе стоит его фотография в потёртой мичманке, в тельняшке и с надписью «Военмор».

**Любовь
ПАТРИКЕЕВА**
химик ОАО «Акрон»

ЯРОСЛАВ И ИНГИГЕРДА

В зимнем поле одинокий
Всадник держит путь далёкий.
На войне пробыв полгода,
Воротившись из похода,

Стольный Киев покидает,
И, коня не расседлав,
В Новгород спешает
Князь великий Ярослав.

Думы разные тревожат
Князя храброго в пути.
Отогнать он их не может,
И покоя не найти.

«Власть моя судьбой хранима,
Рать моя непобедима,
Но любимая жена
По шесть месяцев одна.

Заждалась меня уж верно
В Нове Граде Ингигерда.
В поле зябко и темно,
Дома спят, поди, давно.

Спит наследник на полатах,
Доченьки в своих кроватях,
Спит младенец в колыбели,
Но не ты в своей постели.

Ты как тень по дому бродишь,
С тёмных окон глаз неводишь...
Слышишь, Герда? В декабре
Тихо – тихо на дворе».

«Слышу, свет мой! Год за годом
Я давно ночей не сплю.
И с державой, и с народом
Поровну тебя делю.

Ты весной со мной прощался,
Ждут державные дела.
Быть до снегу обещался,
Я полгода прождала.

Не побита ли дружина,
Не прельстила ли чужбина?
Поскорее воротись...
Где ты, ладо? Отзовись!»

«Всё под снегом спит глубоко,
Сном укутана земля.
Я пока ещё далёко,
Ты усни, жена моя.

И оставь свои тревоги,
Я один в ночной дороге.
Нет со мной бояр неправых,
Нет у рядом слуг лукавых.

Только зимний ветер злится
И позёмкою змеится.
В небе жёлтый серп луны,
Пусть к тебе приходят сны.

Конь горячий подо мною,
Я к тебе лечу стрелою,
Словно крылья за плечами.
Отведу твои печали.

Пусть же ветер завывает,
Путь-дорогу замечает.
Я назло зиме и тьме
Буду дома на заре».

День на небе встрепнулся,
Разошлась её тоска.
– Здравствуй, Герда, я вернулся...
Тихий шёпот у виска.

Солнце пляшет на пороге,
Шуба сохнет у печи.
Руки у него с дороги,
Точно печка, горячи.

ЧАЙКА

Под серебряной луной
Выйду на берег ночной,
В сонный Волхов окунусь,
Белой чайкой обернусь.

Чайка счастлива вполне,
Спит, качаясь на волне,
И кричать не устаёт –
Чайка весело живёт.

Как же славно чайкой быть!
По ветру на крыльях плыть,
Берег с тёмною водой
Оставляя за собой.

Ни печалей, ни тревог...
В небе множество дорог,
И холодная волна
Ей нисколько не страшна.

Стоит только захотеть,
Можно к солнцу полететь.
Там, под ласковым лучом,
Холод чайке нипочём.

Солнце светом напоит,
Волхов сказки говорит...
Жизнь у чайки хороша.
Чайка – Волхова душа.

НЕВЕСТА

Есть в России город, счастьем одарённый,
Есть в России город, светом напоённый,
Он не возводился властною рукою,
Новгород рождён был Волховом-рекою.

Новгород построен волею народной,
Новгород Великий, гордый и свободный.
Не казной несметной Новгород гордился,
Красоте пресветлой город покорился.

Я иду, а камни под ногою дышат,
Говорю, а стены мои речи слышат,
Сонно шепчет Волхов древние заклатья...
Есть в Кремле невеста в белоснежном платье.

Девять стройных башен стерегут невесту,
Чтоб её лучистой красоты небесной
Годы не коснулись, войны не украли –
Под потоком бедствий башни устояли.

Ждёт в Кремле невеста своего супруга,
С нею мы часами смотрим друг на друга.
Ты – моя надежда, ты – моя отрада,
Светлая София – сердце Новограда.

На вечерней зорьке сумрачной порою,
Как играет солнце на твоём уборе!
В призрачные волны поглядишь смелее,
Милая невеста, нет тебя светлее!

Новгород дружен с резкими ветрами,
С белыми ночами, долгими дождями...
Новгород Великий, счастьем окрылённый,
В Светлую Софию навсегда влюблённый!

ЗАДУШЕВНЫЙ РАЗГОВОР

Ветер – громче,
Вечер – тише,
И из дому не пойдёшь.
Дробным капаньем по крыше
Говори со мною, дождь.

Города не спят ночами,
Сны свои гоню я прочь.
Кошки сладостным мурчаньем
Говори со мною, ночь.

В небе розовую нитью
День крадётся, не спеша.
Что-то мне совсем не спится,
Говори со мною, душа.

В ночь под тёмным небосводом
Тише гомон городской.
В этот час душа природы
Говорит сама с собой.

Я ЗАБЫЛА

Я забыла твой бархатный ласковый взгляд,
Я не помню, как звезды на небе горят.
Что ж, попутных ветров твоему кораблю,
Я забыла тебя и совсем не люблю.

А в душе моей сумерки, мрачная тень,
Первый день без тебя, без тебя первый день.
Я плыву по реке бесконечной ночной.
Утро новое не обещает покой.

А в реке этой вместо воды – тишина...
В нашем мире любовь никому не нужна.
Как луна ядовито горит меж ветвей...
Места нету любви в утлой лодке моей.

Я смогла бы теперь под водою прожить.
Кислород нужен тем, кто умеет любить.
Я забыла тебя, ни к чему вспоминать...
Разучилась любить – разучилась дышать.

Второй раздел
**«Ночь измеряется
вдохами...»**

**Анатолий
МОЛОКАНОВ**

председатель Новгородского отделения Союза писателей России

СТАРТ

«...Один лишь раз сады цветут...»

Заозёрск, небольшой городишко, вобравший в себя пятьдесят тысяч с лишним жителей, просыпался рано. Грохоча на выбоинах подвесками, полупустыми тянулись рейсовые ЛИАЗы, прошивали город «маршрутки». Постепенно улицы города обрастали людьми. Начинался час «пик».

Начальник технического отдела Георгий Девяткин насвистывал любимую мелодию. В такт подпевал движок его «жиги». «Наконец-то свершится то, чего я так долго добивался», – радостно билось в его груди сердце. Он вспомнил утро, сборы, жену.

– Ты куда это новые брюки напялил? – удивлённо спросила жена крутившегося у зеркала мужа.

– Любовь моя! Сегодня я должен быть с иголки. Совещание... и потом, не забывай: неотразимость – мой конёк! – Он нежно чмокнул жену в щёчку. – Завяжи-ка мне правильно галстук. Никак не пойму я премудрость двойного узла.

– Бестолковый ты у меня. А ещё в люди лезешь!

– Но, но... – Девяткину не понравилась колкость жены, но он прощал ей эти невинные шалости. Да и сам не упускал случаев подтрунивать над ней. Так легче жилось. Выпив наспех чашку кофе, он вышел из дома.

День тянулся невероятно долго. Решив ряд производственных вопросов, Девяткин раскинулся поудобнее в мягком кресле, прикрыл глаза. «Лариска!» – вспомнил случайную встречу с ней на дороге. Не проехал, остановился, подвёз на работу. Щебетунья, она сходу призналась, что её муж мэр, в этот день без машины, водитель срочно уехал по телеграмме.

Это слегка напугало его. Но не в силах преодолеть искушение, тут же раскинул сети. И постепенно, день за днём, месяц за месяцем, Лариска в них запутывалась всё больше и больше. Это он умел. Случайное знакомство перешло в тесную дружбу. В первую встречу в назначенный час она не пришла. Как остопоп он стоял с машиной под знаком, боясь появления ГАИ. Лишь спустя полчаса, вся из себя появилась на горизонте. Не извинившись за опоздание, уселась на заднем сидении. Цену она себе знала. Её поведение и неприступность шокировали, не позволяя приблизиться, заговорить о главном, о чём мечтал. Но всё оказалось вуалью... Сколько зря времени потратил. И вот, наконец-то, сегодня!.. В дверь постучали. Он машинально принял рабочее положение, деловито произнёс:

– Войдите!

– Георгий Петрович, я насчёт сметы на новый объект. Миловидная главная бухгалтерша красиво плюхнулась в кресло напротив, выставив напоказ круглые колени. Он подал нужные ей бумаги. Конторский звонок на обеденный перерыв прервал их беседу.

– После обеда досмотрим. – Главбухша встала и, лукаво улыбнувшись, вышла из кабинета. Георгий закрыл кабинет, нашарил в кармане ключи от машины... «Чёрт побери! Осталось всего пять минут. Уверен, что ждать не станет», – он резко рванул с места «жигу», оставив за собой облако пыли. Через четыре минуты лихо, с визгом, затормозил у парадных дверей управления.

– Не мог за углом постоять? – Лариса спешно нырнула в машину, – бабы, сам знаешь, какие у нас. Растрезвонят, вмиг донесут, куда надо и не надо. Отговоришься. Муженёк, мол, прислал машину.

– Наших бабёшек не проведёшь.

– Ладно, учтём. Едем сразу на хату?

– Иначе не можешь? Мне ж не семнадцать лет. Это с ними так можно: на хату, в кусты, куда хочешь.

– Ты ж меня знаешь, Ларчик. Прости. Состариться мы успеем. – Он выехал на дорогу. – Времени мало у нас. И домой к обеду поспеть нужно.

– Чашку кофе недолго выпить. Ты так говорил. – Она вопросительно глянула в его сторону.

– Да-да... Я помню. – Георгий нажал на газ. У него план был иной. Квартира друга располагала к интиму. Георгий включил светомузыку. Хорошо ориентируясь, достал банку кофе, сахар, купленный с вечера торт и бутылку вина с шоколадкой.

– Вино я не буду. – Лариса стояла у зеркала, разглаживая у глаз неизвестно откуда взявшиеся морщинки.

– Сухое ведь. Не захмелеешь. Потом кофейком запьём. – Успокоил он Ларису и, нежно прижав к себе, поцеловал. – Ты встрече рада? Скажи. Откровенность за откровенность.

– Нетерпеливый ты. Не хотела – так и не пришла бы, – произнесла она, слегка зарумянившись, и высвободилась из его объятий. Засвистел

чайник. Георгий выключил газ, зашторил в зале окно. Дневной свет едва пробивался сквозь плотные шторы, волнующая музыка настроила их сердца на лирический лад.

– Почему так поздно? – Жена возилась у кухонной плиты.

– Совещение только закончилось. Я ж говорил тебе, милая. – Георгий чмокнул жену, мысленно сравнивая её с Ларисой. Предпочтение отдал жене: «Она же моя по закону. Двоих сыновей подарила». Он и вправду верил, что доживёт с женой до глубоких сединок. «Остальные, да и Лариска тоже для меня просто красивые бабы. Пугало одно: как бы муженьк чего не прознал. Сгноит, смешает с землёй. Прощай тогда и работа, и должность, и перспектива, которой он ждал годами». Это Георгий хорошо понимал, но найти в себе силы прервать затянувшийся роман не находил.

– Что долго руки-то моешь? Остынет же всё на столе. – Голос Любаши прервал его мысли. – Я сейчас убегу. Расписание наше насмарку, укоротили уроки. Не забудь из садика забрать сорванцов, – распорядилась она, собирая в сумку проверенные тетради.

– Не беспокойся. Насчёт этого всегда нормалёк, – бодро ответил Георгий, усаживаясь за стол. Телефонный звонок раздался некстати. Георгий поднял трубку.

– Куда ты пропал, нахалёнок? Неделя, вторая пошла после встречи. Или добился – и в сторону?

– Нет-нет. Перезвони минут через десять. Секунду помедлив, он вновь поднёс к уху трубку, но там уже раздались гудки. Девяткин продолжил беседу с прорабом. – Вот так и твори. А заказчик подпишет форму. Объясним, что замену настила согласовали с проектным бюро. Прораб собрал в папку разложенные на столе бумаги, буркнул что-то в ответ и вышел из кабинета. Георгий вновь поднял трубку и набрал знакомый номер.

– Ларчик, привет! Извини, не мог при людях разговаривать.

– С тобой мне всё ясно, дорогой.

– Ты не права. Причина не в моём молчании. Дети болели. Заботы, сама понимаешь.

– Заботливым стал ты отцом.

– Я такой от рождения, ты знаешь. – Попытался оправдаться Георгий.

– Но я тебя страсть как желаю видеть. Когда это будет возможно?

– Не позвони я первой, ты так бы и сидел в подполье.

– Какое подполье? Пойми меня правильно. Не можем мы часто встречаться. Так и привыкнуть недолго, и всё другое... А у тебя семья, положение.

– Чихать я хотела на всё другое. Ты нужен мне. Или не ясно? Георгий взмок, провёл машинально рукой по лбу. Столь напористое признание приятно щекотало мужское самолюбие. Он вспомнил жену, детей, мысленно вытащил козырь: «Жена лучше всех».

– Ты слышишь? Я согласна в корне переменить судьбу, – открыто

настаивала Лариса.

– А ты подумала, – сколько потеряешь?

– Наплевать. Прежде всего, я помогу тебе встать на ноги. А потом уж... Георгий молчал. Затеянный разговор вышиб его из колеи.

– Так ты хочешь этого или нет? – Наступала разгорячённая Лариса.

– У вас что там праздник какой! Похоже, что ты...

– Заму отметили день рождения, – перебила Лариса.

– Я так и подумал. Не телефонный у нас разговор. Давай-ка встретимся. Скажем в пятницу – с часу до двух, а?

– Как прикажешь. – Лариса самодовольно хохотнула.

– Значит договорились. Я подскочу, как обычно.

– Можешь с парадного. – Она первой положила трубку.

– Георгий Петрович! Вас приглашает шеф. – Сообщила секретарь по селекторной связи.

– Спасибо. Иду. – Георгий поднялся, встряхнул занемевшее в кресле тело...

– Проходи, дорогой, проходи. Дельце тут щекотливое объявилось,

– как-то уж очень приветливо начал свой разговор начальник управления.

– Сотворил и молчишь? Георгий напрягся. Как встревоженный улей забегали мысли.

– Звонил сам мэр, интересовался, кого бы мы могли выдвинуть кандидатом в городскую думу. Нужен совет. Георгий облегчённо вздохнул, присел на ближайший стул:

– У нас много кандидатур. И ваша – на первом месте, Станислав Петрович.

– Я уже стар. Знаешь ведь, – пенсию жду. Да и дело не в том. Рекомендует он сам. И кого бы вы думали? Георгий недоуменно пожал плечами.

– Вас. Лично вас. И я «за». Молодой, энергичный. Как говорится – пахать и пахать. Народ вас поймёт, поддержит. Не сомневаюсь. Георгий почувствовал в теле жар. Вспомнилась Лариска – «действует шельма! Неужели она всерьёз видит во мне нечто большее?»

– А на засыпку вопрос личного характера. Уж извините старика. Откуда вы знакомы с мэром? Может, работали вместе иль земляки, родня?... – допытывался начальник управления из любопытства.

– Гадать не стоит. Близким другом не был, но ранее по работе знал.

– Таковую дружбу терять нельзя. На неделе же проведём собрание. Так вы согласны? Георгий молчал, что-то держало его с ответом.

– Повторяю, народ вас поддержит. Репутация у вас безупречная. Растущий, перспективный инженер. – Я вам, как отец, советую согласиться. У вас всё впереди. А наши годы ушли. – Станислав Петрович поднялся, крепко сжал Георгию руку. – Целься в девятку – не промахнёшься. Георгий, не поняв намёка, пробормотал:

– Спасибо вам за доверие. – Пожал в ответ сухонькую руку шефа и

вышел из кабинета. С работы Георгий сразу поехал домой. Детей сегодня забирала жена.

– Папа, папа присол! – пацанята с порога бросились на руки отца.

– Задушите, мужики! Что без папки делать будете?! – Георгий крепко прижал к себе сыновей. В дверном проёме стояла Любаша:

– Они же тебя целыми днями не видят.

– В субботу поедem на шашлыки, – обрадовал он жену и детей.

– Ура-а-а! – Радостно закричали мальчишки.

– Новость у меня, дорогая. – Он обнял и поцеловал Любашу.

– Выдвигают меня кандидатом в думу. Согласие дал. – Вновь что-то неприятное ворохнулось в груди.

– Да какой из тебя кандидат в депутаты? И так я одна, и одна. А выберут – совсем отобьёшься от рук, – продолжала Люба уже на кухне.

– Ну, это ты слишком. Шанс и, может, последний упускать глупо.

– Других по несколько раз тянут. Надо руку иметь, друзей. Дело твоё, – поразмыслив, произнесла Любаша, складывая тарелки в мойку. – Твоя очередь мыть посуду. Вот с этого и начнём депутатство. – Она игриво крутнулась и вышла с детьми из кухни.

За делами пятница подошла незаметно. На собрании в среду, как и предполагалось, выдвинули кандидатуру Девяткина по выборам в городскую думу. Бумажная волокита и спешка съедали время. В этой текучке дел он совсем забыл о встрече. Только после обеда, когда грозный звонок телефона нарушил ритм беспокойного дня, он понял, что это Лариса.

– Ты обнаглел, дорогой, до предела, – с ходу начала возмущаться Лариса. – Я, как девчонка, должна за тобой теперь бегать. Что, звёздная болезнь началась? Георгий в растерянности молчал.

– Ларчик, прости. Не успел предупредить. Ну и затеяла же ты свару.

– Значит, всё по плану идёт? – смягчила она тон, – после работы сегодня можешь?..

– Как скажешь. Где-то без двадцати, когда все уйдут. – Георгий продолжал держать трубку, дышащую зуммером. Напряжение не проходило. Снятые сливки казались ему почему-то приторными.

Заседание избиркома проходило в мэрии. С длинной речью выступил мэр – Севастьянов Иван Лукич. Георгий не понимал произносимых им слов. Тупо смотрел на трибуну, на выхолощенное его лицо, на залысины на висках, где, как казалось ему, должны прорасти рога. Ухмыльнувшись, он стал разглядывать окружающих людей. Многие были знакомы. Немудрено – маленький городишко превращал жителей в завсегдатаев. Потом выступил кто-то из избиркома. Сыпались с мест вопросы, рикошетили ответы и разъяснения. Георгий пришёл в себя в объявленный перерыв. Достав сигарету, примкнул к группе курящих в сторонке. С удовольствием затянулся. «Да, – думал он, – многим открыта дорога в верха. Но не все поднимутся. Кто-то споткнётся на первой ступени, кого-то вообще откинет судьба, а кто-то станет популярным и

войдёт в историю. Если бы знать всё наперёд?»

– Если не ошибаюсь, Девяткин? – прервал размышления седовласый мужчина. – Я у вас по объекту был. Помните?

– Припоминаю. Согласовывали прокладку кабеля, – Георгий вспомнил его приход.

– Память у вас отменная. Вы от фракции, от движения?

– Сам по себе. Коллектив...

– Понял, понял. – Прервал его собеседник. – А не хотите примкнуть, сгруппироваться. Легче будет в бою.

– Патроны ещё не подвезли. – Отшутился Георгий. К курящим примкнули другие кандидаты в депутаты. Шутки, смех переплелись с деловым разговором.

– Нелегко вам придётся. – Вклинился в разговор Иван Лукич. Многие отсеются. Первый этап пройдёт быстро. Но тем, кто будет избран, скажу: перво-наперво – бюджет. Вот вы, к примеру, согласны? – обратился он к Девяткину.

– Вы правы, – поддакнул Георгий, робея от неожиданности.

– Извините, как вас?

– Девяткин... Георгий Петрович.

– Девяткин... Вы правильно мыслите. Социальных вопросов много и их надо решать. Одним словом, – борьба. Политика – дело тонкое. Политиком не рождаются, им становятся... – Одновременно разглядывая Георгия, он, извинившись перед остальными, увлёк его в сторону.

– Простите. Мы знакомы? У меня разговор был о вас с супругой. Однофамильцев же в списках нет. Знаю, что жёны дружат. Она мне много говорила. Но работа. Конечно же, вниманием они обделены... Георгий ловил каждое его слово. И убеждался: Лариса работала смело и нагло, зная, что всё сойдёт, и встреча семей не состоится.

– Да, я знаю Ларису, но я хочу...

– Благодарить не стоит. Все мы стартуем с чего-нибудь. Желаю удачи.

– Поняв Георгия по-своему, он, прощаясь, подал руку. – Свои люди нужны всегда и везде. Ежедневные встречи с Ларисой тяготили. Под любым предлогом – совещание, встреча с избирателями – Георгий пытался отговариваться. Не помогала и откровенность. Его отчуждённость всё больше влекла Ларису. «Хорошо, что телефона дома нет», – утешал он себя. Рабочий – не остывал.

– Не звони так часто! – Просил он при встрече. – Надо, я и сам позвоню. Она надувала по-девичьи губки. Неделью, другую молчала и вновь начинала атаковать.

– Придумай, из избиркома, мол, звонят. – Обиженно подсказывала она...

Город запестрел афишами. Ожидали приезда Маши Распутиной.

– Идём на концерт. – Доложила Лариса, протягивая пригласительные билеты. – Хочу на Машу Распутину поближе посмотреть.

– Что вы за бабы!? Моя протрезвонила уши: своди да своди. Не могу. Занят я в этот вечер, – отговорился Георгий. Дома лежали купленные по настоянию жены билеты.

– Как хочешь, а я пойду. Моему тоже некогда. – Раздражённо буркнула Лариса, пряча билеты в сумочку. – Отсталые люди вы...

... В субботу ездили с семьёй за город. Жарили шашлыки. Пацаны жгли костёр. Усталые, прокопченные дымом, вернулись под вечер. Наплескавшись в ванне, дети заснули глубоким сном.

– Не хочу я идти на концерт, – изъяснялся в кровати Любане Георгий. Сегодня намаялся вдоволь. Один выходной остался и тот в делах.

– Это же отдых. Детворе сам обещал. А уж на концерт с тобой и не помню, когда в последний раз были. И так никуда не ходим. Работа, дом, кухня... – Любаша обиженно шмыгнула носом.

– Может, с соседкой сходишь? Одинокая женщина. Будет рада предложению.

– Она через день там бывает. То вечеринка «кому за тридцать», то встречи с афганцами, сиротами... Ты не думай, она у «печки» часами стоять не станет. Обещал, решили, значит пойдём.

– Уговорила, – сдался Георгий, целуя жену. Но тяжёлые предчувствия не оставляли его, душу будто камень придавил. Он долго не мог заснуть.

– «Только бы эта Лариска «не наломала дров». От неё чего угодно жди»... Вереницей тянулись к Дому культуры люди. Ярko светились окна витринных окон. То и дело хлопали входные двери.

– Лишнего билетика нет? Вы не продаёте билет на концерт? – доносилось с разных сторон. Как же все они хотели посмотреть Машу Распутину! Да разве всем поможешь. Сдав в гардероб верхнюю одежду, они поднялись по широкой лестнице в концертный зал. Публика возбуждённо шумела. Хлопали крышки сидений. Где-то за кулисами настраивали микрофоны. Все ждали Машу, Машу Распутину, любимицу многих зрителей. У сцены, не желая занимать свои места, кучковалась молодёжь. Восторженную Любу вся эта позабытая праздничная суeta радовала и настраивала на лирический лад. Восторженная, она светилась. Георгий, отыскав нужный ряд, пропустил Любу вперёд. Уже усаживаясь в кресло, увидел перед собой Ларису. Она привстала, как будто ждала, повернулась к нему всей грудью. Сияющие её глаза кокетливо светились. Впрочем, светилась она вся, – нацепленные кольца с бриллиантами, цепочки разной длины и толщины, свисающие до плеч подвески в ушах, – убедительно говорили о достатке и избалованности хозяйки.

– Жорик! Здравствуй! – приветствовала она его с деланным умилением. Несколько растерявшись, он с опозданием ответил её кивком головы, краем глаза заметив, с какой настороженностью смотрела на них Люба. Радость вмиг слетела с её лица. До начала оставалось всего пять минут. Георгий то и дело смотрел на часы, подгоняя глазами стрелки. Разговор с супругой уже не клеился. Какая-то отчуждённость разом легла

между ними. Георгий очнулся, когда на сцене под грохот аплодисментов появилась Маша Распутина. В облегающих икры сапожках, в коротком платишке со смелым декольте, открывающем взгляду упругую грудь, в чёрной с большими полями шляпе, она была неотразимой. Георгий забылся, вцепившись глазами в живое изваяние на сцене. А Маша, игриво крутясь на сцене, уже покоряла зрителей песней. Одной, другой, третьей... Исполняя «Павианы», скользнула взглядом по нему, будто разоблачая. Очнулся Георгий в антракте. Пятнадцать минут пролетели так же быстро, как и первая часть концерта. Люба молча сидела в своём кресле. Она видела, как поднялась та яркая женщина, что так любезно приветствовала Георгия, как перебросилась с ним словами на выходе, когда он выходил в туалет, как вернулась и вновь стрельнула глазами, уже раздражённо в их сторону. Георгий молчал. Молчала и Люба. Он хотел, было, взять руку Любы, но понял, что не следует, встреча с Лариской не прошла для неё незамеченной. Домой возвращались пешком. Переполненные автобусы проходили мимо. Люба шла впереди, а за ней, стараясь заговорить, с трудом поспевал Георгий. Уже дома, лёжа в кровати, как ни в чём не бывало, Люба задала вопрос напрямую:

– А теперь расскажи мне, кто эта женщина? Откуда с ней знаком? Её слова прозвучали спокойно, и Георгий не отважился лгать:

– Это жена мэра города. Знаком по работе. Во многом ей обязан.

– И чем же ты ей обязан? – уже язвительно спросила Люба.

– С администрацией не шутят. Находим компромиссные варианты по работе. – Найденный ответ прозвучал убедительно. Они долго лежали молча, каждый думал о своём. Потом он заметил, как в беззвучном плаче содрогается тело Любы. Он нежно обнял её, стараясь поцеловать, но она отстранила его руки и отвернулась к стенке.

– Дурёха! Чего подумала!? Она со всеми приветлива. Иначе нельзя ей, пойми, – выговаривал тихо он, стараясь хоть как-то сгладить испорченный вечер. В понедельник Георгий пришёл на работу с большим опозданием.

– Вам звонили из избиркома, – доложила ему секретарь.

– Спасибо, я позвоню, – ответил он. Застоялый воздух неприятно дохнул в лицо, как только он переступил порог кабинета. Он наспех открыл форточки и дверь. Телефонный звонок прервал его мысли.

– Слушаю вас, – схватив трубку, деловито ответил он.

– Жорик! Ты? Не признала твой голос. Жить долго будешь. Как прошёл вечер? Я звонила тебе, – щебетала в трубку Лариса.

– Я знаю, секретарь говорила. – С трубкой в руке Георгий снова закрыл дверь кабинета.

– Как Маша? Понравилась ли жене?

– Она в восторге!

– Да... не сравнить, конечно, с твоей клушей. Не для тебя она.

– Лариса Максимовна! Имейте совесть, она мать моих детей! И другой мне не надо! – Взорвавшись, негодовал он в трубку. – И,

пожалуйста, забудьте, как можно быстрее, всё, что нас связывало. За ошибки платить буду я.

– Чем ты заплатишь? – Пыхнула в ответ Лариса. – Ты грубиян. Завтра же будешь просить прощения.

– Может и попрошу. Но встреч не ищи, так будет лучше для нас... Спасибо тебе за всё.

– Хочешь уйти, не попрощавшись? Не угадал. Объяснишься в обед, буду ждать у парадного, – приказным строгим тоном закончила Лариса и положила трубку. Георгий ещё стоял с трубкой в руках. Мысленно он пробежал по дням их знакомства, нащупывая момент отторжения. Ларису заслонила Любаша, родная и близкая. «А на встречу я не пойду. Решено. Хватит».

– Проветриваете кабинет? – в дверях стояла главбухша, – а я к вам снова насчёт сметы. Что-то в расчётах не сходится...

**Геннадий
ИГНАТЬЕВ**
декан исторического факультета НовГУ

СКВОЗЬ ЗАМЁРЗШЕЕ ОКНО

Секретарь районного комитета партии товарищ Михаил Иванович Прокопчик раньше всех приходил в понедельник на работу. Такова была традиция, заведённая его предшественником, ибо понедельник – день тяжёлый, и к нему надо спокойно и без суеты подготовиться. Михаил Александрович и сам впоследствии неоднократно убеждался в глубокой житейской мудрости Петра Анатольевича Донского, более десяти лет просидевшего на этом руководящем посту. Петр Анатольевич для него являлся образцом руководителя, который сумел найти золотую середину между вечно недовольным народом и ещё более недовольными верхами, умел прилаживаться и подлаживаться, никогда не лез на рожон, иногда даже выступал с критикой, но такой беззлобной и своеобразной, что от неё все только похохатывали. Именно он в свое время заметил комсомольского активиста Мишу, приблизил и постепенно двигал по ступеням районной администрации. Они даже подружились, но не семьями, а чисто на деловой основе. Миша для не особо утруждавшего себя текучкой Донского был такой рабочей лошадкой, которая и бумагу нужную составит и срочное дело выправит, которое вдруг выскакивало из-за безалаберности его начальника. Каждый успех вместе и отмечали. Получалось довольно часто. Аделаида Васильевна Донская, первая дама, жена Донского, обеспокоенная развивавшейся слабостью мужа, винила во всём его помощника, хотя последний был ни при чём. Донской сам выискивал любой повод, чтобы вызвать Прокопчика в свой кабинет и там уединиться на срочное совещание. Женщины имеют обыкновение перекладывать свои слабости и слабости близких на чужие плечи. Со временем Донского в пенсионной перспективе перевели на хозяйственную работу в областной центр, где он получил трёхкомнатную квартиру в престижном доме и окончательно бросил якорь. Перед отъездом ему удалось убедить первого секретаря обкома, что кроме Прокопчика никто достойно не справится со сложными проблемами района.

В описываемый период начала шестидесятых годов прошлого века Михаил Александрович представлял из себя образчик типичного представителя советской партноменклатуры. Это был цыганистого вида представительный мужчина сорока с небольшим лет, гладко выбритый, одетый по самой последней партийной моде. Начинал он с полувоенного френча, застегнутого на все пуговицы, зимой неизменным атрибутом являлась папаха, пошитая из меха молодого ягненка, белоснежные унты, тяжелое пальто с воротником из каракуля – точь-в-точь, как у товарища Маленкова. С утверждением у власти дорогого Никиты Сергеевича Хрущева френч канул в лету, в моду вошёл костюм с широкими брюками, белоснежная рубашка, галстук, демисезонный плащ и широкополая шляпа. Через райпотребкооперацию потек ширпотреб из стран народной демократии, особенно ценились товары из социалистической Германии, кое-что перепадало и от загнивавших бастионов капитализма: появились нейлоновые рубашки и плащи из болоньи. Жить и дышать стало несомненно легче.

Михаил Александрович очень ценил и держался за свое положение. Он прекрасно помнил полуголодное детство, мать, дрожавшую над каждой копейкой, тяжёлый колхозный труд. На Мишу в семье денег не жалели, одна надежда, что выйдет в люди и остальных вытащит.

Мишенька, голубчик, будь похитрее, изловчись, – вечно проговаривала мать, радуясь очередным успехам сына. И он оправдал надежды, поднялся так, как никто в их роду.

– Ты, Мишаня, – любуясь внуком, говаривал дед Пархим, – не ровен час в губернаторы выйдешь, в его высокопревосходительство, а что, мы Прокопчики такие!

В глубине души Михаил Александрович, конечно, мечтал именно о таком развитии своей карьеры, но понимал, что на избранном пути в одночасье можно потерять всё. А терять было что. Взять хотя бы его секретарский особнячок с водопроводом, центральным отоплением, ванной с душем. Не у каждого районного руководителя подобное имелось; что касается масс, то они почти поголовно ютились в деревянном жилом фонде с печным отоплением, удобствами на улице и водопроводными колонками за сотню метров от жилища.

Районный комитет партии, место его работы, первый по ухоженности в поселке. Как ни крути – лицо власти. Здесь уютно, тепло, мебель полированная, ковровые дорожки, санузлы в здании, а не во дворе, как повсеместно, куда руководитель вынужден ходить при всеобщем обозрении. Как-то он приехал в один колхоз, зашёл в правление, где убиралась старая бабка.

– Где председатель, – спросил он. – Там, – махнула она рукой, – сеет.

– Что, что? – не понял Прокопчик, ибо на дворе стояла глубокая осень. – Я же сказала: сеет, – упрямовала последняя. Вскоре выяснилось, что бабка не выговаривала звук «р». О каком авторитете руководителя можно говорить в таком случае?

Тоже самое можно сказать о продовольственной проблеме. Народ за колбасой и мясом давится в очередях, а ему на дом всё, что надо, шофёр доставит да сельхозпроизводители постоянно балуют, не забывают, кто в районе голова. Здоровье пошатнется – самолётом в случае надобности отправят хоть в область, хоть в столицу, положат не просто в больничку, а в спецлечебницу, где лежат только свои, ответственные товарищи. Если хочется просто отдохнуть, подлечиться – пожалуйста, в любое время года путевочка бесплатная в санаторий ЦК КПСС или на худой конец Совмина. Простонародью такое не снилось, не лечебницы – дворцы: всё в мраморе, зимние сады, на пол не плюнуть – коврами персидскими устланы, на одного отдыхающего два человека обслуги, на цыпочках вокруг ходят.

– Чего желаете Михаил Александрович?

– А желаю я на ужин икорочки.

– Пожалуйста, хоть птичьего молока, извольте в меню вписать.

И всё там расписано по полочкам, по занимаемому положению. Так, рядовые инструктора пищу принимают в общем зале, отделанном красным деревом, вместе с уборщицами из ЦК КПСС, олицетворяющими смычку партии с народом. Лицам же, приравненным к заведующим отделами ОК КПСС и выше, положено совсем другое обслуживание. И трапезничают-то они в отдельном помещении и в номера по желанию официантки всё что угодно привезут на каталочках. Поэтому в этот рай лиц не из партаппарата допускали под личную ответственность того руководителя, где последний работал. Скажем, обращается в обком заслуженный человек, профессор, активный пропагандист политики партии, внештатный лектор ОК КПСС, член разных идеологических комиссий с просьбой помочь поправить пошатнувшееся от разъездов по области здоровье. Ему, конечно, не откажут и, хоть знают его не один год как проверенного товарища по партии, но всё рано – изволь ректор поручиться, дай характеристику с печатью и подписью. И правильно, вдруг он там какому-нибудь товарищу наступит на любимую мозоль. Пусть отвечает ректор, а не заведующий финансово-хозяйственным отделом ОК КПСС, выдавший путёвку.

Михаил Александрович быстро уяснил, что в партии только на бумаге все равны, а на деле равенством изначально не пахло. Как историк по первоначальному образованию, понимал, что всякая власть, как бы она себя ни называла, существует только ради себя. Власть не для народа, а ради власти, в этом смысл и содержание любой государственной системы, основным стержнем которой является чиновничий аппарат. Чиновнику в принципе по барабану, кто сидит на самом верху, главное – сохранение своего благополучия и особого положения в обществе. Потому они так легко продаются и продают недавних кумиров, со злой радостью топят недавних соратников, по той или иной причине выпавших из властной обоймы.

Понимая всё это, он всеми силами цеплялся за руководящее кресло: где надо – прилаживался, где надо – подлаживался. Мнения своего, даже с подчинёнными, старался не высказывать, а если даже что-то начинал

говорить от себя, встретив возражения, в спор не вступал, обычно театрально восклицал:

– А ведь правильно, вы правы! – Этот приём всегда производил впечатление. Нижестоящим льстило подобное отношение к их мнению, а вышестоящие со снисходительностью принимали это расшаркивание.

Потому карьера Прокопчика развивалась успешно, он был на хорошем счету у начальства, обзавелся влиятельными друзьями, забронзовел, держался солидно, никогда не суетился, ступал важно, овладел партийным голосом, что выражалось в особой размеренности речи, в которой не было места лишним эмоциям, а одна значимость. И ещё он научился как-то по-особому шевелить губами. Этим искусством даже Донской не владел. Это шевеление невозможно описать на бумаге, это нужно было видеть.

Он отвык от физической работы, обленился, стал обрастать жирком, трудовые мозоли сошли с белых пухлых ладоней. А ведь когда-то он и землю пахал, и печки клал, знал столярное дело. Вчерашний крестьянский паренёк на глазах превращался в типичного барина. Жить бы да радоваться, но только никак Прокопчик не мог вырвать гнездившийся в глубине души страх. Вознесшись по воле судьбы во властные структуры, в иную среду обитания, он при всей своей вальяжности чувствовал себя чужаком, инородным телом, отторгнутым от привычного образа жизни. Ему постоянно казалось, что этот сон когда-нибудь оборвётся, и он вернется на исходную позицию, а жить по-старому он и не хотел, и не мог. Кроме того, уж больно много было желающих занять его место, сесть на район и из области норовили, чтобы после прыгнуть выше. С любой стороны он видел угрозу, вечно был настороже, ожидая очередной интриги, а как в партаппарате умели их раскручивать – знал хорошо: самому приходилось проявлять партийную принципиальность. Он был одинок, как волк, настоящих товарищей у него не было; как только человек, считавший его другом, лишался положения в обществе, Прокопчик моментально терял к нему интерес и разрывал всякие отношения. Страх этот проявлялся и в общении с высоким начальством. В разговоре с сильными мира сего Прокопчик цепенел от охватывавшей его робости, лоб покрывался испариной, что, впрочем, некоторым начальникам даже нравилось. Не так-то просто избавиться от наследия проклятого крепостничества.

Так что не совсем уж сладкой была жизнь у первого секретаря райкома партии.

Вот стукнула входная дверь. В кабинет дерзко и непочтительно постучали. Это Морозова, инструктор орготдела, только она могла так по-свойски ломиться к главе района. Михаил Александрович подобрался, вышел из-за стола, по-отечески приобнял раскрасневшуюся от мороза Катерину Никитичну.

Екатерина Морозова в район попала по распределению, закончив педучилище. В сельской школе, где стала работать, зарекомендовала себя способным педагогом, энергичной, инициативной общественницей. По её

инициативе в школе был создан танцевальный коллектив, неоднократный лауреат районных смотров художественной самодеятельности. На одном из выступлений её и приметил Петр Анатольевич, который перед убытием в область порекомендовал преемнику выдвинуть её на руководящую работу:

– Знаешь, Миша, возьми её в инструкторы, эта дивчина далеко пойдёт. Поверь моему опыту, я бы и сам взял, да ты знаешь мою Аделаиду.

Михаилу Александровичу ни разу не пришлось пожалеть, что в орготделе появился новый сотрудник. В Екатерине Никитичне удивительным образом слились воедино и форма и содержание. Благодаря её незаурядным талантам, райком с честью выходил из самых сложных проверок. Недавно занесло в местную глушь инструктора ЦК КПСС с целой кодлой прихлебателей из области, враги небось ликовали — гикнулся Прокопчик, но не подвела Катюша, лицом показала наши достижения, у инструктора сложилось благоприятное мнение о партийном комитете района. Только скоро с ней придётся расстаться. Сам звонил из области, интересовался, прибирает дивчину к рукам. Вот так всегда: растишь-растишь кадры, вкладываешь душу, а заберут и не спросят.

– Что я тебе хочу сказать, Михаил Александрович, – без обиняков начала она, отказавшись от чая, – идём мы в пятницу с Татьяной Петровной, директором Дома культуры, мимо бани, что на улице товарища Урицкого. Темень вокруг, сугробы – по самые окна, сквозь замёрзшие стёкла свет пробивается, мельтишит какая-то фигура, вроде бы мужская, а день-то был женский.

– Ну и что, мало ли у нас любознательных личностей. У этих окон постоянно кто-то трётся, – хмыкнул Прокопчик, сама знаешь.

– Так-то оно так, только уж личность эта нам больно знакомой показалась. На весь райцентр одна, ни с кем не спутаешь.

Вот он понедельник, пронеслось в голове секретаря райкома:

– И что же это за фигура?

– Просvirкин Сергей Михайлович, заведующий общим отделом.

– Да ты что, Катерина, не может того быть, чтобы ответственный работник, наш товарищ, примерный семьянин, как пацан, за голыми женщинами подглядывал, что-то вы с подругой поднапутали.

– Ничего мы не напутали, – обиделась Катерина, – Просvirкина с его ростом за версту видно.

Сергея Михайловича Просvirкина действительно не узнать было сложно. Это был высокий, под метр девяносто, худой сорокалетний мужчина, прирождённый канцелярист, всю жизнь прокорпёвший над бумагами в разных районных учреждениях, пока не осел в райкоме. С точки зрения Прокопчика, Просvirкин звёзд с неба не хватал, но дело своё знал, а главное – не имел личностных амбиций, на него вполне можно было положиться.

– Следует отметить, что Михаил Александрович сам женщин любил до дрожи в коленях, был падок до клубнички, но должность обязывала к сдержанности.

– Может, он и в самом деле полез под эти окна, выпил небось, пошёл прогуляться, вот ненароком и притянуло, – размышлял он, – впрочем, а что собственно случилось? Вечно эти бабы разведут антимионии, обязательно надо наступать.

– И что же ты мне предлагаешь делать?– спросил он инструктора. – Работы это не касается.

– А я считаю, что касается, – с комсомольским запалом ответила она, – уже весь город сплетничает, что Просвишкин за женщинами охотится, тень на весь партийный аппарат. Коммунист, а туда же. На недавнем Пленуме Центрального Комитета «Очередные задачи идеологической работы партии» Никита Сергеевич Хрущев призвал, и это вошло в Постановление Пленума, «начать решительное наступление против пережитков прошлого в сознании и поведении людей». Как мы с вами будем претворять эту линию в жизнь, любой может пальцем ткнуть в райком, обвинить нас в двойной морали, используя такой вроде бы пустячок.

– Круто завернула, – похолодел Прокопчик, примеряется к вышестоящей должности. Сама в прошлом году с заведующим отделом обкома всю ночь по озеру на лодке прокаталась, ни о морали, ни о мнении масс и не вспомнила. Чужая душа – потёмки. Никогда не угадаешь, что из человека может вылезти. Приплетёт что-нибудь там в области, тут ещё инструктор из Москвы, может, спелись тайком. Михаил Александрович прекрасно знал, что в аппарате, как нигде, могли из любой мушки-дрозофилы раздуть слона, сколько стигло хороших людей ни за что, вопреки здравому и житейскому смыслу. Делать нечего, надо с Просвишкиным беседовать.

В конце рабочего дня он вызвал заведомо для приватной беседы. Понимая всю деликатность дела, он не знал с чего и как начать.

– Дорогой мой друг Сергей Михайлович, э-э, тут про тебя, какая-то гнида слушок пустила. Якобы ты за голыми бабами в бане подглядываешь, что сам понимаешь для партработника совершенно недопустимо. Выдавлив из себя эту фразу, Прокопчик ожидал чего угодно, только не этого. Просвишкин вдруг, обхватив голову руками, захлёб зарыдал, облокотившись о стол.

– Был, был я у бани, – прорываясь сквозь слёзы, – но совершенно с другой целью, а не с той, о чём вы думаете.

– А с какой же? – изумился Прокопчик.

Постепенно перед Михаилом Александровичем стала разворачиваться подлинная драма жизни. В семье Просвишкиных давно назревал конфликт. Началось всё с взаимоотношений жены с родней мужа, а если копать глубже, то корни лежали совсем в иной плоскости: несмотря на гренадерский рост, телосложением Сергей Михайлович не вышел, из-за худобы даже производил впечатление типичного тубика, хотя этим не страдал. Жена его Анна, наоборот: словно сошла с полотен Кустодиева, на всех частях её тела лежала печать истинной благодати, что производило

неизгладимое впечатление на мужиков. Завидуя Просвиркину, последние как могли изгалялись за его спиной по поводу явного несоответствия друг другу супружеской четы, да и бабы в своем кругу милосердием не отличались.

Всё началось опять-таки с бани. Банный вопрос стоял в посёлке остро. Одна общественная помывочная на весь посёлок, один день недели обслуживавшая мужчин, другой – женщин. Значительная часть населения пользовалась личными баньками, в которых зачастую мылись семейными кланами плюс ближайшие друзья и знакомые. Просвиркин с семейством по субботам отправлялся к мамане, в родовую усадьбу с настоящей русской баней, парилкой и прудом, куда можно было нырнуть с мостков. После баньки неизменный стол с водочкой, картошечкой, солёными огурчиками. Только вот на помывку приходили и сёстры с мужьями, тут уж без женских обид не обойтись: кто-то косо посмотрел, не то сказал и вообще жрёт и пьёт за чужой счёт.

Кончилось всё тем, что однажды Анюта безапелляционно заявила, что будет ходить только в поселковую баню, а та пусть сгорит синим пламенем. Муж как ни уговаривал, сломить её упорство не смог. Он по-прежнему навещал по субботам маманю, а Анюта по пятницам уходила из дома как положено – с тазиком и свёртком белья. Вскоре стали Сергея Михайловича терзать сомнения, зашевелилась подлюка ревность, отравлявшая жизнь. Баню супруга, безусловно, посещала, но какую? В общественной отродясь не было буфета, ни пива, ни водки там не продавали, а жена каждый раз возвращалась под хмельком, да и помывка постоянно удлинялась.

Не в силах терпеть душевные муки, решил он последить за половиной, поставить все точки над «и». Дело это оказалось нелёгким из-за его излишней узнаваемости, идти за Анютой пришлось на расстоянии, на одном из поворотов он упустил её из виду. Ничего не оставалось делать как прильнуть к окнам бани, за которыми в клубах пара и мелькающих женских тел, он безуспешно пытался обнаружить исчезнувшую супругу. А потом был скандал, вспоминать не хочется, уехать бы куда подальше.

– Н-да, ситуация, – выслушав исповедь, протянул Прокопчик. Она оказалась ещё хуже, чем можно было предполагать – моральное разложение в семье руководящего работника. Скандала в районном масштабе не избежать, обязательно дойдёт до обкома, что скажет первый? Крутёнок он, сталинской выучки, мужик непредсказуемый, куда захочет туда и повернёт. Анька же стерва, дурочкой прикидывалась, сколько раз он предлагал ей покровительство, не болталась бы сейчас по чужим баням.

– Скажу тебе, Сергей Михайлович, как коммунист коммунисту, райком, конечно, не может стоять в стороне и делать вид, что в твоей семье ничего не происходит. Сам понимаешь, где работаем. Люди нас не поймут. Человек ты заслуженный, не обидим.

Через три недели бюро райкома партии рекомендовало кандидатуру Просвиркина к избранию председателем колхоза «Путь к коммунизму».

– А ведь ты знаешь, Сергей Михайлович, некстати брякнул после заседания бюро председатель райисполкома Семёнов, – там у них в главной усадьбе полнейший коммунизм, всё общее.

– Как это? – не понял Просvirкин.

– Ночевал я по осени в избе прежнего председателя Михеева, как раз суббота – банный день, сидим за столом, пьём чай. Вдруг Михеев предлагает сходить попариться, а Наташка, дочка, вам спину потрёт. Я чуть со стула не свалился. Оказалось, что в их деревне до сих пор моются все вместе и мужики и бабы без разделения полов, как издревле было заведено отцами и дедами. Просvirкин позеленел и, не попрощавшись, покинул райком. В колхоз он не поехал, перебрался к родне в соседнюю область.

Касательно Михаила Александровича, то мечта его не сбылась, дальше района не пошёл. Споткнулся на женском вопросе, вышел за рамки партийной этики. Одно время рулил исполнительным комитетом, потом отделением Сельхозтехники, а закончил карьеру директором сельхозтехникума, благо имел высшее педагогическое образование.

**Светлана
ГОРИНА**

**выпускница филологического факультета НовГУ,
журналист газеты «Новгородские ведомости»**

ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ

Сегодня для Дениса был знаменательный день. Несмотря на ссору с подружкой и выговор на тренировке. «Ты неплохо играешь, Дэни. Воля к победе – вот чего тебе не хватает», – строго заметил его тренер. Денис и сам это понимал, но словно ждал попутного ветра. С детства не хватало ему твердого ядрышка, вокруг которого вертелась бы вся его энергия. Он получал удовольствие от баскетбола, да ещё какое, но прав тренер – этого мало. Нужны ещё решительность, холодный ум и желание не оставить противнику ни единого шанса на победу.

«Бесхребетный я какой-то», – печально рассуждал он по дороге домой. Дэни всегда мечтал стать спортсменом. И рост, и сила – всё, казалось бы, в его пользу. Но тренер опасался отпускать его на серьёзные соревнования – вдруг подведёт команду? Однако сегодня Фортуна, кажется, повернулась к молодому человеку лицом. Близился матч со сборной другого города, а один из игроков их команды сломал ногу. И почему-то тренеру показалось, что лучшей заменой станет безвольный, «бесхребетный» восемнадцатилетний Дэни. «Наконец-то», – промелькнуло в мозгу, когда он услышал новость. Впрочем, он не столько обрадовался, сколько испугался. И не только ответственности.

Вчера, когда он вышел из общежития, внезапно наступила темнота. Так бывает, когда поезд внезапно въезжает в туннель. Очнулся Дэни через два часа на скамейке в глубине двора. Сквозь лапы елей падали косые лучи вечернего солнца. Рядом сидел его приятель Андрей, старше Дэни на десять лет. Сейчас друг казался немного испуганным.

– Я поймал тебя на улице, – объяснил Андрей. – Ты шёл как лунатик и чуть не попал под машину.

Дэни тяжело вздохнул. Припадки начались ещё в школе: мозг, словно отделившись от своего хозяина, стал отключаться, и Дэни, хоть убей, не помнил, что делал в это время. Конечно, происходит такое нечасто, но все же... Доктора только руками разводили да прописывали успокоительные.

– Ты ведь понимаешь, что тебе лучше бросить свой баскетбол? Это может быть очень опасно как для тебя, так и для других, – негромко сказал Андрей.

Дэни понимал. Мало ли что его мозг, став самостоятельным бездушным существом, мог вообразить во время припадка. Общежитский двор мог превратиться в спортзал, а мирные прохожие – в опасных противников. А уж силы у Дэни – хоть отбавляй. Андрей уже не раз заводил об этом разговор, но спортсмен упрямо качал головой:

– Я не могу отказаться от баскетбола. Просто не могу и всё. Я думаю, я смогу научиться контролировать себя в *такое время*. А может, припадки скоро пройдут.

Дэни смутно чувствовал – именно в этих странных отключениях мозга и кроется истинная причина его спортивных неудач. Научившись жить самостоятельно, его мозг творил, что хотел, и Дэни над ним был не властен. Откуда ему было знать, что он может учудить на соревнованиях в другом городе? Какотреагирует на чужую обстановку, незнакомых людей, рвущихся к победе? И всё-таки Денис хотел ехать. О своей странности тренеру он не рассказывал – это бы поставило крест на всей его спортивной карьере.

Ему бы с кем-то посоветоваться на этот счёт, но с кем? Раньше хоть была подружка, а теперь он, видимо, ей не нужен. Поначалу хорошие отношения с Викой теперь стали истончаться, крошиться, как эмаль на плохих зубах. Вика серьёзно занялась танцами. На столе у неё появилась фотография какой-то французской балерины с томными глазами, блиставшей в «Лебедином озере». И с ней Вике нравилось беседовать куда больше, чем с Дэни. Впрочем, неудивительно – кому нужен парень со странностями? И всё-таки то ли по привычке, то ли ещё почему, но Дэни зашел в её комнату в общежитии. Очень хотелось с кем-то поговорить.

Как и ожидалось, Вики дома не было. Дэни встретила её соседка Бэла. Задумчивая, грустная, с яркими чувственными губами, тёмными глазами. Где же он раньше видел эти глаза? Глубокие, прозрачные, как два горных озера в несолнечный день, они не открывали тайн души.

– Тебе плохо? – спросила Бэла

– Голова очень болит...

– Я принесу крепкого чая. Это помогает.

Дэни устало опустился на стул. В голове ни одной мысли, словно их всех смело цунами. Оставшись один, он рассеянно открыл лежащую на столе тетрадь. Это был личный дневник. Дэни слегка вздрогнул и стал листать страницы. «... Мы гуляли босиком по пляжу. На песке вился узор наших следов. Мне на плечо незаметно села бабочка. Настоящая

красавица! На вишневых крыльях сияют голубые пятна в серебристо-черной оправе.

– Это павлиний глаз, – сказал он тихо, чтобы не спугнуть гостью. – Говорят, если поведать бабочке самое сокровенное желание, оно исполнится...»

«Эта ночь душит меня. Я все думаю – почему так? Мои мысли – будто заблудившийся в горах осенний дождь...»

Из тетради выпала вырезанная из газеты фотография: Бэла под руку с молодым человеком, известным в их городе политиком или юристом. Он осторожно, словно хрупкую фарфоровую вазу, вернул тетрадь на место. Когда украдкой приоткрываешь дверцу в другую жизнь, чувствуешь, что человек незаметно перестает быть чужим. Вернулась Бэла с чаем. Взгляд её скользнул по столу, задержался на выглядывающей из тетради фотографии.

– Мы уже расстались, – коротко заметила она. – Это была ошибка.

И только тут Дэни заметил, что в комнате практически нет вещей Бэлы.

– Ты уезжаешь? Из-за него? Послушай, Бэла... А как же твоя учёба?

Она промолчала, а на его дальнейшие уговоры ответила:

– Поезд завтра в семь утра.

– Тогда, если тебе всё равно, куда ехать, поедem со мной на соревнования. В другой город, – неожиданно для самого себя предложил Дэни. – Соберёшься с мыслями, подумаешь, как лучше поступить. Говорят, смена обстановки помогает.

Конечно, идея глупая, она наверняка сейчас засмеет его... К его удивлению, Бэла согласилась.

Впоследствии Денис решил, что своей игрой и победой команды, и переменой отношения тренера к себе он обязан именно Бэле. Прочитав отрывок из её дневника, он почему-то стал доверять девушке, как не доверял ещё никому. Они мало разговаривали, но само её присутствие почему-то успокаивало его. Дэни не думал о странных припадках, победе или поражении, просто играл на одном дыхании. Как будто парил на головокружительной высоте над горами. Молодой человек смутно чувствовал – Бэла догадывается, почему ему нужна её помощь, но не спрашивает. И за это молчание он был ей благодарен. Кроме того, Дэни надеялся, что двухдневная поездка как-то поможет и самой девушке, втайне даже мечтал, чтобы она не уезжала. Но в глубине души чувствовал какую-то тревогу.

Случилось это, как только они вернулись домой. Денис в первый же вечер зашёл к ней в комнату. Девушка паковала чемодан. И тут Дэни вспомнил, где раньше видел её глаза – на фотографии балерины, которой так любовалась его подруга. Она стояла тут же на столике.

– Твоя родственница? – спросил он.

Бэла вздрогнула, побледнела.

– Ты, наверное, слышал о балерине Валерии Холиной. Она живёт в

Париже.

Роковая женщина – первое, что пришло ему на ум. Он вспомнил, что несколько лет назад газеты писали о скандале, связанном с её именем. Муж Валерии, известный французский пианист, убил любовника жены и покончил жизнь самоубийством. Жуткая драма...

– Меня воспитали родственники, мать изредка приезжала из Франции. Когда вспыхнул скандал, в газетах мусолили жизнь нашей семьи во всех деталях. Промелькнуло и моё имя – Агриппина, так меня называли родители. Журналисты даже хотели взять у меня интервью. Я не скоро оправилась от этой истории. Мои опекуны уговорили меня сменить имя и начать новую жизнь. Но у призраков прошлого длинные тени.

– Это *он* решил... прекратить отношения? – спросил Дэни.

– Нет, он ни о чём не знает. Напротив – для него разрыв стал большим ударом. Но я-то понимаю, какой ад ему грозит, если он свяжет свою жизнь со мной. У него ведь безупречная репутация, карьера... Не отговаривай меня, я знаю как лучше.

Она улыбнулась и протянула ему белую коробочку. Вернувшись в свою комнату, Дэни открыл подарок. Оттуда выпорхнула и закружилась под потолком яркая нарядная бабочка – павлиний глаз.

Анна
КУКУШКИНА
ассистент кафедры педагогики НовГУ

* * *

Околдована зябкая хмарь
Светлой ярмаркой листьев кленовых.
Разливается снова и снова
По равнинам осенний янтарь.

Снова вязкие, зыбкие сны
Голосами языческих песен,
Прошлой связью, подслушанной вестью
Ясновиденьем тяжким полны.

Чаем с мятой согрета заря.
На яру всё же дышится легче.
Воды плещутся, катятся, блещут
Обрывая обид якоря.

Вот и память, остывшую пядь
Покидает. Июльские клятвы
Мне отныне припомнятся вряд ли.
Отпустить... чтоб однажды понять.

Дремлют в дымке родные края,
Огранённые любящим взглядом.
И во всём... и во всём этом — Я...
А иного мне просто не надо.

МАЛЕНЬКОМУ ПРИНЦУ

*Срываются звёзды с крыш
И шепчут: «Ты – гость, ты – гость...»
Григорий Князев*

Он был не таким, как...
Он
Улыбкою брал врасплох.
И как-то терялся сон,
И вдруг забывался вздох.

И снова хотелось быть
Чуть лучше и чуть смелей,
Вбивать адреса судьбы
Вперёд на десятки лет,

По всем городам земли
Раскидывать облака.
И звёзды опять цвели
В колодцах и родниках.

.....
Укутывало причал
В осоку и молочай.
Он больше молчал. Молчал
И хмурился невзначай.

В ту полночь светилась даль
Лазоревою каймой.
Наверно, ему звезда
Шепнула «пора домой...»

* * *

Мне говорят, что нужно повзрослеть
И стать умнее.
А я стоять ногами на земле –
Ну, не умею!

Мне говорят, что нужно расставлять
Приоритеты.
А мой топ-лист: пушные тополя,
Стихи и лето.

Мне говорят, что замуж невтерпёж,
Что кто-то нужен.
А за окном гуляет майский дождь
По тёплым лужам,

Зовёт с собой в неведомом краю
Ходить по краю.
Мне говорят... а я внутри пою
И улыбаюсь.

* * *

«Влюбляйся в жизнь!» – напутствует апрель, –
«Влюбляйся в жизнь неистово и снова».
В окно – весны мятежной менестрель –
Стучится дождь мелодией кленовой.

Земля твердит: «Люби. Не помни зла!
Без сожалений начинай сначала».
Глядишь – и снова тёплая смола
Струится там, где пламя бушевало.

Зовут ромашки средь бетонных плит:
«Стремись вперёд, надейся на удачу».
Восход перерождение сулит,
Здесь каждый миг волшебнo многозначен.

Жужжание, движение в листве.
В зелёной дымке дали небосвода.
И в этом ежедневном торжестве –
Живая педагогика природы.

* * *

Влюбляешься. Не в человека, а лишь в возможность
Того, кем он может проснуться с тобою рядом.
В случайное обещание нового Эльдорадо,
В реальность, где всё будет проще, всё будет можно.

Влюбляешься не в человека – в списки его паролей,
Ролей комбинации шрамов, изгибы тела,
Во всё, что мечталось, верилось и хотелось,
В предчувствие счастья и... может быть, в жажду боли,

В волшебные совпадения фобий, строчек любимой песни
В контрасты слабостей, точек зрения, принятых в обиходе.

Когда влюблённость проходит (к счастью (?)) – она проходит),
В истории начинается самое интересное...

* * *

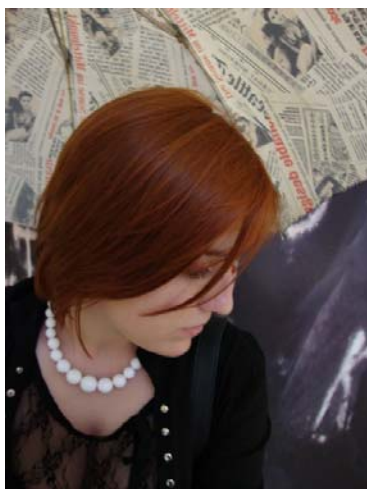
Когда время пойдёт на убыль,
а скорость пойдёт на взлёт,
Просто верь мне и нам отчаянно повезёт.
Беглецам достаются лучшие из призов –
Встречный ветер и горизонт.

Запотеют стекла, впуская в себя зарю.
Не торгуясь, верь всему, что я тебе говорю.
Это старый, проверенный жизнью трюк,
Позабывтая ловкость рук.

Понимаешь, любовь – один затяжной «Траст фол»*. Бесконечный полёт с перспективой вписаться в пол. Я ловлю тебя, слышишь, моё прекраснейшее из зол? Сантиметров осталось: пол.

*«Trust fall» – психологическое упражнение на доверие. Участнику необходимо упасть спиной на руки партнера или команды.

**Юлия
КРЫЛОВА**
студентка Российского государственного
педагогического университета

* * *

год вместе прожили и стихотворный метр
квадратным стал и сузился мирок
до новой мебели невымытой посуды
и невозможности познать свой потолок
раскрыть глаза и окна чтобы ветер
проник повсюду двадцать пятый кадр
похож на прочие двадцать четыре кадра
нам снятся сны и в этих снах мы спим
и Фрейд духовной жаждою томим
и бесконечно наступает завтра
и ты не рад.

* * *

Так берега
прощаются с волной,
хотя уверены:
она вернется снова.
Неразделимы,
зарифмованные словно,
созвучны,
но живём своей строкой.
Друг друга ищем

в недрах словаря
(нам не предмет –
название интересно).
Мы надоевшая,
с одним припевом песня,
но верь мне:
песню
мы поем не зря.
Чтоб выдохнуть,
необходим нам вдох:
в дыхании вселенной
мы колечки дыма.
Всё повторяется.
Мы тоже повторимы.
Не повторяется
один лишь Бог.

И вот опять безумствует прибой
и с каждым мигот волны бьют сильнее.
Быть может, скоро мы дождемся Моисея
и разойдёмся –
перед ним
и меж собой.

УТОЧНЕНИЯ

Точка есть то, часть чего ничто
Евклид «Начала»

Пара лет сплошных уточнений:
за каждым «я» надо ставить точку
и каждый раз называть последним,
чтобы случайно, каждую среду
быть двоеточием тем не менее,
большого не желая точно.

Брайля шрифт ощущая тактильно,
веря в любовь, выбираю либидо.
Мы с тобою всего лишь сумма
Танатоса, Эроса и Эвклида.
Всё что осталось – дышать бессильно,
слушать морзянку в кроватном шуме.

Мы же умеем любить в полсилы,
делиться по полу, жить половиной,
ждать превращения жизни в шифр
(дата крестин – дата поминок).
Точки же соединит по цифрам
мальчик, которого мы не родили.

**Евгений
ИВАНОВ**

**заместитель директора Института непрерывного педагогического
образования НовГУ,
профессор кафедры педагогики**

«ИЗ ПАМЯТИ ВЫДАВЛИВАЯ СТРОКИ....»
Стихи из прошлого

* * *

Из памяти выдавливая строки,
Бреду за ними по ухабам лет.
В словах любви скрываются пороки,
Оставив свой весьма заметный след.

Искра желанья зажигала сердце,
И воспаляла тело изнутри,
И предвкушенья вечного блаженства
В признаньях сами рифмами легли.

Поэзия не божий дар, она греховна,
В ней чувство страсти и нагая красота.
Она любвеобильна и свободна,
Наивна, пафосна, похабна и... чиста.

* * *

Полжизни позади, как будто сон.
Полжизни впереди, но где взять сил?
Есть сын, но не построил ещё дом
И дерево в саду не посадил.
Не плачу и судьбу я не виню,
Хоть видно не начну уже с листа,
Я душу отдал адову огню,
Едва дожив до возраста Христа.

Я сердце на кусочки раскрошил,
Когда менял года на медяки,
Когда запоем беспробудно пил,
И сочинял похабные стихи.
Когда Иуду в юбке целовал
И выпивал яд страсти до конца,
Когда в горячке чёрт меня распял
И бросил у кабацкого крыльца.
Так и живу: без сердца, без души,
Без Бога и без дома, и без сада,
Как пёс бродячий, что орёт в тиши
Под фонарём ночную серенаду.

* * *

Замело, закружило, завьюжило,
Почернело, осело, растаяло.
Приглянулась, назвал её суженой,
И она полюбила нечаянно.
Мы по жизни идём рука об руку,
Делим радости, делим горести,
Рядом с нами растёт продолжение
Нескончаемой нашей повести.

**Юлия
ЛЕТОВА**

**выпускница юридического факультета НовГУ, юрисконсульт
федеральной противопожарной службы по Тверской области**

МГНОВЕНЬЯ ЮНОСТИ

Ветер бил в открытое окно,
Город зажигал огни ночные.
В голове вертелось лишь одно,
Где же наши времена были?

Где звонки на трубку в три утра,
И вопросы типа: «Скоро выйдешь?»,
Где расспросы: «Как было вчера?»,
И соседей вопли: «Ну-ка тише!»?

И куда пропали навсегда
Наши деревянные качели?
Где же нашей юности года,
Почему так быстро пролетели?

Где ночные бдения во дворе,
Разговоры за закрытой дверью?
И домой так часто на заре,
По стене скользящей быстро тенью.

А бутылка пива на двоих,
Помнишь, втихаря в беседке дальней?
Глупости, ошибки, их
Совершали мы и исправляли.

Было всякое у нас тогда,
Были радости и были огорченья,

Но я не забуду никогда
Юности прекрасные мгновенья.

* * *

Старый месяц протянет сквозь облако тонкие рожки.
Полог тёмно-иссинего неба зашторит окно.
Свет от лампы настольной вдоль двери оставит дорожку,
Мне вполне его хватит, чтоб было немножко светло.

Я сижу как всегда за столом с чашкой чёрного чая,
Не тоскую, нет, нет, просто в мыслях кочую своих.
А весенняя ночь звёзды-лампочки в небе включает.
Я сегодня с бессонницей чай разделю на двоих.

Мы с ней вспомним былое, слегка погрустим о минувшем,
Улыбнёмся мечтам и добавим в свой чай рафинад.
И мне эта бездонная ночь не покажется скучной,
Перебор размышлений настроит на правильный лад.

Я взгляну за окно, где из жёлтой бумаги оконца,
Зажигают соседи из дома напротив опять.
В небе утреннем сумрачном нет ещё лучиков солнца.
Да, немножко, наверное, всё-таки хочется спать...

* * *

Весна обостряет чувства,
Весна открывает двери,
Опять заставляет сердце
Забиться чуть-чуть быстрее.

Любить, так безумно и страстно,
Творить, так надрывно и смело,
И верить, что всё не напрасно –
Весна убедить сумела.

Капель за окном и ветер,
Что треплет деревьев верхушки.
Нет времени лучше на свете,
Когда выступают веснушки.

**Оксана
КАСЬЯНОВА**

**выпускница филологического факультета,
студентка факультета лингвистики и межкультурной коммуникации
НовГУ**

* * *

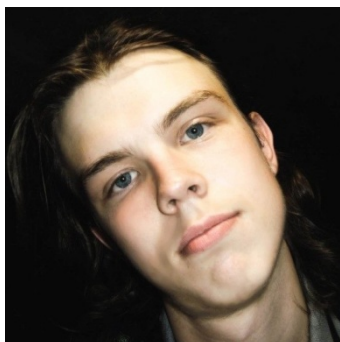
Когда мы забудем друг друга,
Луна не сорвётся в рассвет,
Не будет порочного круга,
И криков безумного «нет».

Смущённые взгляды не станут
Касаться остывших сердец,
И губы шептать не устанут
С печальной улыбкой «конец».

Свободной и лёгкой походкой
Сбегу по ступеням под дождь.
Не ждать тебя – это неловко,
И странно – ты тоже не ждёшь.

Не ждём и не вспомним, быть может,
Продолжим с другого листа,
И нас никогда не встревожит
В озябшей груди пустота.

**Андрей
СТЕПАНОВ**
студент филологического факультета НовГУ

* * *

Любовь как деепричастие,
Не то и не сё порой.
То радость её участие,
То страшный звериный вой.

* * *

Мы остались одни на крыше
И рискнули встретить рассвет.
Всех людей, предрассудков выше,
Для других нас как будто нет.

Это утро запомним навеки
И мы смотрим опять на восток.
Не сомкнём мы сейчас свои веки,
Ждём с волнением назначенный срок.

И наутро, как город проснётся,
Мы уйдём, никого не виня,
И рука вдруг к руке прикоснётся,
В этот миг ты полюбишь меня.

* * *

Я умру через тысячу лет,
В неокрепших сердцах растений
Три десятка произведений,
Они были... Теперь их нет.

Белым сумраком декабря
Наступает мне ночь на пятки,

Со мной снова играя в прятки.
И опять я жду сентября.

Но когда же наступит теперь
Осень светлая и немая?
Все обиды свои прощая,
За тобой я закрою дверь.

Третий раздел
**«Возвращаться и петь,
и смотреть
в сумасшедшую синь»**

**Руслан
ДЕРИГЛАЗОВ**
ответственный секретарь журнала «Вестник НовГУ»

СЕРДЦЕ В СУМРАКЕ

Стихи разных лет

Разумом всё управляется, но страстью всё живёт.
А.С.Хомяков

* * *

Забытой заповеди муки.
Ах, не ломай напрасно руки
в пустом беспамятстве своём.

Уж никакой надежды звуки
не донесутся в даль разлуки —
и мы не вспомним, не споём...

* * *

Не мраком ли пышет светило
в неплотно прикрытой ночи;
и слышно — шаром покатило,
и Муромец ахнул с печи.
И встал он на буйные ноги
и буйные речи завёл —

не зная ещё ни дороги,
ни камня тройной произвол.
— С печи да на бал! —
Он вышел во тьму мировую —
не в сказку, а в быль роковую —
и в ней безоглядно пропал...

ПРОМЕЖУТОК

Угаснет свеча несвятого рассудка
в осаде бетонных посадок-задов,
в остуде пустого, как век, промежутка —
и кто нас рассудит? и хватит ли слов?
и судьи-то кто? и какое им горе
до наших с тобой — пусть «не наших» — умов,
и много ль им проку в священном глаголе,
и незачем тяжесть пророческих снов...

ГЛАМУР! ГЛАМУР!

Что ни красавец,
то мерзавец.
Что ни красотка,
то кокотка.

ВЕЧЕРНИЕ ЗАМЕТКИ

1.

Печаль венчает вечер жизни.
Качает ветер дерева.
Пустые мягкие слова
под пеплом смысла, словно слизи,
шевелиются едва-едва...

2.

По кромке ветра, по негромким
следам невыпетой души
не угадать вселенской ломки
в животворящей тиши.

* * *

To be or not to be

Вопроса нет: писать иль не писать.
Вопрос: зачем? Ответ: затем, что надо.
Заполнить строчками ещё одну тетрадь,
как — птичьим щебетом безустый говор сада.
Лишь в пенье — пенья смысл и песни благодать
и певчему единая награда.

О чём писать? Да что там: хоть о чём.
Кому писать? — вопрос иного рода.
Тому, кто в душу дышит горячо,
кому ничьи сомненья нипочём,
кто властью надо мною облечён —
и быв отцом мне — станет палачом...
Я — прах и глас. А он — сама природа.

* * *

Сердце в сумраке падает долу.
Но и там нет покоя ему.
И неймётся глухому глаголу,
что ни сердцу, увы, ни уму.

* * *

Легка моя совесть, и боль непременно,
и бел мой непраздничный день;
но мерой какою — неверной, наверно, —
я выделен между людей?

Суха моя длань и невлажные речи
разносит как ветер с куста.
Надежда тончает. Далече-далече
какая же меркнет звезда?

И нежная боль уточняет наречий
забытых настой и устав —
прохладу гортаней. Далече-далече
какие же зябнут уста?

ИЮЛЬСКИЙ ПОЛДЕНЬ

Рыбак привязан сонной леской
к зеркальной плоскости пруда.
В окне не дрогнет занавеска.
Застыла воздуха слюда.

НЕНАСТЬЕ

Пузырятся лужи.
Нескончаем дождь.
Никому не нужен,
духом занедужив,
сна не обретёшь.

В судном непокое
силишься понять:
что с тобой такое? —
руку не поднять...
Не на что пенять...

* * *

То муки, то скуки припадок,
упадок и плоти и духа,
и путь под стопою и гладок и гадов,
то — шёпотом в стену, то — грохотом в ухо...

* * *

И что за боль
меня утешит?
и что за тьма
прозреть заставит?
и что на память
мне оставит?
и потрясётся
что за нежить...

СТАНСЫ

Ни прегрешения, ни правила,
нарушенного мной, не помню.

Любовь лишь крону мне поправила,
оставив боль сырому комлю.
И вот — живу...

...то ли сна недалёкий выкрик...

Наш разум ждёт неповторимого.
И если надо, мы творим
в согласие с разумом своим —
поверх незримого и зримого —
то, что желанно, — и твердим:
любой повтор неповторим.

...то ли ветра всхлип печальный...

Наши чувства, рождая восторг,
помрачают все наши познания.
Это сон наяву нас исторг
в лоно чистого исповеданья
неисповедимого...

... то ли чей-то лёгкий шаг...

В превратностях речи привычной,
в надежде на радужный слог,
и самый надёжный обычай
уходит, как влага в песок, —
меж пальцев — меж строк.

*...нет, ни ветер, ни сон, ни поступь —
чья-то, может и ничья, —
не воротит этих строчек,
выплывших из пустоты...*

* * *

Из наихудших в наилучшие
словцо, невесть с чего, попало.
И что ж?

Эпоха гаже стала.
Увы! история устала
учить — не то что переучивать.

**Григорий
КНЯЗЕВ**

студент филологического факультета НовГУ

* * *

Я дошёл до крайнего предела
Лестницы воздушной и живой,
Как ребёнок – от игры до дела...
И природа в спину мне глядела,
И качался свет над головой.

И на каждой солнечной ступени
Ожидало чудо из чудес:
То мелькали радужные тени,
То шепталось озеро сирени,
То молчал зубчатый зимний лес.

И хотелось мне и петь и плакать,
И нестись в отчаянную высь,
И топтать предмартовскую слякоть.
Сердца изленившегося мякоть
Отвечала мне: «Угомонись!»

Но никак не мог уgomониться –
И терял себя, и забывал...
Белый день – как белая страница,
Ночь моя – глубокая криница,
Настроений сумеречных вал.

Я, любви космической посланник,
В алгебру и музыку проник,
Круг рисую, крест и многогранник...
Где мой дом?

Не я ли – вечный странник,
Позабывший бабочек язык?

Увлечённый потаённой силой
Тёмной речи посреди огня,
Многоликий, гордый, легкокрылый,
То и знаю, что ловлю унылый,
Тонкий, гулкий отголосок дня...

Лето, 2012

**Юрий
ФАБРИЧНИН**
доцент кафедры журналистики НовГУ

* * *

Снова пред вечностью —
Небом и полем —
Я беззащитен стою и один.
Снова я брежу,
Как будто я болен,
Белой безбрежностью
Голых равнин.

Дом привечает,
Радеющих много...
А оглянулся —
Округа пуста.
Только сквозь снежную млечность —
Дорога,
Только сквозь млечную снежность —
Звезда.

MEMORY

Открыв страниц седую быль,
Их жизнь потусторонью,
В них просочившуюся пыль
Смахну сухой ладонью.

О, сколько лиц, и лиц, и лиц
В своём застывшем миге
Взирают молча со страниц
Мемориальной книги.

Как облака слезой сквозят...
Как искра спит в кресале...
И что-то силятся сказать,
И вроде бы сказали,

Всех нас сквозь пыль и забытьё
Вниманьем одаряя,
И что-то – каждому – своё,
И слов не повторяя.

ВОСПОМИНАНИЕ О БЕРЁЗАХ

Е.Г. Александрову

Дымами думными дома
В снегах обозначались.
В растопе мерзлые дрова
Трещали и стращались.

Под шелушащейся корой
Их спил был нежно-розов.
Они, казалось, под пилой
Спасались от морозов.

Потом, в танцующем огне,
Они протяжно пели.
Такие песни снились мне
В скрипящей колыбели.

Сошли берёзы на дрова.
Сыграли на свирели.
И в синеве (что жизнь? – труба).
Дыханьем отгорели.

**Игорь
ИСАЕВЪ**
поэт, г.Псков

* * *

По карманам, по ящикам шарясь,
Будь готов к неудаче своей.
Неуёмную, скотскую ярость
Дальше дальнего спрятать сумей.

Убери этот чёртов торнадо,
Всё готовый в тебе сокрушить.
Улыбайся. Тебе это надо –
Пересчитывать крохи души?!

Ни сказать, ни промолвить полслова.
Фотографии – всё не со мной.
На весь двор поскандалить? Пустое.
Я пошёл. Дверь за мною закрой.

Где она, ненадёжная сила,
Что держала меня до поры?!
Ведь она же сама попросила
Этот проклятый ящик открыть...

* * *

Мы расстались. Так и быть.
Ты просила – что ж,
Кто свободен от судьбы,
Сразу к смерти вхож.

Лезли черти через вал,
Смотришь – на Торгу
Я собою торговал
И тобой – смогу...

Под замшелю стеной,
Снежной, ледяной
Не тюльпан – бурьян степной
Вырастет весной.

Не встречаться больше нам,
Счастья не искать.
Даже нашим именам
Рядом не стоять.

Ладно, так и быть, решай,
Первый пал редут.
За меня и полгроша
Черти не дадут.

* * *

Неудачных и радостных дней
Мне природа отмерила поровну.
Счастлив я? Если вдуматься, нет:
В полдень летний и то было холодно.

И движения, вроде просты,
Все крестом или месяцем мечены.
Попытаешься, и невпротык,
Через мать твою да в поперечину.

Зарождается краем межи
И оставит на память отметину -
Как же всё-таки мне пережить
Новорожденное однолетие?!

Страдным посохом, ржавым ружьём
И водою, болотной, лежалою,
Жить нельзя. Посмотрите – живём,
Да не просто живём – побеждаем мы!

Нет причины и повода нет
Стать добычей залётному ворону.
Неудачных и радостных дней
Мне природа отмерила поровну.

И вино, и веселье. Весной,
Проводив всех незваных, непрошенных,
Будет грустно, приляжешь на дно,
Но и там встретишь мало хорошего.

**Степан
ДМИТРИЕВ**
выпускник филологического факультета,
музыкант, лидер группы «Blackbird»

* * *

Легче выжечь тавро, чем два слова связать...
Спутан взгляд... Сух язык... и песок в животе.
Легче зубы на нервную нить нанизать...
Чтоб их фосфор мерцал в голубой темноте.
Чтобы грызли древесную кожу огнём.
Чтобы камни трескали в холодной земле.
Видишь в снежной стране над замёрзшим гнильем
Поднимается солнце с крестом на крыле.
Ствол с забортной водой к офицерскому рту.
Все сорвали погоны. Чего же ты ждёшь?
Заполярье бушует в закрытом порту.
И ползёт по щеке комендантская вошь...
Крейсерам уходить за кайму без людей.
Умирать без речей. Остаться в ничьих.
Через месяц в апреле свет станет острее,
Будет резать глаза в заполярной ночи.
Легче вырвать язык, чем два слова родить...
Как у стенки стоять... Как вдыхать приговор.
Нанижи свою память на нервную нить...
И почувствуй спиной, что такое в упор.

* * *

И пытается что-то вспомнить, засыпая на остановке,
Из какой-то там жизни первой или сорок девятой жизни
Оловянный солдатик стойкий, в разлагающей обстановке
На одной ноге доскакавший по весенней холодной жиже
До двенадцатого апреля, неизвестно какого года,
В своей старой стране, которой все доказаны теоремы.

Той, что видит насквозь любого и чуть что – лупит сразу в морду.
Здесь любой оловянный мальчик знает, чем наживать проблемы.

От весеннего пекла мягче стало олово тонких пальцев.
И попробуй, сожми винтовку, чтобы сделать хороший выстрел.
В этой старой стране любая вошь закована в толстый панцирь
Из банкнот, из газет, из водки, из гнетущих тяжёлых мыслей.

Напрягает дрожащий студень в голове, выдыхает в воздух:
Чем спаять мою детскую сказку с этой взрослой весной в мазуте?
Как поверить, что солнце светит, что в алмазном сиянии звездном
Скрыто доброе сердце Бога, что оно никого не судит?

Он прошёл одноногим маршем по горящим руинам детства,
Разрывая штыком бумагу с нарисованными домами.
Он увидел в разрывах ужас, от которого воеет сердце,
И внутри навсегда проснулось обращённое к небу пламя.

Оловянное солнце катится с сильно выгоревшей фуражки.
На шинели прорехи выело насекомое-время. Долго
Шёл солдатик по вечной памяти, перевернутый вверх тормашками.
И хранил в вещмешке холодное несъедобное чувство долга.

Злились звёзды над головою. Тень сдувало вселенским ветром.
Сумасшедшими мотыльками осыпало к утру дороги...
А сейчас он уснул и понял: все бескрайние километры,
Все от Волги до Енисея – рай для воинов одноногих...

* * *

У этой рыжей дороги с моря память осколочная острая.
А я похож на простроченный пулями циферблат вокзала.
Вместо цифр – дырки в небо, сквозящее чистыми звёздами.
Вместо стрелок – ошмётки искореженного металла.

И острей серповидного месяца режет коса прибора
Моё сухопутное сердце, намывая туда солёную
Воду с йодом... И всё для меня родное...
Небо синее, скалы рыжие, сосны зелёные.....

Побережье для тех, кто несёт на плечах помимо
Палатки и кухонной утвари неподъёмный рюкзак вселенной.
Для забывших и пьяных, вечно крадущихся мимо
Розоватых мизинцев Эос или бледных волос Селены.

Когда видел, как ночью Млечный путь окунается в Чёрное

Море. Мать его... карамельки-кометы щёлкали в липких пальцах....
Что на севере ждёт нас? Квартира и пыль никчёмная?
Как же можно теперь с этой звёздной водой расстаться?

Стук да стук развесело-квадратные колесики поезда.
Расстояние за спиной расстается с йодовитым Новороссом.
Ноет зуб. А в глазах великаном застыл бессовестно
Стометровый обрыв над пролившимся купоросом.

* * *

По дорожной разметке – прямо на небеса.
Светофоры как звезды. И больше не приземлиться.
Бог открыл ежедневник, подумал и записал.
9-ое августа. Четвёртую ночь не спится...

А у меня в голове мескалиновые привидения.
И невозможно связать чернилами всех, кто там зажигает.
Всё смешалось: адвокаты и свидетели обвинения,
Турецкие сладости, поющие Pussy Riot.

Ничего не понять... Вот – июль. Мы записываем первый сингл,
и все – живые.
А вот – август. И смерть сплющивает в блин семерку.
Переломы, растяжения, осколочные и ножевые.
Люди ищут ответы в безразличном кафеле морга.

Я сам ощущаю под ребрами что-то холодное и острое.
Сколько бы дней ни оставалось до смерти, всё равно они сольются
в едином миге....
Все засечки на пальме посреди необитаемого острова
Превратятся в сухое тире на последней странице книги.

Легче лёгкого катится жизнь. Ну почему, почему так быстро?!!
Что ж ты смотришь, дружище, с укором? Кто бы меня укрыл....
Это просто страх темноты. Страх боли, которую выстрел
Оставляет в твоём животе. Страх чёрной пустой норы....

Из которой не выбраться, нет... И не той, что вела Алису
В мир чеширских улыбок и милых рассерженных карт...
Слышишь, город гудит там внизу под сырым карнизом.
Всем плевать, что ты жив... Пока смерть от тебя далека...

* * *

И не нужно ничего писать,
Потому что всё понятно молча.

Потому что скрипом колеса
Мир общается с моей холодной ночью.

Диалог не обратить в слова.
Медленно вращается планета.
Фонаря качается овал
По стене скребет полоска света.

Я всё слышу, но не говорю.
Для чего мешать дыханию спящих.
Я смотрю в глазницы сентября,
Словно в тёплый мрак осенней чащи.

И не нужно ни о чём писать.
Потому что всё и так понятно.
Колесо скрипит на небесах -
На земле становится прохладно

* * *

Лопнет стекло часов.
Высыплется песок.
На деревянный стол.
На деревянный пол.
Слышишь, поёт сверчок?
Встань и добавь басов.
Всё это рок-н-ролл.
Всё это полный ноль.

Ночь на краю земли.
Выйди и посмотри.
Кто там блестит вверху.
Кто веет звёзд труху.
Тлеет огонь внутри.
Греет кольцо змеи.
Слышишь утробный гул.
Ом-мани-падме-хум.

Лает созвездье псов.
По полу весь песок.
Острых осколков блеск.
Время теряет вес.
Время без тормозов.
Время стучит в висок.
С рельсов сошедший бес.
Поезд уходит в лес.

И я говорю во сне
С птицами на окне.
Я спящий на целине
Сломанный человек.
И знаешь, что снится мне
В этой пустой стране.
Белый свободный снег,
Вечный свободный снег...

* * *

Осень – всё в ноль... Знает любой.
Вот тебе боль. Чувствуй и пой.
Пой, не молчи. Нужно успеть.
Звук отключить. Песню допеть.
Голос в песок высыпать весь.
Чтобы часов кончилась лесть.
Чтобы никто в душу не влез.
Пусть всё не то. Пусть тёмный лес
Пусть не уснуть. И невмоготу.
Дальше тянуть ноту не ту.
Рвать на верхах и падать в низы.
Чувствует страх глупый язык.
Соль на мозоль, горло в платок.
И через боль сделай глоток.
Просто орать. Трудно шептать.
Сказка стара. Что с неё взять.
Что суждено, то и придёт...
Веретено время прядёт...
Тает кудель, прялка скрипит...
Ляг на постель... спи....

**Сергей
КАРТАШОВ**

заведующий кафедрой механизации сельского хозяйства НовГУ

* * *

Жизнь – это сон.
Череда событий через глянцевое окно.
Путь текущий, розовый с рождения,
Желтеет на экваторе.
В завершение – это в неумелых руках
Плохо сколоченный ящик 2*1.

Ну и что, оглянись, где тот свет, которым наполнен Твой мир.
Или он потух, оказавшись в других руках?
Нет, конечно, нет.
Хочется верить, что дело не в животах.
Скорее, время бежит ручьём, не замечая страх.
Не остановишь талой воды бег. Где ночлег?
Путь без отдыха – смерть.
Встань, отдышись,
Посмотри в небо мокрыми глазами.
Где быть и небыль?
Перекрёстки блаженны чертями.
Не верь, плохо кончится вера.
Неисповедимы пути Господни. –
А стоять всё одно или лежать одно в преисподней.
Разве плохо быть молодым? Гораздо хуже стать старым.
Читая морали, взять в руки гитару.
Песни стройотрядовские спеть в никуда.
Плохо, чёрт возьми.

Сложно перебороть в себе остатки Империи, крохи.
Лейся песня, струна не оборвётся.
Жизнь полна сил, по-другому не хочется.
Весна придёт ручьями звенящими.
Колокола наполнят торжество настоящие
Через пять вёрст напрямую.
С утра встанешь, встряхнёшь похмелье.
В Новый День, трудягой войдёшь.
Белью.

**Владимир
СИДОРЕНКОВ**
профессор кафедры русского языка НовГУ

* * *

Мы родом все из Октябрей.
Роддом – тот самый Бронепоезд.
И мы от пяток до бровей
Добра и зла живая повесть.
Основой жизни ложь была:
Кругом за мир борьба кипела –
В нас выжгли лучшее дотла
В нечеловеческих пределах.
Но всё ХОРОШЕЕ в душе,
Ещё скрываясь и болея,
Освободится от клише
И, верю, точно повзрослеет.
Вот долгожданная пора,
Когда ещё решить не поздно:
Сейчас я – лучше, чем вчера,
Я завтра – лучше, чем сегодня.
Всем выдан Господом кредит
По-разному (к чему лукавить!):
Один лишь в жизни наследит,
Другой же след навек оставит.

* * *

Как резво стучат колеса,
Как быстро бежит состав.

Ромашки, кидаясь с откоса,
Стараются не отстать.

Лишь время, упрямое время,
Одно никуда не спешит:
Оно без дотаций и премий,
А лишь по велению души.

Секунды, минуты, часы – ожиданье,
Как долгая жизнь от разлук до встреч...
А вдруг и оно от состава отстанет
На целую вечность?

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Здесь темно и постыло,
Может, жизни итог;
Время словно застыло
Иль назад потекло.
Клочья мыслей в сознании,
Как стоп-кадры кино:
Этот зал ожидания –
Наказанье одно.
Что поделаешь: поезд
Безвозвратно ушел.
Жесткой памяти повесть –
Незаживший ожог.
Всё, что раньше, – безопасно,
Что сейчас – тяжело,
Что тогда – человечно,
Ныне – чёрное зло...
Раздирают сомненья
Шёлк истлевшей души,
И врываются тени
В настоящую жизнь:
В этот зал ожидания –
Кто на миг, кто совсем,
Одичалые странники –
Как попавшие в плен.
Весь окутанный тайнами,
Словно залитый в воск,
Этот зал ожидания.
Ожиданье чего?..

ОСЕНЬЮ НА ДАЧЕ

Всё холоднее ночи и короче дни.
Всё беспокойней птичьей стаи.
Всё ярче на берёзках выступают
Желтеющие пряди седины.
Осенних яблок терпкий аромат
Разбавлен запахами сена.
И всё сильнее ощущение плена,
Которому, на удивление, рад.
И с каждым днем печальнее дожди
Окутывают землю сизой дымкой.
Вода в пруду, темнея, стынет.
Листья в лесу таинственно шуршит.
И тянутся похожие на сон
Дни безысходной вереницей,
А по ночам тревожней спится
В моем доме, холодном и пустом,
И, мокрые, как будто бы от слёз,
Наверно заблудившийся, отчаясь,
Неистово ветер качает
Озябшие руки берёз...

* * *

Глухая полночь за окном
Разбавлена дождём и снегом.
Напротив в темных окнах дом,
Окутанный вселенской негой.
И тишина, звенящая в ушах,
И капли на стекле, как знаки грусти.
А голос твой всего лишь в двух шагах
И так далёк, как из истока – в устье.
Но в юность мост не протянуть,
К истоку нет теперь возврата:
Назад нельзя проделать путь –
Ведь неподъёмной будет плата.
Там безмятежно и тепло,
Мечтой ещё согреты лица...
Но только это утекло,
Чтоб где-то вдруг остановиться...
И в этой полночи чужой,
Где шелест за окном печален,
Вчерашней памяти ожог,

* * *

* * *

84

Гимназия «Квант».
Вечер встречи:
Директор ушёл – незамеченным
Такой вот талант.

Гимназия «Квант».
Вечер встречи,
Как жизнь, быстротечен,
Наверно, запомнится вам.
Гимназия «Квант».
Вечер встречи.

* * *

Весна всех с ума сводит:
лёд и тот тронулся...
В.С.

И снова сумасшедшая весна
Выводит бесконечный блюз капли
Без перерыва – отдыха и сна,
Наперекор морозцам и метелям,
Меняет удивительно мужчин:
Тот шьёт, а тот стирает лихо,
А этот варит, несмотря на важный чин,
Кошмар один – неразбериха...
Меняются орудия труда:
Таз, веник, швабра, тряпка...
Взамен свободы – сладкая узда.
И ты на поводке – под каблуком,
под пяткой.
Как счастье распирает грудь,
Как светятся мужские лица...
Пусть раз в году... Но пусть
Пред женщиной мужчина ПРЕКЛОНИТСЯ.
И скажет сумасшедшие слова,
Которые, как искорка капли,
Напомнят, что ЛЮБОВЬ жива
Наперекор и будням и метелям...

* * *

Ты там, в своём далеком детстве,
В котором чисто и светло,
Где солнце ласковое светит
И в песне столько звонких слов.
Одной мелодией наполнен
Тот мир, в котором ты живёшь,
Где голубые вихри молний
И освеживший землю дождь.
Но этот мир – одна загадка.
Сегодня ей, как дети, рад
Лишь потому, что мне не надо,
Не надо крыльев напрокат...
Я рад случайной этой встрече
И синеве бездонных глаз...
А был таким коротким вечер –
И не вернуть его назад.
Я знаю, что случится это:
В беспечной сутолоке дня
Уйдёшь стремительно из детства,
Как будто выйдешь из огня.
Во взрослой жизни незаметно,
Конечно же, вернётся вновь
Твоё доверчивое детство,
А с ним и первая любовь...

У ТЕЛЕФОНА

Я слышу голос, но не разглядеть лица.
Передо мною бледно-жёлтый телефон,
Два провода, два свернутых кольца
И трель звонков, поющих в унисон.
В том голосе, спокойном и чужом,
Всё о делах, делах, одних делах.
Быть может, я ошибся этажом –
Перезвонить ещё. И все дела.

Ты на звонок сама откроешь дверь.
В халатике – такой я не видал!:
«Входи, входи! Порог сомнений и потерь...»
Я бы вошёл – мешают провода...
Они к тебе моё волнение несут,
А вслух мне просто нечего сказать.
Ты замолчишь – и тихо, как в лесу.
Я всё ищу, ищу твои глаза...

От напряжения уже шумит в ушах.
В глазах два провода, два свернутых кольца.
Твой голос от меня всего лишь в двух шагах,
Но мне никак не разглядеть лица.

**Владимир
ШАДУРСКИЙ**

доцент кафедры русской и зарубежной литературы НовГУ

* * *

Не долгод сон того, в ком совесть не чиста.
Нет хуже жажды, чем возврат желаний.
Кто жизнь решил начать, как с чистого листа,
Избавь себя от мудрых покаяний.

* * *

...Ведь зафлаженный волк не способен нырнуть под флажки -
Избегайте границ гороскопов и прочих гаданий.
Пусть нам хочется знать о спасенье от личной тоски,
Невозможно отречься от тайны душевных страданий.

Как границы весны в тёплом мае всегда
Как-то неувовимо раскрываются в лето...
Так и молодость наша, как «Вологда-гда»,
Затеряется в призрачном «где-то».

* * *

Брызги поэзии быстро твердеют
И замерзают крупницами прозы.
Светлые чувства также сереют
И увядают от вечной угрозы.

Чтобы жить Тютчевым – надо влюбляться;
Жить, как Толстой, – рассуждать безрассудно;
Если же Блоком – судьбе покоряться.
Жить без поэзии – вовсе не трудно.

Нет ни морали, ни истины в этом,
Но – высота, опьянение, счастье!
Много заветов забыли поэты,
Не потому ль на планете ненастье?

**Валерий
МОКИЕНКО**

**профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского
государственного университета, член диссертационного совета НовГУ**

* * *

*В начале было слово,
И Слово было Бог*

Я верую в магию Слова,
В его несказанную мочь.
Оно исцеляет больного
И сирому может помочь.

И братьев сливает в объятья,
Скрепляет сердца и уста,
И делает вечным проклятье
Иуде, что предал Христа.

СТАНЦИОННЫЙ СМОТРИТЕЛЬ

Только ради тебя
Гнал сюда я коней,
И теперь мне не остановить их.
Но зачем я их гнал,
И о том, кто ты мне
Знает лишь станционный смотритель.

Но не выдаст и он
Наш с тобою секрет:
Так решили дорожные боги.

Старый домик стоит,
А зрителя нет...
Мы с тобою одни на дороге.

ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ

Когда предостаточно хлеба и зрелищ,
И души – что сытый живот,
Ты в смысл ни хлеба, ни зрелищ не веришь,
Немой, равнодушный народ.

Ни римское право тебя не волнует,
Ни судьбы свободной страны,
Ни юная дева, что пылко целует,
Ни песни седой старины.

Но в час роковой испытаний кровавых,
Который за этим грядёт,
Ни хлеба и зрелищ, но – чести и славы
Возжаждает тот же народ!

И подвигов ратных тогда не измеришь,
Героев тогда не сочтёшь,
Чтоб лозунг развенчанный «Хлеба и зрелищ!»
Кричала опять молодежь.

УСКОРЯЕТСЯ ЖИЗНЬ...

Ускоряется жизнь как ракета,
Мы живём в постоянной борьбе
За движение к скорости света,
За стремление к лучшей судьбе.

Всё – вперёд, всё – быстрее и выше!
Без оглядки и помыслов вспять.
И у многих поехали крыши,
Кто не смог этот темп удержать.

Мы опутаны сетью мобильной,
Всемогущий наш друг интернет
Сделал нашего брата всеильным
Виртуально. А в сущности – нет.

Всё – быстрее, всё – выше, всё – дальше! –
Наш изъезженный старый девиз...

Но когда-нибудь, вусмерть уставши,
Мы не ввысь устремимся, а – вниз.

И туда унесём лишь мгновенья
Нашей суетной жизни мирской,
Где вкушали мы без ускоренья
Мир и счастье, любовь и покой.

ИМЕТЬ И БЫТЬ

Иметь и *быть* – два разные глагола,
Два разных мира, две системы жить.
Два полюса и два различных пола,
Которые нельзя соединить.

Но иногда – в момент проникновенья
Быть и *иметь* сливаются в одно,
И правилам глагольного спряженья
Пред сопряженьем сдаться суждено.

**Виктор
МАЛЫГИН**

**ректор Владимирского государственного гуманитарного
университета, профессор, член диссертационного совета НовГУ**

Вдоль по Волге клёны, клёны,
Словно осени вязанья.
И, как заново рождённый,
Я пишу стихи-признанья.
Я пишу стихи, покуда
Сказка длится. Ну и пусть!
Я хотел от жизни чуда,
Принесла она мне грусть...
Но и в этом есть отрада,
Ведь не каждому дано
Взять от жизни то, что надо,
А не то, что суждено!

* * *

Ах, это небо цветом в осень!
Ах, эти горе-облака!
Зачем, зачем мы женщин просим
Быть нашими наверняка...
Ведь нам от этого не легче,
Они не против и не за.
Но неизменно каждый вечер
Я весь с тобой, глаза в глаза,
А в них – всё небо цветом в осень,
Всё те же горе-облака...
Зачем, зачем мы женщин просим
Быть нашими, хоть на пока...

* * *

Октябрь метелился ветрами,
Пуржился сказкой и манил,
И я, тобою в сердце ранен,
Стихи молитвенно бубнил.
И я бродил, как ошалелый,
И снег вальсировал окрест,
Кружил меня, безумно белый,
Под ритм стихов, как под оркестр.
А мне всё грезились причалы,
Ветрились тайной небеса,
И видел в этом я начало
И жизни новой паруса!

**Анатолий
ЖУКОВ**

заведующий кафедрой русского языка НовГУ, профессор

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Друзья, великий Пушкин прав –
Прекрасен наш союз.
У дружбы переменчив нрав,
Но нет желанней уз.

За наши добрые дела,
Высоких слов полёт
Я подниму бокал вина –
Пусть кто-нибудь нальёт.

За этой встречей впопыхах
Вновь расставанья шок.
Мой давний друг, увы и ах! –
Налей на посошок.

ПАМЯТИ В.П. ПРОНИЧЕВА

Уходят друзья. Сокращается список,
И некому их заменить.
Не будет уж писем, звонков и записок.
Навек обрывается нить.

Такие знакомые, светлые лица,
Так явственны их голоса.
Теперь только в памяти сердца продлится
Той жизни моей полоса.

Ирина
НАЗАРОВА
доцент кафедры иностранных языков НовГУ

ВЕТЕР

Гуляка-ветер в шляпе с пером
И в сапогах-сорокоходах
Летит над лесом сквозь бурелом,
Сквозь города и годы.

Он может ворваться в старый наш дом
С пустыми глазницами окон,
В уснувшей сирени затихнув, тайком
Ласкать фиолетовый локон.

Он каждого знает и каждому рад,
Ни на кого не в обиде.
Он видел, как жили Христос и Пилат,
И как умирали – видел.

Свободный и сильный, не знал никогда,
Оков на вельможном сердце.
Под стать ему только подруга-Вода,
С которой он связан бессмертьем.

2012

* * *

Ночь за окном черно-бурой лисицей
Уже промелькнула. Не спится.

Не спится.

Бессонница мучает. Чувствую снова,
Как дышит вселенная музыкой слова,

Как льются с небес полустиишия, строки...
Как жаль, что гонимы повсюду пророки.

Наверное, так предначертано, Отче,
Ответственны те в этом мире, кто может,
Кто чувствует тоньше,
кто любит без меры,
Кто свет зажигает соцветьями веры,
Кто дарит, на жест не надеясь обратный,
Кто знает: за всё воздаётся стократно...
Я сплю или бодрствую? Волнами дышит
Пространство Вселенной, которая слышит,
Которая любит,
Которая знает,
Что дух в нас не дремлет и не отдыхает...
Рассвет расплескался волной у порога,
Как хочется волны рукою потрогать,
Коснуться, качнуться, потом окунуться...
Проснулась!
И вижу – чай в маленьком блюде.

2012

В НОЧЬ НА 1 СЕНТЯБРЯ 2012 ГОДА

Сегодня в ночь короновали осень,
В сопровожденье преданных дождей
Она вошла по-царски через просинь,
Вассалы-ветры присягнули ей.

Её наряд из хризантем и далий
Искрился перламутровой росой,
И уступил бы в роскоши едва ли
Цветам весны с их девственной красотой.

Лишь осени присущи эти гаммы
От золотых до шоколадных нот,
От летней песни до осенней драмы,
Где красный и бордо на серой длани вод.

Она сейчас на пике урожая,
Наполнена дыханием плодов,
И каждый жест её неподражаем,
А в сердце только мудрость и любовь.

И дай нам Бог, живя в её объятьях,
Вкушая от щедрот, в душе взрастить,
Всё то, что называют благодатью,
То без чего нет просто смысла жить.

2012

ЭТЮД

Святое небо отдыхает,
Ночь стережет его покой,
И кто-то зорко наблюдает
За грешной путницей – Землей.

И этот Кто-то – Всемогущий,
Мудрец, поэт и фантазёр,
Животворящий, Вездесущий,
К Земле свой устремляет взор.

И музыкой светил небесных
Земле Он услаждает слух,
Через Божественные песни
Нисходит к людям Святой Дух.

Бессмертный Он. Не угасает,
Счёт подводя ночной игре,
Он звёзды под ноги бросает
Своей любимице – Заре.

2010

МОИМ СЫНОВЬЯМ

У камелька пишу стихи я,
Направо речка, слева – лес,
Октябрь, осенняя стихия,
Дождём алмазным льёт с небес.

В окошко лапой ель стучится,
Пишу. А мысли вразнобой,
Порхает память юркой птицей,
Мешая обрести покой.

Пора-пора понять ошибки,
Не так уж долог жизни путь,
Пусть запоздалой, но улыбкой
Удастся радость в дом вернуть.

А, если нет, ну что ж, не стоит
Об этом даже говорить –
все наши горести – пустое,
пустое надо отпустить.

Все мы не Ангелы. Осенний
уже на сердце холодок,
удача или невезенье,
что там шагнуло на порог?

Промчится время, ставя точки...
Ничто нельзя переписать;
Простите, милые сыночки,
Свою за все невзгоды мать.

Прошу простить, что не сумела,
Не знала или не смогла,
Была унылой и несмелой,
Что где-то не уберегла.

Что с небесами торговалась,
Хотя с наивностью простой,
За то, что часто сомневалась
В их справедливости святой.

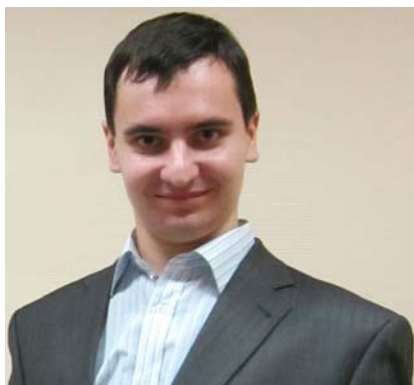
Теперь как будто с глаз упала
Лет промелькнувших пелена,
На сердце мглы как не бывало,
В нём только свет, любовь, весна.

Прошу понять, пока не поздно
Меня, себя и всех простить,
Жить надо вместе, а не розно
и, как Христос учил, любить.

2012

**Максим
ШАРАПОВ**

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы НовГУ

УЕДИНЕНИЕ

Шум города снаружи за окном
И суета пройдут пусть стороною.
Побуду я в спокойствии дневном,
Подумаю наедине с собою.

Поразмышляю о своей мечте,
О планах, ожиданиях и надеждах,
О том, кому я нужен, как и где,
О той, кого не видно, как и прежде...

Пусть люди и машины там спешат,
Минутки не найдя остановиться...
Имея столько времени подряд,
Попробую *cognoscere me ipsum*.

СТОЛИЧНЫМ ЖИТЕЛЯМ

Мы будто бы с разных планет
И в разных мирах обитаем.
И там хорошо, где нас нет.
Но разве быть *там* я желаю?

У вас там всё круче, чем тут,
Все лучшие, знатные – с вами;
У нас – только тишь и уют
И то, что не скажешь словами.

Мой маленький милый мирок!
Ну как я тебя променяю?!
Не лучше ль увидеть, как вдруг
Гора к Магомету шагает?

23.10.12

**Надежда
МЕЛЬНИКОВА**
студентка филологического факультета НовГУ

* * *

А можно ли представить душу?
И прикоснуться к ней рукой,
Своим присутствием нарушить
Её незыблемый покой,

Промчаться вихрем по просторам,
По закоулкам и углам,
Быть может, мы найдём в которых
Приют несбывшимся мечтам.

Со мною те, кто очень близок,
К друг другу строим мы мосты,
А кто сейчас с тобою рядом?
Чью нежно греешь душу ты?

В глазах людей её осколок,
В нём слишком много вижу я.
В одном – колодец, он так долог,
В другом – покоится луна.

А иногда я вижу море,
Там за покой идёт борьба,
Я ощущаю ту же боль,
Хранит которую она.

Пусть говорят, душа не зрима,
А что зовёте вы душой?
Возможно, в каждом человеке
Она меняет образ свой.

**Евгений
ЖУКОВ**

выпускник филологического факультета НГПИ

БОБЫЛЬ

Восемь часов утра. Веня Иевлев, тридцатилетний молодой человек, просыпается и долго лежит, тупо уставившись в потолок. Потом его взгляд переходит на скромные незатейливого рисунка обои. Он вдруг вспоминает, как они с матерью клеили эти обои. Веня резал их на ровные листы, а мать мазала крахмальным клеем, и потом они аккуратно подгоняли эти листы по рисунку и наклеивали на стену. Тогда Веня был счастлив: мать была жива, а теперь прошло уже пять лет, как её не стало.

Отца своего Веня не помнил. Тот ушёл из семьи, когда Вене не было и двух лет от роду. Потом в его жизни появился отчим Иван Артемьич – грубый мужчина, сквернослов да и к тому же тяжёлый на руку: часто поколачивал он Веню за малейшие провинности. Вспомнилось Вене, как отчим, будучи в изрядном градусе, поучал его: «Тебе, Венька, человеком надо становиться. Хватит тянуться за материнским подолом да сидеть у меня на шее».

Когда Вене исполнилось пятнадцать лет, исчез из его жизни и отчим. И что случилось с Иваном Артемьичем, не ясно – то ли он, как и отец Вени, бросил семью, то ли сгинул по пьяной лавочке. Отчима Веня никогда не любил, но при Иване Артемьиче был в семье пускай скромный, но достаток.

Единственным существом, которому он был предан всем своим сердцем, средоточием всех мыслей для Вени была его мать. Кто как ни мать мог понять одинокую душу Вени, утешить его сердце, помочь ему обрести себя? Со смертью матери Веня потерял смысл своей жизни, стал совсем одиноким.

С самых малых лет Веня не отличался общительностью. Рос он ребёнком замкнутым, неразговорчивым. Шумная, весёлая ватага ребятишек-сверстников Вени называла его волчонком. Бывало, дети играют в свои детские игры, а Веня сидит один набычившись на скамейке,

чертит палочкой на песке разные замысловатые линии. Ни радости, ни даже тени улыбки не мелькнёт на его задумчивом лице.

И вся жизнь Вени – нелёгкая, скупая на радости – проходит перед его глазами. Силится он выделить из неё что-то доброе, светлое, тёплое, и все мысли сходятся только на матери. Он не может не думать о ней и свою жизнь делит на два периода: до и после материнской смерти. Как ребёнок к огоньку, Веня всегда тянулся к матери. Там, где была она, жил покой и радость, а там, где её не было, всё было завешено кисеей тоски, скорби и печали. Часто мать приходила к Вене во сне и всё время по-разному.

Однажды приснилось Вене, будто идёт он по нагретому солнцем лесу. И сложные лесные запахи им ощутимы, как наяву, а зрение остро, как отточенная бритва, и видит он зелёные листья и траву, яркие настолько, что они режут глаза. И кажется Вене, что зовёт его мать: «Веня, Венечка!» А он идёт за её голосом, весь поглощённый этим зовом. И вот кажется, что настигает он её. Вот-вот увидит из-за деревьев белый материнский платок. Но нет, гиревыми пудами нависает на ногах тяжесть. И не может Веня, как ни старается, сделать ни шагу. «Матушка, матушка!» – шепчет пухлыми, безвольными губами Веня и просыпается. Долго смотрит он пустыми глазами в бездонную ночь, и слёзы, очищающие слёзы текут по лицу, и даже не крик, а вой одинокого волка, зафлаженного азартными, но бездушными охотниками, вырывается из его груди.

Постоянно думая о матери, Веня однажды отважился и написал первое своё стихотворение.

*Ночью видел я сон
Будто я по дорожке лесом
Иду с матушкой, а в руке у неё полевой букетик.
Ей на взгорочке тяжело, и поэтому я ей под локоть
Подставляю руку свою, чтобы легче старушке топать.
А она молодеет лицом, улыбается, в ягоду манит,
А затем, как в наплыве немого кино,
Удаляется и исчезает.
А на утро, проснувшись, я долго лежал,
Вспоминая о прошлом, о маме.
«Мама, мама! – сказать – Не хватает тебя»
Это попросту слишком мало.*

Веня часто перечитывал это стихотворение, лелея свой первый литературный опыт.

Жил Веня на скромную, почти символическую пенсию, которой хватало, чтобы как-то питаться да оплачивать жильё. Но материальная скудость нисколько не угнетала его, и он даже не думал о том, что люди могут жить как-то иначе. От природы Веня был наделён богатой фантазией, а чтение книг только изощряло её. Веня очень любил читать. Само одиночество способствовало этому и возвело эту любовь чуть ли не в степень страсти. Любил он русских классиков: восхищался отточенным,

чеканным мастерством Бунина, зачитывался Куприным, внимательно, вдумчиво, как философский трактат, читал произведения Толстого и Достоевского. Очень любил Чехова, особенно его рассказ «Душечка». Читал его помногу раз и, перечитывая заключительные строчки произведения, не мог сдержать слёз. Так просто, проникновенно и вместе с тем изыщно никто до Чехова и после него не писал (во всяком случае, так думал Веня).

Не одна только страсть к чтению всецело поглощала Веню. Нравились ему и музыка. Причём его музыкальные интересы простирались весьма широко: от песен Высоцкого до лучших представителей классической музыки. Но особенно Веню своей глубиной, необычайной проникновенностью поражал Бах. Слушая Баха, Веня уходил в себя, забывая обо всём на свете. Веня берёт пластинку и, чтобы не заездить её, ставил очень редко. В эти минуты всё мирское уходило далеко-далеко и казалось таким незначительным, почти несуществующим. Порой Веня поражался тому, как очень многие люди удовлетворяют свои музыкальные запросы суррогатами от поп-музыки или дешёвой эстрадой.

В жизни Вени были и маленькие праздники, это день рождения его матери и его собственный день рождения. В эти дни никогда не пьющий Веня позволял себе немного выпить. Традиционные же праздники Веня не отмечал, считая это пустым занятием. С иронией смотрел он на подгулявших в праздник соседей. Кстати, соседи относились к Вене хорошо, сочувствуя одинокому молодому человеку, его затворничеству, его невесёлой, скупой на радости жизни. Особенное участие в судьбе Вени принимал сосед Порфирий Семёнович. Это был пожилой мужчина, бывший моряк, суровый на вид, но с золотым сердцем. Нередко заходил он к Вене, справлялся о его самочувствии, спрашивал, не помочь ли чем. Веня почти не умел готовить, питался, что называется, всухомятку. Заметив это, Порфирий Семёнович часто приносил Вене что-нибудь домашнее – борщ или котлеты. Нередко засиживались они дотемна: Порфирий Семёнович рассказывал Вене о своей морской молодости, рассказывал интересно, увлечённо, пересыпая свою речь морскими терминами и крепкими солёными словами. Веня любил его слушать и, будучи человеком впечатлительным и неисправимым фантазёром, сам представлял себя чуть ли не таким морским волком.

Но как магнитная стрелка компаса стремится к полюсу, так и мысли Вени возвращались к матери. Помнил, ох как помнил Веня похороны своей матери. Она лежала в гробу непривычно маленькая, как девочка. Скромный розовый платок почти на треть закрывал такое теперь уже чужое лицо. В сложенные накрест руки была вставлена свеча, и слёзы воска капали на эти натруженные за нелёгкую жизнь, все сплошь в синих прожилках руки, и образовывали на них бледно-жёлтую плёнку. Неестественно спокойно стоял Веня, наблюдая эту невесёлую картину, но, когда его мать стали зарывать в холодную, мёрзлую январскую землю, не выдержал Веня, громко вскрикнул и зарыдал. Видно, есть он предел

человеческого терпения, когда человек уже не в силах совладать с собой.

После смерти матери потянулись для Вени безрадостные в своём однообразии дни. Первое время всё так отчётливо напоминало Вене об ушедшей из этой жизни матери: и карты, и костяшки домино на столе, её вещи – старенький халат, домашние тапки, зимнее, выдавшее виды пальто, зонтик, который она так любила. Вене казалось, что эти вещественные спутники его матери после её ухода живут какой-то своей, неведомой для Вени жизнью. Матери нет, а вещи остались. Вещи переживают людей. Но даже вещи умирают, превращаясь в тлен. Веня прятал глаза от этих вещей, старался не смотреть на них или закрывал их в старом шкафу. Но от этого боль утраты не проходила.

Часто Веня бывал на кладбище. Приходя на кладбище, он долго сидел у могилы матери, мысленно разговаривая с нею. На могиле долго стоял крест, который сменил скромный памятник. Кладбище было довольно старым, и хоронили на нём редко. Сразу же за оградой начинались кусты сирени и разросшегося шиповника. В период цветения шиповник распускался яркорозовыми цветами и кололся, как ёж. Вот и на могиле матери Вени рос шиповник, буйно вырываясь за чёрную ограду. Клал Веня на могилу два цветка и говорил: «Вот, матушка, и пришёл я снова к тебе. Лежишь ты, моя хорошая, и ничего не ведаешь». Иногда Веня просиживал на кладбище часа два. Домой его не тянуло. Всё дома было привычно и постыло. А здесь, особенно летом, было спокойно и хорошо.

Одиночество приятно лишь в определённых дозах, но когда оно становится постоянным, угнетающим, оно превращается чуть ли не в пытку. Веня мужественно боролся с одиночеством, в этом ему помогали книги, память о матери.

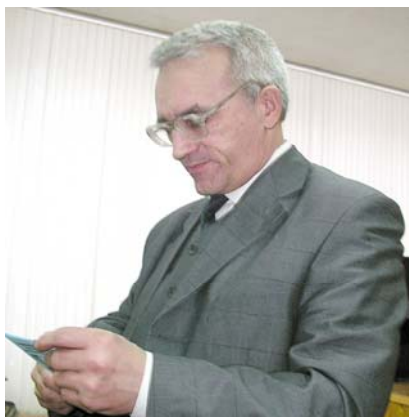
А между тем Веня мужал, вырослел. Вот ему уже и тридцать. И никакого, даже самого обыкновенного романа не было в его жизни. Когда он был в парнях, девушки не обращали внимания на болезненно-застенчивого юношу. Да и внешне Веня не отличался особой красотой: худой, даже костлявый, с тонкими, но неправильными чертами лица. Хороши, пожалуй, были только глаза – синие и миндалевидные.

В общем-то в личной жизни Вени не происходило никаких перемен, да он, собственно, и не стремился, чтобы хоть что-нибудь изменить. Он давно привык к одиночеству, как привыкает человек к долго носимым вещам. Одиночество, по сути абсолютное, стало для Вени неотъемлемым, даже естественным. И как будто бы такое положение даже устраивало его. Ему хватало общения с книгами, с музыкой, с его соседом Порфирием Семёновичем. И большего он не хотел, а может быть, и не мог хотеть.

Кому-то в жизни хочется всего, весь земной шар. И желания таких людей гипертрофированы настолько, что порой даже диву даёшься. Но есть люди (и их немало), которые довольствуются совсем немногим. Веня, бесспорно, принадлежал к последним. И хочется верить, что Веня обретёт себя, не сгинет в этом мире никому не нужным отшельником. Лежит Веня, смотрит в будущее, и скупая улыбка морщит губы. Веня улыбается.

**Сергей
ИВАНОВ**

директор издательства и типографии «Кириллица»

* * *

В травяной густой кошме,
Где ни сна, ни постоянства,
Вдруг запел вечерний шмель,
Над провалами пространства.

Шубка – лету поперёк
И с железинкой гуденье.
Пой, крылатый мой зверёк,
Побеждая тяготенье.

Не клянись сухим цветком,
Не клянись живым соцветьем,
Что ты сам себе закон
И один за всё в ответе.

Вся картина так близка.
Потрясён сейчас не ты ли
Видом мёртвого цветка
И сухой дорожной пыли.

Если есть в душе струна,
По которой строим верный
Чистый лад, звенит она,
Как над полем шмель вечерний.

Если есть какая нить
Между явностью и снами,
Если есть – она звенит,
Как летун над клеверами.

И предстанут, может быть,
Вдалеке от звёзд и терний
Полюса другой судьбы -
Тёмный дуб и шмель вечерний.

ВОЛГА – ЧЕРДЫНЬ

В нашей памяти нередко
Происходят чудеса.
Возвращают образ предка
Те чердынские леса.

На Чердыни нету флота,
Слёз в Чердыни – как воды.
«Если им нужна работа,
То не надо ждать беды.

Что обида жжёт – неважно,
Всё минуется, держись.
Где работа – там не страшно,
Не тому ль учила жизнь?»

И когда его убили
Будни каторжной земли,
Вниз по Волге уходили
В рыбный Каспий корабли.

Книгу вод морских читали,
Глядя вдаль из-под руки.
И, как часики, стучали
Корабельные движки.

Ветер гонит волны-горы,
Но кораблик будет плыть,
Ведь мотор не может скоро
Руки мастера забыть.

Эх, теперь уже недолго
Ждать последнего звонка!
Где ты, Волга, Мутер Волга,
Волга русская река....

* * *

О.И.

Вечный поезд идёт и идёт по осенней России,
И пустые поля с перелесками, редким жильём
Застилает туман. Видно, серое справится с синим.
Но не факт, что уже наступил перелом.

Оставаться б всегда тем весёлым, умелым солдатом.
Ничего, что ненужно, в себе и с собой не носить,
Возвращаться к тебе не седым – молодым, как когда-то.
Возвращаться и петь, и смотреть в сумасшедшую синь.

Четвёртый раздел
**«Подскажи мне
верный путь...»**

**Ирина
НАЗАРОВА**
доцент кафедры иностранных языков НовГУ

ПЕРЕВОДЫ

Людвиг Уланд
Проклятие певца

Когда-то дивный замок в одном краю стоял
До берегов лазурных он роскошью блистал.
Венком благоуханным цвели вокруг сады,
И в радуге искрился фонтан живой воды.

Непобедимый конунг там занимал престол,
Он был богат несметно, при этом хмур и зол,
был помыслами страшен и на расправу скор,
И всё, что ни подпишет, был смертный приговор.

Однажды музыканты явились во дворец,
Один седой и мудрый, другой совсем юнец.
Придерживая арфу, старик сидел верхом,
А златокудрый спутник шёл рядышком пешком.

Старик сказал: «Готовься, нам предстоит с тобой,
Спеть лучшую из песен, ты полной грудью пой,
Вложи всю силу страсти и боли, и огня,
Тронь каменное сердце и душу короля.

Артистов проводили в роскошный тронный зал,
Где со своей супругой правитель восседал.
Он в мантии кровавой был страшен и могуч,
Она с луною схожа, глядящей из-за туч.

Лишь струн коснулся мастер, и звук едва извлёк,
Как музыкой волшебной наполнился чертог,
Тут влился голос юный небесной чистотой,
И старец ему вторил духовной глубиной.

Они о чувствах пели, блаженных временах,
О святости, о воле, о доблестных мужах,
О том, что всех тревожит и каждого страшит
И что всего дороже для сердца и души.

Вельможный круг в почтённом молчании застыл,
Коленопреклоненно взор к Богу обратил,
От неги и восторга царица в дар певцам,
С груди, срывая, розу бросает к их ногам.

«Вы мой народ смутили, ввели жену в соблазн!»
Всем телом конунг тряся, блеснул недобрым глаз —
И тут же меч свой острый он в юношу вонзил,
И вместо песен дивных кровавый ключ забил.

Как после страшной бури толпу рассеял страх,
А юный бард скончался у старца на руках.
Он в плащ его закутал, на лошадь посадил,
И, привязав покрепче, от замка поспешил.

Но вдруг остановился у городской стены,
И поднял свою арфу, ей не было цены,
От боли о колонну разбил её старик,
Пронзительный и резкий взорвал округу крик:

«О, будь ты проклят, замок, не будут больше впредь
Под сводами твоими искусства жить и петь!
Тебя наполнят стоны, шаги рабов и страх,
Покуда духи мести твой не развеют прах.

Будь проклят сад цветущий, влюблённый в майский свет,
Смотри, он мёртв! Не дышит, убит во цвете лет.
О, чтоб тебе иссохнуть, источники воды
Пускай навек иссякнут и станешь камнем ты.

Мучитель и убийца, навеки проклят будь!
Венки кровавой славы твой не отметят путь,
Твоё забудут имя, как будто страшный сон,
Его с предсмертным хрипом поглотит мрак времен.

Старик взывал, и небо откликнулось на зов —
Дворец лежит в руинах, зарос бурьяном ров,
Жива одна колонна, но и она вот-вот,
Разрушенная ветром, к рассвету упадёт.

На месте сада нынче — пустырь уныл и дик,
Ни деревца, ни тени, и не журчит родник.
Про конунга не помнят ни песни, ни сердца —
Исчез во тьме. Свершилось проклятие певца.

2009

Йозеф Эйхендорф

Возвращение

Играя на струнах заветных,
Пройдя через много дорог,
Вернулся я вновь незаметно
В покинутый мной городок.

Сквозь сумрак ночной одиноко
По улочкам брёл я пустым.
Не думалось мне издалёка,
Что станет мне всё здесь чужим.

И вот я стою у фонтана,
Он так же, как прежде, поёт,
Однако никто, как ни странно,
Меня уже не узнаёт.

Я слышу, как скрипки играют,
Как празднично окна блестят
Я вижу, как люди гуляют,
Весельем весь город объят.

Под песни чужого застолья
Из города я убежал,
От горькой тоски и от боли
На землю сырую упал.

Очарование ночи

Между цветов, среди камней
Послушай, как бежит вода
К озерам в лес, в уединенье,
Где, как скульптурное творенье,
В тиши пленяет красота.
С гор опускается окрестных
Под музыку старинных песен
Обворожительная ночь,
Земля в сиянии чудесном,
Как будто в снах твоих точь-в-точь.

Там есть цветок, что расцветает
Глубокой ночью под луной,

Ты, знаешь ли, что так бывает?
Едва бутончик открывает
Он, словно алый ротик свой.
И звуки соловьиной трели
От горьких жалоб погрузнели.
Любви недуг всему виной.
От чудных дней, что пролетели,
Приди, чтоб обрести покой.

Рождество

Город замер в ожиданье,
В каждом доме свет горит,
Я брожу один меж зданий,
Всё так празднично блестит.

Окна в ярких украшениях,
Детвора, притихнув, ждёт
Чудотворное мгновенье,
То, что счастье принесёт.

Покидаю эти стены,
Манят чистые поля,
Трепет чувствую священный,
Велика, тиха земля.

Звёзды водят хороводы,
Звуки чудные плывут,
Над заснеженной природой
В честь торжественных минут.

Помни

Священный трепет ощутит
пичужка, просыпаясь,
когда ей клетку золотит
поток лучей, ласкаясь.

А ты почти уже забыл,
Что в суетной темнице,
Ты, человечек, дни влачил,
Хотя крылат, как птица.

Ночью

Влекла ночная тишина,
Таинственно возшла луна
Из мрачной облачной пещеры,
В долине тут и там
Не спится соловьям,
И снова тишь под небом серым.

Пленительный ночной мотив
Доносит дальних рек разлив,
Деревьев трепетные тени,
Все голову кружит,
И песнь моя звучит
Безумным зовом сновидений.

**Виктория
ВОЛКОВА**

старший преподаватель кафедры иностранных языков НовГУ

ПЕРЕВОДЫ СТИХОВ

Оригинал

SO YOU SAY

It is all in the mind, you say, and has
nothing to do with happiness. The coming of cold,
the coming of heat, the mind has all the time in the world.
You take my arm and say something will happen,
something unusual for which we were always prepared,
like the sun arriving after a day in Asia,
like the moon departing after a night with us.

Mark Strand

Перевод с английского

ТЫ СКАЖЕШЬ

Что разум хранит – об этом ты скажешь,
Но радости нет – и ты это знаешь.
Приход холодов, жары наступленье -
В мозгу ощущаю времен единенье.
Обняв, Расскажи мне о будущем снова –
Оно необычно – к нему мы готовы.
Из Азии к вечеру солнце вернётся,
Луна, уходя, нас с тобою коснётся.

Марк Стрэнд

ПЕРЕВОДЫ ПЕСЕН

1) Оригинал

MYSTERY (THE POWER WITHIN)

Mystery ,Mystery
It is your mystery
You gonna stop the game
Someone is history
Already history
And there's no one to blame
You gotta leave no stone unturned
No bridge unburnt
No role unlearned
Afraid of just the morning sun
Your time to run
Your time to run
Set the demons on fire
Do you best to win
Just as long as you've got
The power within

Группа Plazma, сингл Mystery, 2009

Перевод с английского

ЗАГАДКА

Загадка, загадка,
Твоя это загадка,
Игра закончена тобой.
Историей уж кто-то стал,
А кто-то ушёл на покой,
Винить нам некого с тобой!
Ты камни все перевернёшь,
Мосты повсюду ты сожжёшь,
И выучишь все роли до одной.
Боишься солнышка с утра,
И вот бежать тебе пора.
И вот бежать тебе пора.
Всех демонов в себе сожги,
Иди к победе смело,
И этот шанс не упусти,
Внутри тебя есть сила.

2) Оригинал

TU ES FOUTU (TU MAS PROMIS)

Tu m'as promis et je t'ai cru
Tu m'as promis le soleil
en hiver et un arc en ciel
Tu m'as promis le sable dore,
j'ai reçu une carte postale
Tu m'as promis le ciel
et la terre et une vie d'amour
Tu m'as promis ton coeur,
ton sourire, mais j'ai eu des grimaces
Tu m'as promis et je t'ai cru
Tu m'as promis le cheval
aile que j'ai jamais eu
Tu m'as promis le fil d'Ariane,
mais tu l'as coupe
Tu m'as promis les notes de Mozart,
pas des plats casses
Tu m'as promis d'etre ta reine,
j'ai eu pour sceptre un balai
Tu m'as promis et je t'ai cru
Je ne sais pas ce qui se passe
Mais je sais pourquoi on m'appelle
"mademoiselle pas de chance"

In-Grid, альбом "RENDEZ-VOUS", 2003

Перевод с французского

ТЫ НЕГОДЯЙ (ТЫ МНЕ ОБЕЩАЛ)

Ты обещал – и я поверила
Ты обещал мне солнышко зимой,
Что засияет оно радугой-дугой!
Песочек золотой пообещал -
Но лишь открытку мне по почте отослал.
Ты обещал мне небо с небесами подарить,
Одну меня ты обещал любить!
Хотел ты мне с улыбкой сердце подарить,
Но лишь гримасу удалось мне получить.
Ты обещал – и я поверила

Ты обещал крылатого коня,
И вот опять ты обманул меня!
Ты Ариадны нить пообещал,
Но сам же взял её и оборвал!
Ты Моцарта мне ноты обещал,
Но лишь тарелки все поразбивал!
Ты обещал мне королевство подарить,
Но вместо скипетра смогла метлу я получить!
Ты обещал – и я поверила,
Что происходит – всё пытаюсь я понять,
Но лишь одно смогла я осознать:
Есть веские основания тому,
Что невезучей я теперь слыву!

**Юлия
СТУПИНА**
студентка факультета
лингвистики и межкультурной коммуникации НовГУ

LETTER

The letter is only the words,
The feelings, which live on the blade.
But how much they can mean,
Creating invisible net...

And through kilometers and days
They're flying as small paper birds.
You catch bird. In some cases it
can gladden. In others – it hurts.

YOU ARE MY BEAM

I must tell you "forget",
Disappear, slam the door.
But I never wipe of the earth
What we have had before.

And again this begins.
So much the words mean...
You are more than a life,
You are my for good beam.

* * *

А мне бы тебя рядом...
В этот вечер. И звуки вальса.
Я надела бы белое платье, ну а ты...
Ты в военной форме.
Закружились бы в медленном танце
Мы в ночи на пустынном причале...
И о нашей любви бы твердили
Вдалеке где-то звуки приборя...

**Игорь
ИСАЕВЪ**
поэт, г.Псков

* * *

боль – это скучно,
но она не проходит,
не улетает кладбищенским
вороньём.
мы встречались.
в контакте.
в стихире вроде.
и даже на прозе.
недавно.
ох, ё-моё.

всё обсудили
или?!
были/сплыли/забыли...
пусто сегодня в "мысле":
я не нажал "enter".
все обещанья в силе,
<но не сегодня>,
или?!
что-то я стёр,
не стер.))))

встреча грозит прощаньем
и возвращеньем
в личное подпространство.
HTML, тоска!
вот как-то так,
до следующего общения.
смайлик.
"бегу".
и </пока-пока>...

**Юрий
ФАБРИЧНИН**
доцент кафедры журналистики НовГУ

ЦВЕТЫ И КОМП

Басня

☺ а на балконе где кровли скат
цветы на фоне небес
горят

и днем погожим и если мгла
дарят прохожим свой
квант тепла

дивясь немало
и я свой взгляд кидаю
ало цветы горят

эй вы так броско под осень цвесть
добро бы просто
но в душу лезть

пластом слежалась
в ней строгость лет
мол бабья шалость цветы букет

мол бабья прихоть цветы вазон
так сердцу прыгать
зачем резон

а вот поди ж ты
как сказке рад и тронут трижды
цветы горят

огнем потребным как свет зари
горят под небом
горят внутри ☺

ТОРШЕР

Мы тет-а-тет и – при торшере,
На пол бросающем круги.
И губы жаждут руки, шеи
И приоткрытой чуть груди.

Им невтерпёж в пылу волнений
Отдать живым порывам честь
И на язык прикосновений
Притворный лепет перевести.

Но бдит торшер, как страж ушастый,
Не позволяя естества.
И, обезволенные жаждой,
Ему покорствуют уста.

ШАХМАТЫ

1

Чиновник городской,
Школяр, что всех на «вы» -
За шахматной доской
Мы были все равны.

И ход, когда зевок,
И ход, что удался...
Всё было в духе строк
Хайяма-мудреца:

Мол, шахматы, как жизнь,-
И эндшпиль, и дебют.
Кем в ней ни окажись,
Всех в общий ларь сгребут.

2

В ряду сгребенных аж
Сто первый миллиард.
Нас – как сдадут в багаж,
А может быть, в ламбард.

И в спешке, на гону,
Сливаясь, сторонясь,
Поскачут... никому
Не вспомнится о нас.

3

Но с новою орбитой
Весёлый иль в тоске
Галантный иль не бритый
Придёт иной к доске.

И у орла иль решки
Свой жребий испрося,
Расставит снова пешки
И водрузит ферзя.

Свершится «Е-4»
Прицельною рукой,
И повторится в мире
Дуэльный непокой.

Яна
ЛЕБЕДЕВА
выпускница филологического факультета НовГУ

OCTOBER'12

да, я хотела бы быть понятной,
думать на тысячу слов меньше,
на каникулы ездить в леса с палаткой,
уважать незнакомых женщин.

писать про красивые города, побывав в них,
засыпать на диване у друга с книжкой,
утром вдохнуть: пахнет кофе и вафлями,
и увидеть снег, его скрип услышать.

да, я хотела бы
петь в хоре,
любить море,
танцевать, даже когда хорошо очень,
проигрывать в споре, ходить в лекторий,
вышивать крестиком, писать в строчку.

пожалуй, я бы хотела быть светлой,
знать, где правда, смотреть прямо.
говорить шёпотом, много спать летом,
и когда кто-то плачет – стоять рядом.

подставляю руки, лицо дождю – это осень, че,
мы спасаемся белым по низким ценам.
и я всё ещё тебе нравлюсь, не знаю чем.
и когда ты так на меня глядишь,
я становлюсь целым.

ВЫДОХ

видеть город и поднимающийся туман.
видеть город, а слышать твои слова.
расчленять их на буквы и звуки, местами менять:
вдруг откроется новый смысл, как дверь приставу.

отдавать волосы ветру, тебе подставляя плечо.
подставлять плечо или что там надо тебе ещё.
я почти уже не болею, посмеиваюсь в кулачок –
как болезнью можно было назвать розоватость щёк.

я дышу глубоко и размеренно. неглубокий
и не навсегда, но что-то там пока не срослось.
я выбираю тебя из всей коллекции голубооких
как причину остаться здесь всем картам дорог назло.

БЮРО НАХОДОК

мне интересно, что ты там, в глубине, чувствуешь,
когда находишь мою серьгу под своей подушкой.
целиком меня – лучше бы

держал в ладошке, спасал и грел,
наблюдал одним глазом: что там делаю?
а пока я дышу летом, рисую мелом,
свобода рассвет поребрики.

всё у меня – эмоции, депривация и индукция,
эффект тебя слишком недолго длится.
оставляю сережку – залог вернуться,
сплести – голоса
имена
лица

**Виктор
КАРПУШКИН**
студент Политехнического института НовГУ

* * *

Возле тротуара, где-то в грязи,
Где серые лужи раскрасил бензин,
На столбе старый венок висит,
Которому не часто наносят визиты.

У этого турбина и движок оппозитный.
Кому-то в камеру сгорания попал абразив,
Думаю, ты знаешь, чем это грозит,
Но не парься, что-нибудь сообразим.

Влажность – это местный паразит,
Посмотри, как металл корродирует.
Попроси водилу, пусть притормозит,
Ногу с педали газа перебазировав.

Ага, вот так, хорошо – всё на мази,
Только бы ещё дождик не моросил.
Пока не понял, зачем движки насилуют:
Бывают даже лишними лошадиные силы.

А ты, если водишь, то вывози,
Этот мир бывает слишком агрессивен.
Порой, даже трудно вообразить,
Сколько должен выдержать твой ресивер.

Неважно, насколько велика сила,
Важна предельная нагрузка на твоей оси.
Будни никогда не станут слаще кизила,
Что бы там мужик по телеку ни голосил.

Кто-то очень крут и неотразим,
Но ни одной атаки он не отразит,
А дразнить каких-нибудь местных верзил,
Также рискованно, как сажать озимые.

Заканчивать на этом как-то не красиво:
Пусть мой голос ещё немного побасит,
Есть кого ненавидеть, кому сказать «спасибо!».
Слава Богу, жизнь – не одномерный массив.

СТЕНЫ

Эти стены не снаружи, скорее внутри.
Чтобы парить, заключаем пари.
Со временем выключают фонари,
Да, брат? *И не говори!*

Пока соседи из окон палят украдкой,
Я крепче делаю свою кирпичную кладку,
Что окружает меня без остатка.
А за стеной что? Пока загадка!

И психология бессильна, когда в мобильном
Ни одного ответа, причём стабильно.
С табличкой «недоступен», с таким же статусом,
Со мной общение хуже, чем с кактусом.

И кто-то предпочёл бы вскрыть вены,
А я продолжаю возводить эти стены.
И пусть атаки на них ежеминутны,
Но мои стены всё также неприступны.

Анна
КУКУШКИНА
ассистент кафедры педагогики НовГУ

* * *

Нужен только правильный запрос,
Всё найдётся – Google правит миром.
И прибой вечернего метро
Выплеснет его прямым эфиром.

Обернёшься, словно наяву,
Кто-то смутно близкий крикнул имя.
Страх и радость. Что-нибудь из двух.
И душа застыла между ними.

Он слегка растерян и небрит,
Делегат судьбы от Патриарших.
Пусть его причастность подтвердит
Сердце, заходясь в победном марше.

Свет вечерний в линиях берёз.
В переулке эхом льётся ретро...

Нужен только правильный запрос.
Шёпотом пусти его по ветру.

* * *

Она надевает солнечные очки,
Выходит на улицу в пасмурную погоду.
Так не хватает лета в последнее время года,
Не выключаются в комнатах ночники.

Она выбирает яркие свитера
И зайчиков солнечных ловит в большую банку.
Дом до краев наполнен любимым funk'ом:
Вновь «Chase the Sun» на репите, и до утра.

Фотообои на стенах – район Сейшел,
Новый зелёный купальник готов к сезону.
Лёгкие платья, и ноты жасмина фоном,
В роли солнца как прежде большой торшер.

Она, засыпая, верит, что лето придёт её разбудить.
Вот оно – вспыхнет с утра, и ледник растает,
Тот, что сто лет назад потопил «Титаник»,

Тот, что полгода уютно зимует в её груди.

* * *

Нетрадиционная медицина.

Рецепты от ох-уж-этой-простуды и гриппа:

...Чай с липовым мёдом и сон до обеда,
Ленивое утро, пушистые пледы,
Носки шерстяные, кило аскорбинки,
С друзьями в пижамах цветных вечеринок,
Любимые песни, мурчащие кошки,
Массаж, мандарины и солнце в окошке,
Беседы вполголоса, теплые взгляды,
Хорошие фильмы, любимые – рядом.
Варенье из клюквы, горячая ванна,
Объятия, улыбки и смелые планы,
От дальних друзей в смсках приветы,
Мечты, фотографии прошлого лета.

(Да-да, не без этого! =) Кофе с корицей
И вера, что все непременно случится!

Подводим итоги – спасут от простуды:
Любовь к этой жизни и капелька чуда :)

**Юлия
ЛЕТОВА**

**выпускница юридического факультета НовГУ, юрисконсульт
федеральной противопожарной службы по Тверской области**

* * *

Промелированы чёлки у берёзок во дворе,
Осень мастер-класс проводит у деревьев в сентябре.

Солнышко поможет сразу -
Мастер позолоты главный, -
Из лучей кидает стразы
На изгиб прически плавный.

Каплю блонда на осинку
Невзначай уронит осень.
Пряди красные рябинка
К октябрю себе попросит.

Клён в бургундский перекрасит
Лёгкими мазками кисти,
Под ноги со звоном бросит
Обжигающие листья.

Осень яркими штрихами по природе прошумела.

РАЗГОВОР НА БУМАГЕ

Только ты, белый лист, меня сможешь понять,
А беседа с тобой боль поможет унять,
Ту, что спрятана от окружающих глаз
И не может найти из души моей лаз.

Я плесну на тебя горьких слов череду.
Всё в тумане, как будто в каком-то бреду,
Но я буду терпеть и продолжу писать.
Буквы будут, не слушаясь, нервно плясать.

Я должна объясниться хотя бы с тобой,
Чтобы в сердце опять поселился покой.
Я не знаю, как выразить чувства свои,
Чтоб они изнутри не кололи, не жгли...

Где такие слова подходящие взять,
Чтобы мысли свои на листок передать,
Если выюга в душе, в голове кавардак
И предательски гложет ненужный мне страх.

Мысли, словно клубок, и сбивается слог.
Лист, спасибо за то, что ты выдержать смог
Этот бурный поток из несвязанных фраз.
На душе стало легче лишь только сейчас.

**Анастасия
СИНИЦЕНА**
студентка филологического факультета НовГУ

ПОРТРЕТ

С портрета смотрит человек.
А я его как будто знаю?..
Но он уже свой прожил век,
А я свой только начинаю.

Глаза насмешливо глядят
На молодое поколение.
Что мне сказать они хотят?
Возможно, в них предупреждение?

Как странно... Этот чуткий взор
Мою мне душу открывает,
На откровенный разговор
С самой собою вызывает.

ПРОСТО

Просто немного грустно.
Просто немного больно.
Просто немного пусто,
Страшно и беспокойно.

Стрелки стирают время
На циферблате старом...
Мне ведь всё это бремя
Незачем даже даром.

Боль загоняя в строчки,
Что-то опять рифмую.
Жду появления точки.

Ставлю лишь запятую.

ФАТАЛИЗМ

Плакало утро холодным дождём,
Радует ночь золотым звездопадом.
Мы здесь смеёмся, грустим... мы живём,
Значит, кому-то на небе так надо.

Значит, властители нашей судьбы
Так разрешили простые задачи...
Люди же шлют к высшим силам мольбы,
Небо коря за свои неудачи.

РИТМ

Ладони выбивают ритм...
И сердце, с барабаном в такт...
Не нарушая алгоритм,
Не прерываясь на антракт...
Глаза горят, горит душа,
И ритм всё громче, всё сильнее...
Огнём живя, огнём дыша,
Быть пламенем среди теней,
Но только не перегореть,
И не потухнуть в суете...
Пылать – совсем не то, что тлеть,
Забыв о собственной мечте.

РАСПУТЬЕ

Расцветают звёзды-льдинки,
Прогоняет ночь закат.
Предо мною две тропинки,
Выбрать что ли наугад?

Древний камень путеводный
На распутье том стоит,
В камне дух живёт бесплотный,
Он со мною говорит.

Укажи мне, дух, дорогу,
Подскажи мне верный путь –
Тот, что к нужному порогу
Приведёт когда-нибудь.

Если повернёшь направо,
То богатство обретёшь.
Будут деньги, будет слава...
Там ты счастья не найдёшь.

Если повернёшь налево,
Ожидает тебя власть.
Будешь словно королева...
Эта жизнь тебе не всласть.

Разгорелись звёзды-льдинки,
Ночь ласкает мир крылом.
Выбирала две тропинки...
А пошла сквозь бурелом.

**Светлана
ПОТЯГАЙЛО**

**выпускница факультета лингвистики и межкультурной
коммуникации НовГУ**

* * *

Любить дом, который покину,
рубашку, которую скину,
хлеб, который отдам тебе,
человечка, играющего на трубе.

Облаком возносишься в небо,
Сдавливая в горле «мне бы».
Две руки, две ноги, свечка,
Топится у Господа печка.

Ты в ней возносишься в небо,
И уже не просишь хлеба,
Хлеб тебе не нужен, дыму,
К небесному взлетаешь Иерусалиму.

* * *

Ты встаёшь так рано,
что узоры на твоей стене —
осторожный
кот, оставленный
в безмятежности.

Тело раскинулось и колышется
на волнах.

Третья по счёту зима
мчит на лыжах
по холодным холмам.

Термос
придумывает легенду о паре.
Отвинчивая пустую голову,
выпускаешь его на свободу
за тонкими гранями.

* * *

Откуда берутся на моём языке
эти живые присказки:
не фунт изюму,
как с гуся вода,
не всё коту масленица?
Кое-что я украла у того, живого,
который любил меня, каменную,
и этим теперь питаю свою живую любовь
к другому, каменному.

Или это грохочут колёса товарняков,
вкатывая в мою речь
протяжное перестукивание,
уволакивают за собой
в сосущую воронку будущего?

Одной ногой стою на острове,
другая – в море,
и всё никак
не отваживаюсь топнуть.

* * *

Ты укоряешь меня в однообразии моих дней.
Я восхищён – говоришь – многообразием жизни.
Ты хотел бы иметь десять домов,
а я – только один.
У тебя есть учёное имя,
колкая фамилия неуживчивого человека
и литературный псевдоним.
У меня – только почерк
и поступь.
И ты, обладая всем этим,

иначе испытываешь сей мир.
О чём ты мне говоришь?
Что река не похожа на море,
что люди, живущие по берегам реки,
не похожи на тех, что гнездятся у моря,
а те, что гнездятся у моря,
больше похожи на птиц.

**Надежда
МЕЛЬНИКОВА**
студентка филологического факультета НовГУ

* * *

Лениво шебурша под одеялом,
Откинешь в сторону манящее тепло.
Мурашки строим. За окном – октябрь
Украдкой расстилает полотно.

Бегут прохожие, глазам своим не веря,
Снежинки падают, календарю назло.
Частичка осени – нежданная потеря,
В снегу уснувший бесконечный звон.

Заваришь чай. Быть может, он согреет:
Похолодело от пейзажа за окном.
Твою досаду ртутный столб измерит,
С тобою он сегодня заодно.

И, как пингвин, сперва едва шагая,
Покинешь ты квартирное нутро,
Окинешь взглядом белоснежный рай...
Октябрь! А природе всё равно.

**Маргарита
ХАРОХОРИНА**
студентка филологического факультета НовГУ

ЛАМПОЧКИ, ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА

Лампочка, обещаешь любить своего мужа Лампочку и в яркость, и в потухание, и в неуплату, и в короткое замыкание?

– Да.

А ты, Лампочка, обещаешь любить свою жену Лампочку и в яркость, и в потухание, и в неуплату, и в короткое замыкание?

– Да.

Так пусть вас разрушит только перегорание.

Пусть это и будет ваше расставание.

Можете загораться.

$(-\infty; +\infty)$

Бесконечность

вьется восьмеркой

уже под ногтями...

Бесконечность

можно показать,

сплестясь языками...

Бесконечность

плывё-о-от под ногами...

Бесконечность

повсюду растеклась небесами...

Бесконечность разлилась

чистейшими реками...

Бесконечность между любящими

рук руку руками...

Бесконечность целует обнадеживающими

губами...

Бесконечность... не услышишь ушами...

Стих о бесконечности –
бесконечен...

МИРУ – МИР, А МНЕ – ТЕБЯ

миру – мир, а мне – тебя.
на волнистых улицах
нельзя
не заметить счастья
хоть на чьих-нибудь
лицах,
хотя бы в одном глазу.
в лужах на тротуаре
нельзя
не заметить небо,
но это для тех,
кто видит луну, а не фары
в светлом кругу.
а вдруг война.
друг, мы умрём.
тогда надеюсь обе
в одну секунду,
чтобы не было больно, когда
тебя не станет
даже миллисекунду.
а вдруг переживём.
друг, не расстанемся.
тогда, надеюсь, мир
будет миром,
а мы от души посмеёмся.

БЕДОЛАГА

Знаете,
мне очень жалко
сердце.
Оно бьётся, бьётся
без передышки.
Оно терпит,
когда горько.
Бывают у него
недостатки, излишки
чего-то.
Почему
ему

нельзя отдохнуть
хоть чуть-чуть,
так, без смерти?
– Доктор, давление измерьте.
Повышенное?
Пониженное?
Нормальное?
Какое?..
Без всяких диагнозов
скажу сама: усталое.
Ещё бы,
столько лет
работать
не останавливаясь.
И сколько бы
ни было
больно,
работать,
радуясь или отчаиваясь,
до колик в груди.
Всего лишь
с кулак, а столько
на тебя ввалено, маленькое,
столько всего в тебе
оставлено, хрупенькое.
Сердце, спасибо за всё, что было
и за всё, что будет ещё впереди.

**Андрей
КАРЮК**
студент юридического факультета НовГУ

Посвящается Е. Ю.

Позволь обнять себя слепой, но мудрой ночи,
Пускай объятия свои сожмёт она.
Пусть станет мир
Расплывчат
И
Непрочен
И пусть
Родит восток
Пустыню сна.
И в разум
Газом
Прозмеится темень,
И вездесущим глазом
Разом
Став,
Сознания искрящий мыслью кремень
Погасит
Для раздумий озорства.
Прими покоя нежность
В неизбежность,
Сна сладости противиться
Не смей.
Нащупай мягкости
Прохладистую
Свежесть.
Вскользни в изнанку мира,
Словно змей.
Теряя мышцы в безмолвности зевоты,
И жизнь вокруг

Свой замедляет стук...
Оставив горести...
И боли...
И заботы...

Спокойной ночи.
Спи, мой милый друг.

* * *

Да, наверное, в вечности камень
Не вцарапается мой лик.
Голос мой, говорящий стихами,
В шёпот выльется, а не в крик.

И, должно быть, вся жизнь моя будет
И ошибочна, и глупа.
И толпа, не запомнив, забудет,
Как летел я и как упал.

И могилу мою в затишье
Забинтует весенний гром.
Только белой нитью он вышьет
Мой последний и вечный дом!

И вот там, на облаке стоя,
Буду Богу читать я стихи!
В стороне добра и покоя,
Где отпущены все грехи.

**Владимир
ШАДУРСКИЙ**

доцент кафедры русской и зарубежной литературы НовГУ

* * *

«Укромные мысли так сладостно тесны»;
«Открытое слово лишь горечь даёт». –
Общаться с поэтами так интересно,
Ведь каждый из них будто мир создаёт.

* * *

Совсем равнодушен я к стихам:
Бываю нежен – бываю хам.

* * *

Какие-то пауки
вздумали меня поучать!

* * *

Я ругаюсь осторожно,
Ты ругаешься сапожно.

* * *

А за фразу эту
Дайте конфету
Поэту Фету.

* * *

Терпения, терпения!
На наши, ваши головы
Обрушили строения,
Обрушили колонны...

РАНЕНый

Подарили подарки -
Под аркой.

* * *

Запущу ананасом в небо,
Получу бумерангом банан...
Эка, скажите вы, небыль?
Но таков уж весны ураган.

* * *

Погода утром расчудесная,
Оглушим снег своими песнями!

Глеб

ДРУЖИНИН

**выпускник филологического факультета,
корреспондент телекомпании «ТНТ-Трида»**

ПОЭМС ЭВРИБАДИ

Поэмс

Курил, писал
Не поэму, а исповедь
1, 2, 3 часа...
Где-то мягко, где-то неистово
Слова взвешивал на весах.

Чу!
Послышался шаг вкрадчивый –
Явно читательской ноги...
Конечности процедил: «Поворачивай
На число градусов и беги!»

«Не хочу!», -
Сквозняком откликнулась
Форточная дверь окна.
«Дай!», -
Закричала и двинулась,
Стулья сшибая, ко мне стена.

«Лай!», -
Грязно взвизгнула люстра,
Вырывая поэму из рук. -
«Рай
Твой, крикогубый Заратустра,
Даже не ад, а просто глюк».

От такой говорливости мебели
Любой чердак протекает на раз...

А вы в такой ситуации не были,
Плётя узоры нитями фраз?

Кто же так тонко и расчётливо
Дом настроил против меня?
Ищу глазами... Вот он! Ату его!
Стоит, беззвучно мир кляня!

Вертит каждой конечностью резво,
Проклятия вытекают из уст,
Глаза ледяной обжигают бездной,
Голос его раскатист и густ.

При этом видно – существо тонкое,
Обидится на любой пустяк,
И в уши барабанными перепонками
Хором глотки его хрустят...

«Читатель» имя этой заразе,
Листатель, шуршатель сих страниц
Одна ошибка – заметит сразу,
Моли о пощаде, падай ниц!

В школьника ты превращаешься тотчас,
Пишешь украдкой под партой стих,
А читатель наблюдает молча,
Читатель вместе с классом затих.

Вырвал из рук, подойдя сзади,
Учитель записку учащегося,
«Poems, – сказал подлец, – Everybody!
Poems!», – сказал, голося.

Лживый ублюдок теперь радуется –
Больно сумел сделать мне.
Не понимает он, не догадывается.
«Очередной кирпич в стене».

Да, вероломный читатель, радуйся:
Вырвал листы с поэмой из рук!
Теперь берегись – титаном пройдуся я
В мире туземцев, где ты лишь Кук.

Что, считаешь, поржёшь и выкинешь
Эту поэму, письмо, дневник?

Такого навалом, такого – попой ешь
С этим смирился, к такому привык.

Где бы вы ни были, где бы ни жили,
Даже запёршись в water-closet, -
Не читайте письма чужие
И никогда – советских газет.

У нас не так: постят в блоге,
Ткнут интервью где-нибудь на Ю-Тьюбе,
До одури спорят о стиле и слоге...
Что им Гекуба? Что они Гекубе?

Не исключение и мой читатель –
Чую укольчики смеха плоского:
«Стих ваш, громкий как «нате!»,
Вчистую содран с Маяковского!»

Ценное наблюдение, коллега!
Давайте попробуем разобраться!
Вы сам, может, сон Лопе де Вега,
Занимающегося мастурбацией?

Или бабочка, которая мир думает?
Или мир, который думает её?
Все предположения общию суммою
Порождают вопросы в сердце моём.

Кто выбрасывал аборт в пакете?
Кто лелеял в кармане кондом?
Кто мастурбировал в туалете,
Прежде чем переплыть Ахерон?

Такими каверзами заполню смелыми
Твоего мозга пустой сосуд
Доведу тебя, читатель, до колена белого
Над собой учиню самосуд.

Будешь ты линчевать меня грубо,
Пытаясь узнать, где моя голова,
А через потрескавшиеся губы
Льются слова, слова, слова...

Я, висящий на высокой рее,
Вороньё пугающий из последних сил,

Как Один, посреди мировых морей,
Вешу на ясене Иггдрассиль.

Капают вниз сопли и слюни...
Сколько ты готов умереть раз?
Сядут на плечи Хугин и Муни
Дыркою почернеет левый глаз.

Вот тогда берегись, читатель!
Лучше сразу копайся в ил,
Титаном пройдуся я, словно кстати.
Впрочем, я это уже говорил.

Что, нравится тебе бичевать поэтов,
Трумена шоу своим чтением творить?
Крайней формой похабного минета
Такое чтение может быть.

Впрочем, тут я с тобою согласен –
Поэтишки перевелись нынче...
Кичатся объёмом вирш и басен,
Карманами воющих тысяч.

Другое дело – поэт из глубинки:
Небритый, похмельный, в дырявых носках.
Плохо выходит на фотоснимках.
С порезами на висках.

Такой уверен в собственной важности,
В жёлтую кофту укутанной,
Такому узоры фраз плести
Ежеминуто бы.

Глупый поэт абсолютного смысла,
Пей своё пиво, кури свой гашиш!
Сердца твоего чёрная крыса
Съела моего сердца белую мышь!

Тотемом любви, ласки идиолом,
Смотришь с божественных высот.
Гинесса рекордов книгою
Меня попрекаешь который год –

Мол, не поймал ты своего йети,
Чудища лохнесского не добыл,

Не побывал на другой планете,
Книги своей не сбыл.

Милый мой ипохондрик несдержанный!
Плевать на славу здесь и окрест!
Родные дети намного важнее мне,
Чем топонимика мной названных мест!

Позабуду
кочевника вольного гены,
Признанный всеми, уйду отовсюду.
Жить буду
на острове Святой Елены,
трупом Наполеона играть буду.

И оттуда, с острова этого дикого,
Буду смотреть, как ты мельтешишь,
Воздух разрываешь голоса криками,
Кушаешь с маслом шиш.

Этими поэтическими вопросами
Свою реальность перевесь.
Проблема в том, что это ты на острове,
А я-то вместо тебя здесь.

Гуляю в парках, дразню гопника –
Этого брата у нас вдоволь!
Работаю с гопниками, тусуюсь с гопниками
Ты так пожить, поэт, попробуй?

Да и любовное чувство имеется
Даже в моих грудных ширях,
А за спиной – крыла виднеются
И камни есть, чтоб в людей швырять.

Когда-то давно, по младости искусства,
Я уличал всех, злобой горя,
Тогда всем проповедовал Заратустру,
А ведь Заратустра – это я.

То ухожу в феерии буйство,
То мечусь в безумной аскезе...
Да во мне простого доброго чувства
Больше чем волос у панка в ирокезе!

Неудачный поэт: любимый и сытый,
Ни разу не горел на кострах,
Ни разу серьёзно не побритый.
Умный. Добрый. Не кастрат.

Соль земли. Что? Не подходит?
Привит филологией и женой.
Счастлив тому, что происходит,
И тем, кто когда-то был со мной.

Поэзия? Я вас умоляю!
Пить уксус зовёте? Крокодилов есть?
Взглядов таких не разделяю,
У меня для этого совесть и честь.

У нас же как – чем больше грязи,
Тем литературка прекрасней собой,
Есть слово «ж...» – все в экстазе,
Нет «ж...» – улыбкам отбой.

А читатель моему бреду внимает
На ус мотает, больше чем мой,
Иногда его не понимаю...
«Может, растолкуешь, родной?»

И тут конечности пришли в движение,
Закрутились вокруг листов
С поэмой, что в согнутом положении,
Я до конца жизни держать готов.

Вырвал из рук, подойдя сзади,
Читатель поэму учащегося.
«Poems, – сказал подлец, – Everybody!
«Poems!», – сказал, голоса.

Стою один. Взгляд запорошен.
Лист с поэмой брошен в расход.
Как бутерброд с селёдкой брошен
В чей-то совсем уж слюнявый рот.

(октябрь 2011, отдельные огрызки и сама идея – с 2006)

**Валентин
КАНДЫБИН**

студент Института медицинского образования НовГУ

* * *

Невозможно знать...

Мир то устойчив, то как дым,
То мы в восторге, то грустим:
Любовь умеет подчинять.
Она отнимет через миг
Всё, что дала, казалось, впрок.
Земля уходит из-под ног,
Оставив нам лишь боль и крик.

Но как знать, как знать!

Внезапно высохнет слеза,
И вновь откроются глаза,
И впору заново начать!
На нас опять управы нет,
И каждый раз, как в двадцать лет,
Вовсю хохочем мы и плачем –
А как познать ещё иначе
Всё то, что невозможно знать?

**Максим
ГУРЕЕВ**

доцент кафедры теории, истории и философии культуры НовГУ

ОБ АФОРИЗМАХ

Ценность афоризма определяется не только фундаментальностью звучащих в нём идей, но и его вечно молодыми, постоянно обновляемыми духовными содержанием и подтекстом. Многогранность любого афоризма проявляется не только через большое количество интерпретаций разных реципиентов, но и через версификации **ОДНОГО** человека, эволюционирующего в своём развитии.

Аксиоматично, что один и тот же афоризм можно прочесть и понять по-разному; и эта разность складывается, в том числе, и из хронологического критерия, морального возраста читателя. Например, известное изречение царя Соломона «Во многой мудрости много печали» для читающего юноши может иметь гипотетико-доверительный характер, для молодого человека – апробируемое опытное содержание, для зрелого гражданина – уже апробированное (но при этом ещё с сохранением проблесков надежды на то, что удастся стать исключением из древнего правила!), для человека относительно пожилого – подытоживающее и резюмирующее прежнюю бурную активность мерило жизни. Соответственно, если говорить о разных читателях, то вариативность трактовок, исходя из субъективно-психологических и биографических особенностей аудитории, увеличивается в десятки и сотни раз. Каждый, на самом деле, находит в удачном афоризме что-то «своё», но, к сожалению, далеко не всегда это «своё» актуализируется посредством положительных смыслов. Люди в массе своей склонны осуществлять психические проекции, приписывать мыслям автора те смыслы, которыми РАНЕЕ уже прониклись сами. Их духовный, интеллектуальный и телесный опыт может в значительной степени отличаться от опыта Автора в сторону убывания, возрастания (если редуцировать универсализм «университетов Жизни») или, вообще, выхода в иные измерения сознания (речь не о параллельных мирах, а об уникальности каждого человеческого существа и его восприятия).

Следует помнить о том, что в любом тексте реципиент ищет и

отчасти находит не столько самого себя, сколько отражения себя; жаждет увидеть не догму, общую для всех, банальную и давно известную, а, наоборот, вариативность путей своего развития (ибо все люди – части единого древа Жизни, только кому-то суждено быть мощными корнями, а кому-то – всего лишь периодически опадающими листьями ...).

Афоризм может напоминать своим звучанием определённую жизненную формулу, но лишь отчасти; во всяком случае, опытно-биографическое и строго математическое значения формулы далеко не идентичны. Любая ёмкая смыслообразующая фраза требует в той или иной степени некоторых пояснений, комментариев самого автора. Как минимум, чтобы избавить литературный дискурс от недопонимания или полного непонимания; как максимум, чтобы провести грань между своим уникальным опытом осмысления темы и уникальным опытом читателя. От формУльности недалеко до формАльности, а автор ведь никого не призывает шагать строем и в унисон исполнять гимны чему бы то ни было. Люди жаждут чётких и определённых ответов на свою жизнь, но они никогда не найдут их в афоризмах ДРУГого (= Автора-ДРУГа), если не обладают и не пытаются расширить свой собственный опыт познания. Афоризм может подвигнуть к тому или иному опыту, озвучить то, что дремало в вашей душе, но идти по ВАШЕМУ Пути нужно вам самим и только вам. Любая мудрая фраза, запечатлённая в тексте, – это не подробная инструкция к вашей жизни, а всего лишь намёк на ВОЗМОЖНОЕ решение конкретной философской темы.

Повторим ещё раз, что афоризм несёт в себе ОТРАЖЕНИЯ ответов на вашу жизнь, но не сами ответы в абсолютном значении. Даже в том случае, если последние ответы даны авторитарным харизматичным Автором, то они даны им на ЕГО жизнь, вернее, на актуальный для него промежуток жизни, но не факт, что будут работать для него всегда, и уж тем более не факт, что «сработают» для жизни вашей. С одной стороны, «всё течёт, всё изменяется», мы постоянно переосмысливаем свои поведение и сконструированную иерархию ценностей; с другой – любая абсолютность (например, Золотое правило нравственности) должна быть обязательно апробирована через относительность, опытность; культурный текст складывается в пёструю мозаику из неординарных кусочков жизни.

Увлечённое чтение афоризмов – это не только часть хобби, но и определённый психологический диагноз. При разборе невротических или близких к таковым состояний конкретных реципиентов выясняется, что каждый может и, самое главное, ХОЧЕТ видеть мир не только сквозь специфическую правильную призму, но и, к сожалению не так уж и редко, сквозь всего лишь отдельный осколок цветного или вообще безыскусного прозрачного стекла ... Каждый человек – это не только Личность (в себе, для себя, по поводу себя и т.д., как это принято выражать в западной болтологии), не просто часть своего Рода, но и определённый продукт той Культуры, в которой он был зарождён, появился на Свет Божий и вырос. Лечению поддаются люди (обладающие не только генеалогической, но и

архетипической памятью), а не манкурты, – это тоже стало аксиомой. Изучая афоризмы разных авторов, можно более тонко понять и принять не только конкретных талантливых (или не очень) авторов, но и ту эпоху, в которую они жили. О том же свидетельствуют и суточные (или сутолочные?) статусы различных социальных сетей: что ни подпись, то – афоризм, только у кого-то в тему и по делу, а у кого-то – дубляж по принципу «слышу красивый звон, да не знаю, где он».

Кроме того, следует отметить ещё один принципиально важный нюанс: афоризм, изначально отлитый в ОПРЕДЕЛЁННЫЕ несколько слов или предложений, и литературное полотно, разодранное цитирующими поклонниками и критиками на афористичные по звучанию лоскутки, – это совершенно разные объекты Мысли. Диалектика «текст – контекст» важна не только для воссоздания истории афористично звучащих мыслей, но и для реанимации Живого Опыта Автора, который может быть любопытен мыслящему читателю. Абсолютная Истина познаётся сквозь призму относительных реальных ситуаций.

18 декабря 2011, утро

СВЕТ И ТЬМА. ОТ БОРЬБЫ ДО...

- 1) Чем чернее сердце, тем больше от него лести ...
- 2) Страшно отдавать своё сердце тем, кого не любишь. Тем, кого любишь, его отдаёшь без сомнений и жалости, часто даже незаметно для себя.
- 3) Вся жизнь – это пешеходные белые полосы. Только успевай метко прыгать с одной на другую!
- 4) Абсурдна реклама шоколада, якобы пропитанного волшебными чарами тьмы, ибо тьма не создаёт ничего питательного – только иллюзии.
- 5) Кто с колдовством сюда пришёл, от Креста и скопытится.
- 6) Моя декоративная крыса смотрит временами гораздо человечнее, чем некоторые из тех, что ходят по улицам без ошейников.
- 7) В твоей жизни происходит ровно то, что ты хочешь и что ты заслужил. Не больше и не меньше.
- 8) Загадочность – та же «защитная» шкурка ящерицы, которую надо вовремя сбросить.
- 9) Самое большое современное зло – это потакание тому злу, которое уже функционирует.
- 10) Главное – определиться с тем, КОГО ты любишь; а уж как именно любишь – будешь разбираться впоследствии.
- 11) Настоящий друг – тот, кто, узнав хорошие новости о тебе, будет не завидовать, а искренне радоваться за тебя.
- 12) Если кто-то выражает неуважение в адрес твоих близких, то, значит, он не уважает и тебя самого.
- 13) Объясниться по душам и начистоту можно только с теми людьми, которые хотят взаимопонимания; со всеми остальными такая «фишка» не работает.

- 14) Невозможно найти родственную душу в другом, если ты не раскрываешь в должной мере свою собственную.
- 15) Человек нравственно полноценный окружает себя людьми открытыми, искренними; а псих-одиночка – такими же озлобленными на мир, постоянно ищущими поводы для обид психопатами.
- 16) Встреча двух принципиально разных натур порождает наэлектризованный диссонанс.
- 17) Те, кто постоянно стремятся к манипуляциям другими людьми, будучи равнодушными к их искренности, не заслуживают даже минимального внимания к себе. Невозможно развить свою личность, только манипулируя другими.
- 18) Никогда не поздно заняться детоксикацией души. Бог ждёт всех нас, независимо от накопленного багажа персональных грехов.
- 19) О своей принципиальности чаще всего разглагольствуют те, кто заявленные или подразумеваемые принципы постоянно нарушают. Живи не принципиально, а искренно, – именно это и отличает жизнь от примитивного существования.
- 20) Счастье человека выше всех моральных, манипулятивных и прочих категорий.
- 21) Любящий не давит, не гнетёт, не манипулирует, не боится, не провоцирует, не завидует тому, кого любит. Чувствует, прощает, понимает, ПРИНИМАЕТ. Всего и во всём.
- 22) Гибкость мышления – это, конечно, хорошо; а вот тотальная современная НЕпринципиальность – отвратительно.
- 23) Тот, кто боится людей сам, постоянно пытается внедрить страх в сердца других.
- 24) О расчётливом, амбициозном, хитром и неискреннем человеке, умеющем в определённой степени манипулировать другими, часто говорят: «Далеко пойдёт». Соглашусь: «Далеко». Но ТУДА ЛИ?!?
- 25) Единственное правильное страдание – то, которое открывает вам новые ходы самопознания. Невозможно стать счастливым, не познав себя.
- 26) Главная основа для непонимания – неприятие. Плевать, кто там и кого любит или не любит, главное – чтобы человек был принят в душе твоей как уникальность.
- 27) Заниматься ТОЛЬКО любимым делом легко. Так же легко, как выкачивать деньги из воздуха.
- 28) Я никому не пытаюсь «взорвать мозг» – я всего лишь в очередной раз напоминаю людям о том, что из нынешнего хаоса обязательно должен быть рождён Порядок. Людьми и для людей.
- 29) Обида – тоже эмоция. Лучше вызывать обиды, чем равнодушие и наплевательское отношение. Обижает – значит, цепляет; цепляет – значит, есть СВЯЗЬ, которую обязательно нужно для себя решить.

- 30) Если бы каждый из нас умел адекватно выразить свою любовь по отношению к другому конкретному человеку и человечеству в целом, то все мы уже давно бы жили в Раю.

2012, весна – осень

**Максим
ШАРАПОВ**

аспирант кафедры русской и зарубежной литературы НовГУ

АФОРИЗМЫ

В споре с самим собой победителем обязательно будешь ты. Но важно, *какая* твоя половина возьмёт верх.

Спичка сгорает, но при этом разжигает огонь более собственного.

Это в математике от перемены мест слагаемых сумма не изменяется. В жизни же она от этого иногда уменьшается. Или увеличивается.

Стихи может писать каждый. Не каждый может быть поэтом.

Семья существует для того, чтобы люди дополняли друг друга, как правильно подобранные кусочки мозаики.

Смысл жизни, вероятно, заключается в том, чтобы совершенствовать собственное несовершенство и по возможности помогать это делать другим людям.

Истина рождается в споре, но не в ссоре.

Накапливать знания ради знаний – всё равно что накапливать деньги ради денег. Пользы ни тебе, ни другим от этого не будет, а вред самому себе причинишь большой.

Жить есть смысл хотя бы для того, чтобы понять, зачем жить.

Нравиться могут многие, любить можно только одну.

Защищая своё достоинство, не урони его.

У каждого есть совесть – внутренний нравственный контролёр, данный Богом при рождении. Но если её усыплять, она может уснуть. А если её убивать, она может умереть.

Пятый раздел
**«Взял ворону я
за хвост...»**

**Станислав
ТИХОНОВ**

**выпускник филологического факультета НовГУ,
арт-директор бюро копирайтинга «Флавита»**

УЗИ

Всегда готовый к несчастью,
я счастлив, когда гляжу
на маленькие запястья
и пальчики нахожу.

Вот личико в профиль, печень,
хрусталики, сердце, мозг.
Волнительно, бесконечно,
конечно, навзрыд, насквозь.

Мы словно над микроскопом
склоняемся и следим
за нежным и крутолобым,
прозрачным и дорогим.

И счастье, какое счастье
за руку тебя держать,
себя разнимать на части,
тебе помогать рожать,
в палате сидеть, смеяться,
встречать из роддома, спать
обнявшись, всего дожидаться
и снова чего-то ждать.

**Олег
ЯРОВИКОВ**

**выпускник психолого-педагогического факультета НовГУ,
заведующий кафедрой сервиса, гуманитарных и естественнонаучных
дисциплин Великолукского филиала СПбГУСЭ**

НА РЫБАЛКЕ

Мне в дорогу сотканы облака над отмелью.
Будет день особенный – так себе решил.
До краев навьюченный к дедовой излучине
Веслами работая, ловко поспешил.

Снилось мне – за островом ходит щука острая,
Я её, родимую, еле подцепил.
Целый час выуживал и готовил к ужину...
А проснулся – мучаюсь, – вдруг не посолил.

Мне твердили: времени будет срок – до темени,
Пять утра без малого, а рыбак в пути.
Не могу я выспаться, когда щука видится,
И заря над озером – глаз не отвести!

Вот она – излучина, дальше – дело случая.
Ну, ловись, упрямая, вдоль и поперёк.
Задержу дыхание – я мужик отчаянный, –
До того, как сядет мне щука на крючок.

* * *

Когда-то я был доволен и жил по законам ветра.
Облака, окунаясь в море, делились со мной цветом.

Помню, даже писал картины, стоя в дыму вулканов.
И, шутя, разминал глину, превращая песок в камни.

Когда-то земля кружилась, заставляя меня падать,
И я знал про её силу, а она – про мою радость.

Я тогда сочинял небо и без страха считал звёзды.
Была чёрная ночь пледом, Млечный Путь – молоко с мёдом...

Когда та, что зовётся жизнью, наконец, подобрала числа,
Я родился, одним визгом оборвав эту нить смысла.

**Александр
КОЧЕВНИК**
новгородский фотограф, фотожурналист,
член Союза писателей России

БОЛЬШЕ НЕ БУДУ

Четырёхлетний мальчонка захотел пить. Он самостоятельно и деловито пошёл на маленькую кухоньку, дотянулся до тонкого стеклянного стакана, стоявшего на столе, чтобы набрать из ведра воды, и вдруг увидел, что в стакане осталось немножко воды. Напиться было слишком мало, но он однажды видел, как отец остатки воды из кружки с силой выплеснул на стенку сарая во дворе, и она разлетелась красивыми брызгами. Почему бы не попробовать повторить с этими остатками то же самое? Нужна стена.

Экспериментатор посмотрел вокруг. Прямо перед ним – окно. Слева огромная русская печка. Справа над столом во всю стену полки с чистой посудой, – тоже не годится. А сзади проход, прикрытый цветастой ситцевой занавеской. Вот те на! Что ж идти на двор что ли? Взгляд упал на потолок. Вот это что надо! Ровный, чистый, белый и главное – большой. Не промажешь. Мальчишка размахнулся – и тонкая струя, ударившись в потолок, разбрызнулась мелкими искрами и оросила кухню маленьким дождём. Здорово! Нужно попробовать ещё раз. Малыш зачерпнул из ведра воды, получилось больше половины стакана. Он уже и забыл, что хотел напиться, и горел единственным желанием повторить опыт. Стакан был уже достаточно тяжёл и к тому же мокрый, поэтому его пришлось взять двумя руками. Из одной он выскальзывал. Юный физик примерился и сильно плеснул вверх. Струя получилась вялая и большая. Но главное – вместе со струёй из рук вырвался скользкий стакан и очень удачно попал в лампочку. Та с резким хлопком разлетелась на мелкие осколки и, сверкнув ослепительной молнией, погасла. Стакан продолжил полёт до потолка, но,

слабо стукнувшись, стал возвращаться... Мальчишка зажмурился и втянул голову в плечи. На него обрушился поток воды и по макушке больно ударил стакан. Разбившись, он со звоном рассыпался по полу.

На этом самодельная гроза с молнией и ливнем не кончилась. Открылась дверь и из сеней вошла мама. Она отодвинула занавеску и строго спросила:

– Что случилось?

Жертва любознательности, стоя среди полутёмной облитой кухни, сам мокрый как цуцик, почёсывая ушибленную макушку и глядя ясными глазами, удивлённо отвечал:

– Не знаю! Оно само!

– Ах, само-о-о-о? Так ты ещё и врёшь?!

Гроза сменилась бурей. Мама схватила озорника и довольно чувствительно шлёпнула его. Потом ураганом перенесла в соседнюю комнату, сунула носом в угол и сказала:

– Подумай хорошенько. А как поймёшь, приходи просить прощения!

И пошла на кухню наводить порядок.

Оскорблённый до глубины души страдалец решил проявить характер и дожидаться? пока мама сама осознает своё поведение и придёт к нему просить прощения. Из упрямства он готов был стоять в углу до самой старости. Он уже забыл про раненую макушку и потирал более пострадавшее место.

Чтобы как-то обозначить своё присутствие в этом мире, страдалец вполголоса гундосил себе под нос бесконечную тянучку:

– Мама прости, я больше не буду... мама прости, я больше не буду... – плавающие мысли вышли на странный вопрос:

– А что такое и как выглядит – «не буду»? – после долгого блуждания сформировалась версия, что «не буду» – это старый большой лист фанеры, прислонённый к сараю. Если его пнуть ногой, то он издаёт глухой бухающий звук «б-д-б-ддд». Похоже!

... Однако мамы всё не было. Это вызвало к чувству мести, которое выливалось уже в злые мысли:

– Сейчас она, конечно, большая и сильная! Но потом я вырасту большой, больше папы, подниму её одной рукой... нет одним пальчиком, и брошу с моста в реку! Вот тогда она поплачет!

Рисую картины возмездия, наказанец в задумчивости машинально, от безделья, протыкал пальцем в углу обои, где они приклеились неплотно.

В комнату вошла бабушка и удивлённо спросила:

– Чевой-то ты в потёмках в углу стоишь?

Узник оттопырил губы и сердито сообщил:

– Меня мамка наказала!

Бабушка медленно покачала головой и, причитая, сказала:

– Эх, Саша, Саша... – она ласково погладила рукой по голове. Мальчишка вдруг ощутил к себе прилив жалости. А бабушка продолжала:

– Ты такой хороший мальчик... – жалость усилилась неимоверно, и слёзы брызнули из глаз.

– Мама тебя так любит... – жалость начала сменяться некоторой озадаченностью – ничего себе «любит».

– А ты себя так ведёшь, что ей приходится самого любимого человека лупить, как скотину, и в угол ставить... – жалость исчезла совсем. А лицо залилось жаром, и уши буквально запылали.

– И обманываешь! А это последнее дело! – и медленно, в раздумье вышла из комнаты.

К горлу мальчишки подступил комок, а на глазах навернулись огромные слёзы, но это уже были слёзы совести. Он постоял ещё немного в углу, окончательно «простил» маму и направился к ней просить прощения. Мама встретила его, строго сдвинув брови, но глаза её были добрые-предобрые:

– Ну? Что ты надумал?

Мальчонка, еле сдерживая всхлипы, чуть слышно пролепетал:

– Мама... прости меня... я больше так не буду... никогда!

... И он, действительно, сдержал слово, и никогда в жизни больше не кидал на кухне стаканы с водой в потолок!

Татьяна
НИКИТИНА
профессор

Елена
РОГАЛЁВА
доцент
Псковский государственный университет

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ОТ А ДО Я (Три любопытные истории)

У Анюты жил хомяк,
С ним – жена и детки.
Изучил *от А до Я*
Он устройство клетки.
Лапкой дверцу оторвал
И увёл семью в подвал.
Кто пойдёт к Анюте в гости –
Хомякам морковки бросьте!

Арифметику Илья
Изучил *от А до Я*,
Умножает без труда
Двести пять на триста два,
Вычитает без проблем
Из двух тысяч триста семь,
Но делить с сестрёнкой груши
Очень трудно для Илюши.

Заявляет Лиза гордо:
«Я почти что мастер спорта.

Знаю всё *от А до Я*:
Как работает судья,
    Как в кольцо забросить мяч,
    Как сыграть ответный матч».
Жаль, что выбирает Лиза
    Не спортзал, а телевизор.

БЕЛЕНА ОБЪЕЛСЯ **(Это не про тебя)**

Белены объелся тот,
Кто в свои ворота бьёт,
Кто в июле ждёт метели,
Кто берёт в театр гантели,
Кто в бассейн ныряет в шапке,
Кто коту покрасил лапки,
... Кто не хочет стать мудрей –
Не читает словарей.

ДОВЕСТИ ДО БЕЛОГО КАЛЕНИЯ **(Рэп-речитатив пятиклассника Пети; припев читается хором)**

До белого каления меня доводит кот:
Ворует из портфеля мой школьный бутерброд.
Спокойствие!
Только спокойствие!

До белого каления меня доводит брат:
Берёт мои наушники и тащит в детский сад.
Спокойствие!
Только спокойствие!

До белого каления меня довёл щенок:
Погрыз тетрадь с пятёркой, а двойку съесть не мог.
Спокойствие!
Только спокойствие!

ДРОЖАТЬ КАК ОСИНОВЫЙ ЛИСТ **(Песенка храброго зайчика в костюме волка)**

Я волка ужасно боялся, до слёз!
Но я разрешил этот сложный вопрос.

Как только на празднике волком я стал –
Дрожать как осиновый лист перестал!

ЗАВАРИТЬ КАШУ

(Или: «Зенит» опять чемпион)

Заварил я кашу, братцы,
А теперь не разобраться!
Объявление дал в газете:
«Помогаю всем на свете!»
Ну, и что тут началось! –
За три дня пять тысяч просьб:
Ждут хирурги консультаций,
Ждут садовники акаций.
Просят с тиграми помочь –
Подежурить в цирке ночь,
Спеть для внука в день рождения,
Переслать рецепт печенья,
Написать научный труд,
Перекрыть плотиной пруд,
Загрузить программу с диска,
Отвезти на дачу киску,
Съездить в город Волгоград,
Устранить метель и град,
Сбыть разбитое корыто
И помочь забить «Зениту».

.....
Заварил я кашу, братцы,
За сто лет не разобраться!
Телефон я отключу –
Дело мне не по плечу.

КОЛОМЕНСКАЯ ВЕРСТА

(Школьные частушки про Аню и Колю)

Я частушки вам спою
Про акселератов,
Эти дети выше пап
Сразу вместе взятых

Аня хочет быть моделью
Рост – что надо у неё.
Быть *коломенской верстою* –
Это модно, вот и всё!

Стать коломенской верстой
Нужно Кольке быстро,
Ведь Анюта смотрит только
На баскетболистов.

Я частушки вам пропела
Про акселератов,
Эти дети выше пап
Сразу вместе взятых.

КОНЬ НЕ ВАЛЯЛСЯ

(Рэп-речитатив о нерадивой Золушке; припев исполняется хором)

Участь Золушки ясна –
Сделать дома всё сполна.

Конь не валялся,

Конь не валялся.

Розы за ночь посадить,
Рис от гречи отделить.

Конь не валялся,

Конь не валялся.

Выгладить бельё, заштопать,
Против моли обработать.

Конь не валялся,

Конь не валялся.

Вымыть окна и полы,
На обед накрыть столы.

Конь не валялся,

Конь не валялся.

Золушка сидит и ждёт,
Когда крёстная придёт.

Конь не валялся,

Конь не валялся.

Фея вовремя пришла,
Ткань, иглу и нить взяла.

Конь не валялся,

Конь не валялся.

Шьёт, метёт, стирает, гладит,
Моет пол, печёт оладьи.

Конь не валялся,

Конь не валялся.

Переделав все дела,
Фея к зеркалу пошла.

*Конь не валялся,
Конь не валялся.*
Фея платье примеряет,
Улыбаясь, повторяет:
*Конь не валялся,
Конь не валялся.*
Ну и что, каков финал?
Кто отправился на бал?
Сам догадайся,
Сам догадайся.

КОТ НАПЛАКАЛ (И днём и ночью кот-бухгалтер...)

Старый добрый кот Маркиз
Не ловил мышей и крыс.
Занят умственной работой,
Он на фирме вёл подсчёты:
Сколько в миске молока? –
Кот наплакал – два глотка.
Сколько кофе выпил шеф? –
Кот наплакал – меньше всех.
Сколько выпил валерьянки? –
Кот заметил – четверть банки. –
Значит, прибыль с февраля –
Кот наплакал – три рубля.
Это верная примета –
Меньше купят «Китекета»,
Не возьмут на шашлыки –
И мяукай тут с тоски.
Но не плачет кот-«бухгалтер»,
У него стальной характер.
Да и шеф сказал коту –
Есть деньжата на счету.

ПОДКОВАТЬ БЛОХУ (Прыжки с шестом – это не просто)

Подковать блоху легко –
Раз – и прыгнул высоко,
И летишь, летишь, летишь
Выше леса, выше крыш!
И тебе все машут вслед:
«Ну, до будущих побед!»

Неужели это сон?
Просыпайся, чемпион!
И опять – на тренировку,
Обогнав соседа Вовку.
И опять – до поздней ночи.
А другие едут в Сочи.
А другим дают медали.
Ну, а ты опять в спортзале:
Пот, кроссовки, планка, шест -
Год, и два, и три, и шесть
Без обиды и нытья,
И тогда медаль – твоя!
Подковать блоху легко?
Раз – и прыгнул высоко?

РАСХЛЁБЫВАТЬ КАШУ **(Песенка кото-спасателей)**

Надо *кашу расхлебать*?
Вызывайте 005:
Мы – команда МяуЧС:
Сила, мужество, прогресс!

На сосну взобрался кот –
Направляем вертолёт,
Кот забился в дымоход –
Подгоняем вездеход.
Кот застрял в стеклянной банке –
Мы уже спешим на танке.
Кот с моста свалился в речку –
Мы внизу стоим с аптечкой.
Кот закрылся изнутри –
Вскроем дверь на «раз-два-три».
Кот «шурует» в морозилке?
Мы уже несём носилки
Для хозяйюшки кота,
Жизнь которой не проста.

СЕМЬ ПЯТНИЦ НА НЕДЕЛЕ **(Выбираем карнавальный костюм)**

В воскресенье в школе ёлка.
Я пойду в костюме волка.

Или лучше кот с усами?
Мы должны придумать сами.
Нет, пожалуй, лучше кит:
Он значительней на вид.
Кенгуру неплохо тоже
Я же прыгаю похоже!
Хочется ещё жирафом,
Но смешней, наверно, шкафом,
Чёртом, Синей бородой...
Тут сестра сказала: «Стой!»
Про какие-то *семь пятниц*
Рассказал мне старший братец.
Карнавал начнётся в пять,
Я поспешно стал читать,
И решил я к четырём,
Лучше буду Словарём!

ТИПУН ТЕБЕ (ВАМ) НА ЯЗЫК **(Докучная сказка про ворону)**

Шёл я как-то через мост,
Глядь – ворона мокнет.
Взял ворону я за хвост,
Положил её на мост –
Говорю ей: «Сохни! –
Если горло заболит,
Доктор каркать запретит!»
А ворона сразу в крик:
«Ох, *типун Вам на язык!*»

Шёл опять я через мост,
Глядь – ворона сохнет.
Взял ворону я за хвост,
Положил её под мост –
Говорю ей: «Мокни! -
Ванна сразу снимет стресс,
Если сыр лисица съест».
А ворона сразу в крик:
«Ох, *типун Вам на язык!*»

Снова шёл я через мост,
Глядь – ворона мокнет.
Взял ворону я за хвост,
Положил её на мост –

Говорю ей: «Сохни! -
Если горло заболит
Доктор каркать запретит!»
А ворона сразу в крик:
«Ох, *типун Вам на язык!*»
(Возвращайся к началу.)

ЧЁРНАЯ КОШКА ПРОБЕЖАЛА

(Мирилки для друзей, между которыми пробежала черная кошка)

Ты мирись, мирись, мирись,
Чёрной кошке скажем «Брысь!»
Тает ссора как снежок,
Ты прости меня, дружок!

Ты меня прости за это,
И за то меня прости.
Чёрной кошке – две котлеты
И счастливого пути!

Не дерись, не дерись,
Ну-ка, быстро помирись!
Чёрной кошки след простыл.
Я тебя давно простил.

Анна
КУКУШКИНА
ассистент кафедры педагогики НовГУ

* * *

Назовём дочурку Любой,
Купим платице в горох
И весёлых ярких юбок
Для таких, как Люба, крох.

Будут в косах виться ленты
Алые, как снегири.
Будут Любе комплименты
Лишь по делу говорить.

Золотистым днём под осень
Поспешим на огород.
«Как у вас?» – соседи спросят.
А у нас любовь растёт.

* * *

В этом доме пахнет хлебом,
Испечённым поутру.
В этом доме красит небо
Занавески в изумруд.

В этом доме дремлет кошка
Средь гераневых огней
За сияющим окошком
Пляшут стайки снегирей.

Ароматным свежим чаем
Здесь приветствуют всегда.
И усталость, и печали
Исчезают без следа.

В кухне кремовой расцветки
Всё тепло от доброты –
И ажурные салфетки,
И весенние цветы.

С первой линией восхода
Просыпается уют.
И в теплынь, и в непогоду –
Здесь всегда кого-то ждут.

Ничего, пожалуй, кроме
Светлой радости окрест.
Потому что в этом доме,
В этом доме мама есть!

**Ирина
ЕГОРОВА**
учитель русского языка и литературы,
г.Остров Псковской области

НАС ПОЗАБЫВШЕЕ ДЕТСТВО

И когда нам покажется здесь
Слишком тесно и слишком темно,
Потеряем всё то, что в нас есть:
Наши песни и наше кино...
А. Горшенёв (группа «Кукрыниксы»)

Нууу, дорогой граф, это уже плагиат был бы.
А так истории абсолютно аутентичные.
У нас идут дожди и пахнет тополями. (Ямб, чувствуете?)
Как в детстве. Хотя нынешние девочки не знают,
что из одуванчика можно сделать чудную принцессу с кудряшками:
разъединённый на волоконца стебелёк, если его окунуть в воду,
превращается в замечательные золотистые кудри... Представили
себе?
(Из диалогов на кухне)

Всё слабей новогодний дурман...

Всё жалуемся: не те времена, не тот Новый год пошёл! Вот и настроения нет, и ёлка не такая зелёная, и водка не такая бодрящая... Горько при этом вздыхаем и начинаем себя что есть сил

жалеть. Самое лучшее, чем можно утешиться в таком случае – пуститься в воспоминания. И тут нас остановить невозможно!

Вы помните, как волшебно пахли апельсины? И ведь были гораздо оранжее, чем нынешние! Да-да, апельсины ещё нужно было привезти из Ленинграда, в авоське, килограмма два, но лучше, конечно, пять, наестся ими вволю, и стараться не думать о них до следующего Нового года! А ёлки! Вы помните ёлки нашего детства? Высокие, до самого потолка! Чтоб красная звезда макушкой царапала штукатурку. Ветки у наших ёлок были куда пушистее, не то, что у теперешних! Сейчас привезёшь ёлку домой и всё водишь носом, запах ловишь – нет, не тот нынче запах у ёлок, не пахнут они Новым годом, хоть тресни! Аромат свежей хвои и апельсинов – вот счастливый запах зим нашего детства! О запахах моей детской поры я могу написать целую книгу. Но это, как говорится, совсем другая история.

А подарки, которые ты получал в Новый год! Ведь это были совсем другие подарки! Неважно, что это был плюшевый заяц, у которого вскоре мог отколупаться глаз или лапа повисала на одной ниточке. Заяц от этого ничуть не становился хуже, а только приобретал иное назначение – становился объектом не только любви, но и жалости. Я помню маленькую пластмассовую музыкальную шкатулку, которая играла всего одну мелодию (и ту со скрипом). Но заводить её можно было бессчётное количество раз, и она так удобно лежала в левой руке, в то время как правой нужно было вращать маленький рычажок... А теперь, скажите на милость, сильно вы обрадуетесь, если под новогодней ёлкой обнаружите зайца или чудесный резиновый мяч с портретом Чебурашки? А, то-то! Так на кого же мы обижаемся, если стали похожи на героя того анекдота, который советовал не покупать воздушные шарик.

– Почему не покупать, они что, с дефектом?

– Да!

– С каким?

– Не радуют!

Что же произошло? Да, собственно, ничего особенного... Просто мы выросли, поглупели и никак не можем понять, что, не веря до самых мизинчиков в чудеса, ждать чудес бесполезно! Вот и выходит, что жизнь не изменилась – изменились мы. А ёлки, апельсины, подарки и Дед Мороз так же существуют на свете, только совсем, совсем, для других!

И вот с какой-то особой смесью предчувствия радости и сожаления о невозвратимом достаём мы новогоднюю мишуру из заветной корзинки, которую старательно храним с той самой счастливой поры. И нет-нет, а замрёт сладко сердце, и поплывёт по комнатам апельсиново-ёлочный аромат нашего детства...

И наступит декабрь, и по вечерам снова будут зажигаться на бесконечно-высоком небе те же весёлые звёзды, и кто-то проложит след по только что выпавшему снегу. И к кому-то совсем другому придёт пахнущее лесом и морозом нас позабывшее детство.

Нас позабывшее детство

Что видится нам, когда память уносит в те далёкие, невозвратимые времена? Старая школа, на стене которой до сих пор хранится отпечаток твоего пальца, оттиснутый на свежей краске. Кусочек смолы, положенный в карман нового платица (а вдруг не слипнется?). Как замерло сердце, когда почудился вдруг невесть откуда взявшийся посреди нашего двора, пропахшего «Сникерсами» и «Марсами», запах только что облизанного леденцового «карандаша»!

В те неправдоподобно далёкие времена как странно равны были обитатели песочницы! Игры, лопатки, разбитые коленки доставались поровну всем. И никто не думал о том, что с одного футбольного поля с покосившимися воротами без сетки выйдут во взрослую жизнь майор уголовного розыска и местный «авторитет», писательница и удачливый коммерсант.

Упруги и прочны тонкие ниточки, связавшие нас в детстве. И потому готовы побрататься у прилавка музыкального магазина два меломана, до сих пор влюблённые в давно забытую группу «Чили». «Разве могли мы вырасти гадами, слушая такую музыку?» – «Могли, но не выросли». – «А жаль».

Наше бескомпьютерное детство прошло под знаком виниловых дисков. Кто не помнит этот негромкий, по-стариковски дребезжащий голос с заезженной пластинки: «Садись, дружок, я расскажу тебе сказку...»? Добрейший, позабытый ныне Николай Владимирович Литвинов! Когда нам говорят, что мы выросли беспомощны и неудачливы, я думаю о том, что в детстве мы жалели стойкого оловянного солдатика и продрогшую под дождём принцессу на горошине, о которых рассказали нам Вы. Какими вырастут наши дети, сочувствующие железной машине Терминатору (а не Железному Дровосеку, не сумевшему прожить без сердца)? Когда-то мы слушали передачи «Радионяни», и пусть мы не помним орфографических правил, но мы точно знаем, что они есть.

Кто не делал в детстве «секретики»? Вас обошла стороной поэзия детских лет! Поиски осколка стеклышка, разноцветного фантика, хранившего некогда пленительно дорогую конфету (поймёте ли вы нас, покупавших конфеты завернутыми в серую обёрточную бумагу?). Цветок календулы, драгоценный камень с прожилками слюды – какой брильянт сравнится с вами! Зарывая «секрет» в тайном месте под кустом, ты уже предвкушаешь радость его открытия самой близкой подруге. Раскопать песок, расчистить волшебное стекло, открывающее неслыханную красоту... Что там ваша икебана или евроремонт с подвесными потолками!

Дует ветер и уносит вдаль эхо давней поры... А маленькая девочка в синей курточке так же собирает кленовые листья в старой школьной аллее, как когда-то собирала их я... Кто сказал, что раньше деревья были большими? Ясень у подъезда моего родного дома был когда-то маленьким кустиком с голубоватыми тонкими веточками-жилками! А теперь ветер

подбрасывает до самого неба его одинокую осеннюю листву...

На чердаке старой дачи мы нашли ветхий марлевый сачок, такой, каким в детстве ловили томно порхавших разноцветных бабочек. И, хотя никто из нас не стал энтомологом, пальцы до сих пор помнят ощущение шёлковой пыльцы с их хрупких крыльев.

Дует ветер, властвуя не только над пространством, но и над временем. Но мы не чувствуем себя потерянными и одинокими, потому что с нами остаётся запах оттаявшей апрельской земли, шорох почерневших осенних ветвей берёзы и медовой аромат июльских трав – всё то, что хранит уже много-много лет наша не всегда верная нам память. А из потрёпанного томика бунинских рассказов выпадет вдруг тот самый засохший кленовый листок... И, значит, всё это было, было...

КЛАССНЫЙ ЖУРНАЛ

Подосиновик

Росточек маленький, рыжие волосы торчат на макушке, как хвостик у репки, хитрые глазки посажены близко к носу. Пыхтя, написал на доске слово «переход» – буквы, как тараканы, разбежались в разные стороны. Отошёл на два шага, полюбовался. Пририсовал кривую стрелку и спросил:

– Хорошо?

– Очень! – вздохнув, сказала я.

– А когда я был маленький, я думал, что туман очень густой! Прутик взял и раз! Раз! – начал им туман разрезать! А он не режется! Долго вокруг дома бегал, пока мама не позвала.

– А вы знаете, как барсуки зимой спят? Спать-то они спят, конечно! А потом проголодаются – жира-то совсем не осталось! Ой – ой! И идут в специальную норку запасы есть. Наедятся – и опять спать! – и даже взвизгнул от радости – так живо представил себе, как сытый и счастливый барсук спать укладывается.

– А у меня раньше волосы совсем красные были, и бабушка меня подосиновиком звала!

На самом деле зовут его Игорьком. И фамилия Сойма давно превратилась в Соймик. Любит маму, старшего брата и мечтает об охотничьей таксе, наверное, такой же рыжей, весёлой и любознательной.

«Тайнослов», или Как мы выбирали название клуба

Сидят шестиклассники, лбы наморщили, руками щёчки подпёрли – думают. Придумать название литературного клуба – и для всеведущих шестиклассников дело нелёгкое. И тут я наивно предложила: название должно быть звучным, загадочным для непосвящённых и по теме. Например, «Дактиль».

Ехидный Валька тут же срифмовал его с птеродактилем.

Исмаил авторитетно заявил:

– Анапест, между прочим, вызывает неприличные ассоциации, об «Амфибрахий» язык сломаешь.

В словаре откопали антологию, вертеп, терцину и хорейамб. Но отменили за неудобоваримость.

Название же «Абзац», справедливо решило большинство, сделает начало клубной деятельности его концом. «Трубадуры», «Плеоназм» и «Тавтология» были приняты на ура любительницами тайных обществ и отвергнуты всеми остальными. Попытка обратиться к истокам русской письменности тоже ни к чему не привела. Желаясь называться «Кириллицей» ехидно предложили «Мефодьицу», знатоки древнерусской азбуки выдали на выбор: «Буки», «Глагол», «Хер» и «Пси».

– Если не хотите ни с чем рифмовать, назовите клуб «Пакля»! – закричал Антошка Козеряцкий, который не терпел проволочек. – Даже Незнайка знал, что она ни с чем не рифмуется!

Но никто не захотел стать членом литературного клуба «Пакля».

Находка господина Карамзина – буква Ё – была выражением молодёжного УО! «Причастие» оказалось двузначно и грозило перерасти в общество религиозных фанатиков.

В общем, дело застопорилось.

И тогда мы перешли к названиям литературных произведений. «Алые паруса»!

– Похоже на название пионерского лагеря! – завопил Козеряцкий.

«Горе от ума» – пафосно, «Антоновские яблоки» – аппетитно, но непонятно, «Белеет парус одинокий» – красиво, но длинно, «Недоросль» и «Дети подземелья» – негативно и не про нас.

– Дааа, – вздохнула Юлька, – нет в русском языке слова для такого простого дела!

И тут произошло чудо! Так появилось наше название – «Слово», а точнее, «Тайна слов», ибо ничего нет проще и загадочнее родного языка и нет ничего более таинственного, чем магия написанных слов, или литературы!

Восток – дело задорное!

Весёлый, толстый, никогда не унывающий. Наполовину восточный человек, свою любовь к лицам женского пола любого возраста выражает

со всею страстью. За что и получил в классе статус дамского угодника и великого комплиментатора.

Хохочет звонко, заразительно, переходя на визг и стоны.

– Вы знаете, какая у меня бабушка? Это просто чума! У меня термоядерная бабушка! Я всегда ей говорю: у меня всё прекрасно! Потому что если бабуля придёт в школу возмущаться, школа упадёт набок!

– Когда мне было шесть лет, я устроил пожар в туалете! Мне хотелось посмотреть, как горит занавеска, за которой мама хранит краски! А когда огонь вспыхнул, я стал тушить его из баллончика с освежителем воздуха! А что вы хотите, ведь я же был совсем маленьким! Потом вышел из туалета и сказал спокойно: бабуля, мы горим!

Признался, что мама ласково называет его Ися-пупуся, и не возражает, когда я называю его так же.

Очень любит выступать на сцене, откуда его можно только вынести на руках (и то под гром оваций – на другое не согласен). На уроках все тексты читает с мыслимыми и немыслимыми интонациями, ухитряясь изобразить жестами даже паузы. Раздобыл в библиотеке томик стихов и полдня восторженно уверял меня, что он теперь фанат Тютчева!

Пообещал, что непременно станет пластическим хирургом и сделает мне бесплатную пластическую операцию.

Что вы хотите – 6 класс! И вообще: восток – дело задорное!

**Дмитрий
ИВАНОВ**
писатель

КОГДА АНГЕЛ ВЕРНЁТСЯ?

Жил да был в рязанской губернии барин. Звали его Фёдор Лукич Покровский. Барин был образованный, и потому хозяйство вёл грамотно и успешно. А в имении своём, что издавна принадлежало Покровским, порешил он организовать театр. Самый настоящий театр. Со сценой, кулисами, зрителями и актёрами. Актёров он набрал из своих же людей крестьянского звания. Выбрал на свой вкус, кто поталантливее да поязыкастее, и к театральному делу приладил.

Так появился в театре Сенька – паренёк лет двенадцати, худющий, как соломинка, с большими карими глазами, глядящими на весь мир открыто и доверчиво. Приходилось Сеньке быть то принцем, то пажом, то духом лесным. Новые пьесы играли часто, и по случаю их просмотра съезжались в Покровское все соседи Фёдора Лукича, а то и дальние его родственники да приятели. А летом маленький театр покидал усадьбу и отправлялся на знаменитую нижегородскую ярмарку. Там строили большой дощатый балаган, который каждый вечер наполнялся самым разношёрстным народом. Мелкими чиновниками, сапожниками, торговцами с рынка, гимназистами, хозяевами пекарен и парфюмерных лавок, студентами и просто заезжими гуляками, что слонялись по огромной ярмарке в поисках приключений и разных диковин.

Вот этого-то путешествия Сенька ждал с нетерпением. Ради него он готов был репетировать и день и ночь, играть спектакль за спектаклем, заучивать наизусть длинные монологи и разные танцы. Хотя на самом-то деле роли у Сеньки были куда проще. Всего-то выйти и два-три слова сказать. И только одна роль вселяла в маленькое Сенькино сердце настоящую гордость. Это была роль ангела. Из-за своей худобы и

огромных глаз мальчуган очень был похож на настоящего ангела, как его изображали в книжках, а маленький его вес позволял, привязав к костюму совсем тоненькие, незаметные из зала верёвочки, поднять Сеньку в воздух. И так, вися в воздухе, ангел-Сенька должен был передать страдающей принцессе послание от её любимого принца и бросить к её ногам большую картонную розу, символизирующую пламенную любовь до гробовой доски. Всё послание Сенька выучил наизусть и на каждом спектакле говорил его с чувством, так, что пышные и надушенные дамы в зале начинали украдкой смахивать набежавшую слезу.

Верёвки, на которых висел Сенька, держали двое. Барский конюх Егорка, конопатый парень лет двадцати, и дед Кузьма, истопник, плотник и на все руки мастер. Вот с тем самым дедом Кузьмой и сдружился Сенька почти с самого первого своего дня театральной жизни. Помимо разного рода работы старик знал бесчисленное множество разных песен, потешек, баек, сказок, прибауток и присказок. Грустных и весёлых, шутливых и поучительных. Бывало под вечер сядут они с дедом на лавочку, любят на небо, на реку, на покосы, на дорогу, что жёлтой ниткой вьётся вдалеке, и вот дед как зачнёт:

– Ой, тук-тук-тук,
Ехал с ярманки мужик!
На кобылке налегке,
Вёз котейка в узелке.
Тот котейка на печи,
В ней горячи калачи,
Печка топится в дому,
Вся-то улица в дыму.
А эта улица идёт
До царёвых до ворот...

Сенька слушал и представлял мужика, который в свой узелок смог засунуть всю Москву. И становилось ему легко и весело. Даже смешно. А отсмеявшись, он спрашивал:

- Деда Кузьма, а Москва большой город?
- Большой. А тебе на што?
- А она больше Нижнего?
- Больше.
- А почему мы тогда в Москву не едем?

Наивный и простой Сенькин вопрос рассмешил старика и, потрепав мальчугана по светлым, как пшеничное поле, волосам, он заметил:

– Ну, ты загнул, парень! В Москву! Там такие театры, знаешь... одни господа ходят!

– Ух, ты! А ты откуда знаешь? – Удивился Сенька.

– Да барин рассказывал! – важно ответил дед и поднял вверх длинный кривой указательный палец со сколотым ногтем.

– Ааа.. – понимающе протянул Сенька. – А Нижний, он какой? Знаешь?

– Знаю. – Так же важно отвечал дед. – Бывал.

И который уже раз подряд рассказывал он мальчугану про большой город, про Волгу, что разлилась будто море, и про ярмарку, что собирается там каждый год, и съезжается туда столько народа, сколько он, Сенька, за всю жизнь ещё не видел.

А через несколько дней и Сенька, и дед Кузьма, и все актёры погрузились на подводы и поехали на пристань. А там сели на пароход и по Оке прямо в Волгу. А мимо проплывали другие пароходы, большие белые и маленькие, невзрачные на вид, но тянувшие с собой большие баржи с грузом. А по берегам мелькали незнакомые деревни, и совсем незнакомые мальчишки стояли с удочками по берегу реки или просто бежали воробыиной стайкой в след Сенькиному пароходу и что-то кричали и махали руками. А он, Сенька, плыл дальше, пытаясь себе представить тот самый загадочный Нижний Новгород с его знаменитой ярмаркой.

Пароход, тяжело ворочая колёсами, плыл по Оке, иногда причаливая к маленьким пристаням, чтобы забрать или высадить кого-то, и затем, распрощавшись с берегом протяжным и громким гудком, торопился дальше, подставляя яркому летнему солнцу свои белые борта. На третий день пути маленькие домики, что в изобилии встречались прежде, стали заметно расти, увеличиваясь не только в размерах, но и в количестве. Людей тоже стало больше. Лапти и холщёвые рубахи навыпуск сменили сапоги и строгие косоворотки, подпоясанные ремешками. Стали появляться и господа, вальяжно прогуливающиеся в тени деревьев вдоль берега, и большие кирпичные трубы показались вдали, и дымили, дымили, будто именно из них, из труб этих, рождались все грозовые тучи, что есть в мире. И вот, наконец, до Сеньки донеслось то самое заветное слово – «Нижний»!

Большой белый пароход прошёл под мостом, свернул в затон, потом развернулся и медленно, боком стал подходить к причалу, на котором было написано большими крупными буквами «Петербургская пристань».

Не успел Сенька, с остальными артистами, сойти на берег, как шум, запахи, суета и толкотня большого города закружили, захватили его в свой неистовый водоворот и, заставив его огромные глаза ещё больше раскрыться от восхищения, сделали его частью этого удивительного, незнакомого и манящего мира.

Коробка театра была уже готова. Заранее посланные Фёдором Лукичом мужики подготовили всё, что нужно. Привезённые на подводах с корабля сундуки и коробки с костюмами раскладывались в порядке надобности, и в один момент пустовавшее доселе здание наполнилось жизнью. Началась подготовка к спектаклю.

А большая ярмарка манила к себе Сеньку пёстрой суетой, музыкой, шумом, выкриками торговцев, весельем таким, какое не бывало в его Покровском даже на самые пышные праздники. Ой и прав был дед Кузьма, говоря, что столько народа Сенька не видал ещё за всю свою жизнь.

Выйдя на улицу, мальчуган сделал всего пару шагов от здания

театра, просто так, чтобы хоть глазком посмотреть на это разноцветное великолепие, хоть на мгновение почувствовать себя частью этой суматошной и яркой городской жизни. Сенька сделал шаг, потом ещё и ещё. От лотка к прилавку, от прилавка к лотку.... Ботинки, рубахи, печатные пряники, гуси, куры и столярный инструмент... Всё тут было, и всё привлекало Сенькино внимание. С Палаточной улицы он попал на Ярославскую, с Ярославской на Макарьевскую. Так дойдя почти до самой Главной площади Сенька понял, что заблудился. То тут, то там попадались совсем незнакомые люди, улицы и лотки тоже казались совсем незнакомыми. Побродив немного, Сенька присел возле телеги, гружённой какими-то мешками, и принялся решать, что же делать дальше.

Но внезапно мысли его были прерваны. Плакала какая-то девочка. Совсем рядом. Вот так просто, стояла и плакала. И по её острому носику, и по щекам катились огромные жемчужины слезинок. Большие и крупные, словно показывающие размеры своей обиды.

– Ты чего ревёшь? – Спросил Сенька, дёрнув за рукав девочку, и при взгляде на нее чуть наклонил голову набок.

– Полтин, – кротко и тихо ответила девочка и, всхлипнув, снова принялась рыдать.

– Что «полтина»? – не понял Сенька.

– Пропала, – уже не прекращая рыданий, ответила девочка.

– Украла что ли? – сочувственно переспросил Сенька.

– Угу-угу-не-не знаю... – сквозь рыдания отвечала новая Сенькина знакомая. – Вот тут был.

Девочка показала на маленький карманчик на пёстрой кофточке, и по её оттопыривающейся губе Сенька понял, что нового потока слёз не избежать.

– Да стой ты, – осадил он её, – рассказывай по порядку!

– Кухарка дала полтину, велела рыбы купить, масла и сахарную голову. Я сюда положила, а теперь его не-не-нееетууу – и новая порция слёз потекла по щекам девочки.

Прохожие останавливались, смотрели на детей, иногда качали головами, и шли по своим делам дальше. Яркое солнце припекало всё сильнее, и Сенька уже начал уже забывать о своей неприятности.

– Как звать-то тебя? – Спросил он девочку.

– Настасья, – вытерев слезы, ответила та и даже чуть приосанилась, и придавала голосу нотки важности. Но непослушная нижняя губа снова поползла вперёд, предвещая новую порцию девчоночьих слёз.

– Тихо ты! Настасья... – Передразнил Сенька, изображая все нюансы и оттенки её голоса. – Рёва-корова, купила обнову. Нову одела и ту проревела. – Закончил он задорной дразнилкой, которою часто слышал сам от деда Кузьмы в подобных случаях.

– Почему проревела? – улыбнулась Настасья, и слёзы на её щеках высохли.

– Плакала много. – С напускной важностью ответил Сенька.

– А что делать-то?.. – Вздохнула девочка. – Может, у неё тоже беда случилась.

– Беда когда ни туда ни сюда, а коли сюды да туды так и нету беды, – ответил прибауткой Сенька, и Настасья снова улыбнулась да прыснула в кулачок, совсем уж весело. – Смешной ты! – затем снова стала серьёзной. – А как зовут и не сказал.

– Сенька я, – ответил Сенька. – Приехал из Покровского, с театром.

– Ой. Ты артист! – удивилась Настасья и окинула Сеньку взглядом с ног до головы.

– А что, не похож? – улыбнулся тот, приняв гордый вид.

– Да не очень. Артист и в лаптях! – рассмеялась девочка.

– А у нас все такие, – выкрутился Сенька.

– Какие такие? – подколола его девочка.

– А такие, – Сенька насупился.

– Какие? – не отставала Настасья.

И тут внезапно в голове у Сеньки промелькнула замечательная мысль. Он распрямил плечи, раскинул в стороны руки, вскинул подбородок и гордо и громко воскликнул:

– А вот такие! – И тут же бросился в пляс, сам себе прихлопывая в ладоши и под свои же прибаутки.

– Эх, народ-то, эх, честной,
Ну-ка рядышком постой!
Начинаю перепляс.
Чтоб потешить вволю вас!

Оп-оп, говори,
Две деньги не то что три.
Их и легче носить,
И в трактире не пропить.

А посмотрите я каков,
С головы до пяток.
Не видать от тумачков
На штанах заплаток!

Большой круг зрителей обступил Сеньку плотным кольцом, а тот, отбивая такт ладошами по коленкам и лихо пританцовывая, продолжал:

– Ой, поверьте, я видал,
В небесах медведь летал,
Не совру, ей-богу,
Свил он там берлогу.

Собравшийся вокруг Сеньки народ так и покатывался со смеху, над каждой его новой присказкой или частушкой. А Сенька, сам раззадоренный, уже входил в раж и сыпал новыми прибаутками:

– Эх-эх, ох-ох!
У попа петух издох.
Об Великом об посту,
Да на калиновом мосту.

Раз Тарасы стали драться,
Расстарались, растряслись.
Три Тараса потерялись,
Остальные разошлись.

Казалось, вокруг Сеньки собралось пол-ярмарки народа. Кто хлопал в ладоши, в такт Сенькиным замысловатым коленцам, кто смеялся, подзадоривая мальчугана, а кто уже и сам пустился в пляс, под лихие и забористые частушки паренька.

– Эх, тёща моя,
Пригласи на праздник!
Для тебя есть у меня
Много безобразий.

Кумà кúма полюбила
Да кумысом напоила.
Испугался куманёк,
К попадье скорей побёг.

И тут Сенька снял свою шапку, стукнул ею о землю, вывернул наизнанку и побежал с шапкой по кругу, припевая:

– Сыпьте денежку сюда,
И минует вас беда,
А мы когда в трактир пойдём,
Вас добрым словом помянём.

Киньте сюда денежку,
А мы купим хлебушку.
Кинь-ка денежку просту
Да чтоб веселье на версту.

И тут в Сенькиной шапке зазвякали медяки. Кто копейку, а кто и пятак, бросали весёлые зрители, продолжая смеяться, вспоминая задорное пение артиста. Трель полицейского свистка вторглась в созданный Сенькой мир резко и неожиданно, смяв, истрепав его, но так и не сумев разрушить в одночасье. Раззадоренная весёлыми песнями толпа всё ещё стояла, создавая затор на пути продвижения белых кителей к возмутительно спокойствия, а Сенька, схватив новую свою подружку за руку, пустился со всех ног сквозь расступившуюся перед ним массу народа куда глаза глядят. Только пробежав две или три улицы, дети остановились, чтобы

отдышаться.

– Считай, сколько там? – сказал Сенька, протягивая своей спутнице шапку с тяжелыми медяками.

– Ой, ты чего? Мне? – Изумилась девочка.

– А то кому ж! – Кивнул Сенька. – На, считай, я не умею. – Сконфузился он, потом шмыгнул носом и, чтоб как-то оправдаться, добавил, – читать-то дед Кузьма учил, а вот счёту, недосуг...

– Один, два, пять... – начала считать Настасья, осторожно перекладывая подаренные Сенькой медяки. – Всего полтина с гривной. – Заключила она, закончив счёт.

– Ну, то-то. – Улыбнулся Сенька. – Беги, а то тебе выволочка будет. Уж, поди, хватились тебя.

– Да погоди, тут много же! – Смущённо сказала Настасья, протягивая Сеньке гривенник.

– Ну, ладно тебе. – Строго сказал он, пряча гривенник за отворот шапки. – Постой, а ты же местная?

– Да местная! – Кивнула девочка.

– И рынок знаешь?

– Знаю, – ответила Настасья, чуть важничая.

– Слушай, мне тут к театру пробраться надо, ну, возле порта который... – Сенька сконфуженно замолчал.

– Ты заблудился что ли? – задорно сверкнув глазенками, спросила Настасья.

– Ну... вроде... – Кивнул Сенька.

– Понятно, пойдём. – Уже по-деловому скомандовала девочка и уверенно зашагала мимо лотков, лавок, лоточков и лавочек. – Вот он, твой театр. – Сказала она, протягивая руку в направлении знакомой Сеньке постройки.

– Спасибо! – Крикнул Сенька и уже хотел бежать, но что-то держало его. То ли вдруг пробежавшая тень печали в глазах Настасьи, то ли эта печаль шевельнулась и в его мальчишеском сердце. – Ты, вот что... ты приходи вечером на спектакль. – Сказал он, чуть покраснев. – Я там буду.

– Правда?! – Воскликнула девочка, и Сеньке показалось, что маленькая тень печали из её глаз пропала, а вместо неё появилась искорка радости.

– Правда! – Кивнул он. – Вот держи на билет. Он как раз гривенник стоит. – И Сенька вынул из-за отворота шапки свой гривенник.

– Спасибо! Я обязательно приду! – Улыбнулась девочка. – До вечера!

А вечером Сенька так старательно изображал ангела, так чувственно передавал принцессе слова влюблённого в неё принца, что томные дамы в зале как по команде достали свои платочки, чтобы приложить их к глазам. И вдалеке, на одной из последних скамеечек увидел он Настасью, восхищённо глядящую на него широко открытыми глазами.

На следующий день Настасья нашла Сеньку возле театра.

– Вот, возьми, – сказала она, протягивая мальчугану небольшой узелок, – это я для тебя...

В узелке были румяные, ещё тёплые пирожки.

– Хочешь, я покажу тебе Волгу? – спросила она, протягивая Сеньке руку.

– Хочу! – Ответил он. – Только деду Кузьме узелок отдам!

И вскоре Сенька и Настасья, стоя на высоком утёсе, любовались широкой рекой, что питала своими водами половину России, и по этим водам торговый люд возил свои товары аж за семь морей в самые разные страны.

И так всё лето приходили они сюда и глядели, как идут по Волге туда и сюда пароходы, как рыбаки привозят свой улов, чтобы продать на ярмарке. И Сенька слушал удивительные истории о Степане Разине, о волжских пиратах, что закопали здесь множество кладов.

А когда ярмарка закрылась, и Сенькин пароход отходил от пристани, то с высокого утёса, нависшего над самой Волгой, махала ему в след маленькая девичья фигурка. Махала с надеждой, что когда-нибудь белокурый мальчуган с огромными глазами снова вернётся.

**Надежда
МЕЛЬНИКОВА**
студентка филологического факультета НовГУ

БРАТИКУ

Ты по-другому улыбаться не умеешь,
Смущённо в сторону чуть отведёшь глаза,
На щёчках ямочки... такой смешной, не веришь?
Вот так однажды не согласишься в чудеса.

Сейчас ты мал. Но время быстротечно.
Однажды скажешь мне: «Уйди! Я сам!»
Как жаль, что детство не бывает вечным,
И жизнь забросит нас по разным адресам.

Я лишь хочу всегда твой звонкий слышать голос,
Подуть на ранку и к себе прижать.
Неважно, сколько в жизни будет полос,
Ты знай, малыш, тебя всегда я буду ждать.

**Мария
САВЕЛЬЕВА**
студентка филологического факультета НовГУ

* * *

Что за создание тёплое кошка?
Шерсти комок с глазами зелёными.
Дрогнет хвостом пушистым немножко,
Лапу потянет длинно-холёную.
Утром проснувшись, рано-прерано,

Дом обойдёт неслышною поступью.
Будто бы кошка сошла с экрана
Душу промокшую лечить этой осенью.

И подойдя к кровати застенчиво,
Плед отодвинув старый, с зацепками,
С пола взлетит и очень настойчиво
В душу залезет лапами цепкими.

Потопчет немного лапами мягкими,
Свернётся клубочком пушистое тело.
Напомнит, мурлыкнув, про утро зябкое
И то, что кушать она захотела.

Придётся вставать, кормить мою милую,
И на учёбу опять собираться...
И ей говорить, что не забыла я,
Как ей тоскливо одной оставаться.

А вечером бухнет дверь входная,
Она прибежит, слетев с окошка.
Взяв на руки, я спрошу: «Родная,
Что за день ты видела, тёплая кошка?»

**Владимир
СИДОРЕНКОВ**
профессор кафедры русского языка НовГУ

ШКОЛЬНАЯ ТЕМА

Педпрактика, педпрактика...
«Стратегия» и «тактика».
Конспект...

конспект...

конспект...

То мыслей акробатика,
То чёрная схоластика.
И середины нет.
А эти «вундершкольники»
Сказали бы хоть что-нибудь...
Который раз в ответ ни бе ни ме.
Внутри сосёт: «И что это?
А, может, непристойности – «одне» – на их уме?..
Как уследить за лицами?
Дай бог, не подавиться бы
Одной из орфограмм...»
Обвешанной таблицами...
Вот мне освободиться бы –
Тогда бы я вам дал...
Чего учитель морщится?
Наверное, не очень-то
Усвоил сам, что я здесь объяснил.
Где, сударь, Ваше творчество?
Как нестерпимо хочется
Домой...
Сбежать от них.
Что верно? Что неправильно?
Верчусь, как зверь затравленный,
Стараясь необъятное объять...
Шипят: «Школяр отъявленный)»
Иль в этом роде как-нибудь...
Поставят,
чую,
«ПЯТЬ».

Гарри БЕРСОН
профессор кафедры растениеводства НовГУ

Отрывок из поэмы «Шестнадцатая», посвящённой моей наставнице, известной исследовательнице Крайнего Севера, Фаине Фёдоровне Тульженковой (1902 – 1988)

ПРО МЫШЕЙ И ПРО УЖЕЙ

(подлинная история, произошедшая в заполярном Норильске)

«Тише, тише...Кот на крыше!», -
В детской байке пели мыши...
Наяву ж они молчат,
Иногда слегка шалят:
В комнатухе у Фаины
Забирались в мокасины,
Ночью не давали спать,
Сушки стали обгрызать...
Не пугаясь мышеловки,
Сыр с неё срывали ловко;
Даже в серенькие дни
Были белыми они.
Интересен и сценарий:
Здесь когда-то был виварий,
Но служебный прочный дом
Переделали потом.
Мышки тотчас разбежались,
Но плодиться здесь остались,
А «Полярный» институт*
Общежитье сделал тут.
Фая думала, что кошка
Распугает их немножко,

Но пришедший в гости кот
Сделал всё наоборот...
Увидав под носом мышку,
Безразлично, даже слишком,
Стал отчаянно зевать,
А потом улёгся спать!
Как– то раз один коллега
Для развития успеха
В ликвидации мышей
Фая предложил ужей.
Он провёз их в самолёте:
Да, за пазухой в полёте,
На свободу не спеша,
С ним дремали два ужа.
Фая думала недолго.
Может быть немного толка
Смогут эти змеи дать?
И одну решилась взять.
Посадив ужонка в банку,
Рано утром, спозаранку,
В институт пришлось пойти,
Чтоб террариум найти.
У Фаины жил волчонок
Любопытный, как ребёнок.
Он ту банку уронил
И ужа освободил...
Уж заполз тотчас же в дырку,
Вмиг всем телом в живопырку
Без труда и мук пролез
И в подполье том исчез.
Фая дом весь обежала
И коллег предупреждала,
Что уполз любимый змей,
Безопасный для людей.
Его надо не бояться,
Дружелюбно с ним общаться,
Он прекрасно всё поймёт
И от мышек дом спасёт!
Две недели пролетело,
Жаль, Фаина не сумела
Невидимку разыскать...
Но не стала горевать...

Вдруг повестку ей вручили...
Что же это может быть?

В ней учёной предложили
Вмиг в милицию прибыть.
Кабинет был в сизой дымке,
Словно суетный вокзал,
А на стуле посрединке
Бездыханный уж лежал.
Фая всё предугадала,
Ведь позвали же не зря!
«Не от Вас ли убежала
Эта мерзкая змея?
Как опасна, ядовита?
У неё смертельный яд?
И насколько плодовита?
Чем питается сей гад?»
Отвечала правомочно:
«Это безобидный уж,
Не гадюка – это точно!
Уж на гадости не дюж!
И в природной обстановке
Эта разница видна:
У ужонка на головке
Два оранжевых пятна».
Рассмеялись благодушно
И решили рассказать,
Как воистину бездушно
Удалось змею «убрать»:
«Уж, по-видимому, вскоре
Переполз в соседний дом,
Во вместительном подполье
Жил тихонько, словно гном...
Но однажды, на несчастье,
Уж немножечко замёрз
И на кухню в одночасье
Безошибочно заполз.
Из ведра воды напился,
А потом, к своей беде,
На кастрюле примостился,
Что стояла на плите.
А когда она нагрелась,
Стала змея припекать,
Спать, конечно, расхотелось,
И пришлось на пол сползать.
Крышка тут же загремела
Звук хозяина позвал,
Он пришёл туда для дела,

Но... «гадюку» повстречал.
И, накинув полотенце,
Топором змею он бил,
Небольшое её сердце
Навсегда остановил.
Ну, а тело убиённой
Он в милицию отнёс,
Чтобы та определённой
Прояснила сей вопрос»...
В тот же вечер до Фаины
Долетел досужий слух:
«Под полом одной квартиры
Обнаружили гадюк!
И поймали диверсанта—
Он плодил змеиный род,
Чтобы твари элегантно
Умерщвляли наш народ!
Тот шпион был больно прыток —
Спрятать яд в зубах сумел,
Но, страшась тюремных пыток,
От инфаркта околел!»
Чтобы слухи не гуляли
Среди взрослых и детей,
По ТВ нам показали
Передачу про ужей.
Этот случай ненароком,
Встрепенув весь городок,
Для Фаины стать уроком
Неожиданно помог:
Ни животных, ни рептилий
Лучше дома не держать!
Без особенных усилий
Они могут убежать...
Ну, а муха превратиться
Может в грозного слона...
От вранья не откреститься
Ни в какие времена!

P.S: А ужей «зайцем» в Норильск провёз автор этого повествования.

*Полярный институт – НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера в г. Норильске Красноярского края.

**Юрий
ДОМАНСКИЙ**
профессор Российского государственного гуманитарного университета
Москва-Тверь

ПУГОВИЦА

Быль

Это произошло несколько лет тому назад. Признаться, тогда не было желания рассказывать о случившемся; более того, хотелось сохранить всё если не в тайне, то по крайней мере в секрете. Почему – не знаю. Мы часто сами себе не можем объяснить наших намерений. Точно так же и сейчас не могу назвать причины, подвигшие меня всё же поведать о том, что тогда случилось. Между тем, такие причины, я уверен, есть, ибо ничего в нашем мире не случается беспричинно, всякое явление непременно будет следствием явления другого. Только вот видеть эти причины, понимать их, осознавать дано не всегда и дано не всякому. Мне в данном случае не дано; да я и не жалею, смиряясь, как обычно люди и смиряются, с неперменной данностью – со всем происходящим во мне и в мире вокруг меня. Опыт же жизни моей показывает, что если хочется что-то сделать или даже рассказать о чём-то, то лучше сделать и рассказать, чем похоронить желание в себе. Лучше сделать и потом пожалеть, чем не сделать и потом жалеть. Так что если я и пожалею о том, что всё рассказал, то уж точно не буду жалеть о том, что сохранил всё в тайне.

В тот год мне предложили возглавить женскую сборную Чехии по кёрлингу. Предложение пришло от моего давнего пражского приятеля, знавшего меня как профессионального и требовательного спортивного педагога. И пусть кёрлинг был для меня на тот момент делом совсем новым, согласился я почти не раздумывая. Вообще-то не люблю уезжать из дома больше чем на неделю, быстро начинаю скучать по Твери и стремлюсь всеми силами вернуться. Но тут был особый случай: во-первых, просил очень хороший и отнюдь не чужой мне человек; во-вторых, хотелось не просто побывать, а именно пожить в Праге; в-третьих, сама

возможность тренировать и тренироваться на настоящих дорожках для кёрлинга и настоящими камнями... Теперь мне кажется, что это последнее перевесило всё прочее, ведь тогда занятия кёрлингом были для меня чуть ли не главным смыслом всей жизни; только вот в Твери реализовать этот смысл было более чем проблематично, приходилось ездить тренироваться в Москву. И тут – такой шанс.

Годовой контракт был в моём кармане (в прямом смысле), когда я вылетал из России. Прага спортивная стремительно увлекла меня, и я целиком погрузился в тренировки, сборы, соревнования. Пражский клуб кёрлинга «Мария» стал мне самым настоящим домом, а гимн всех славянских кёрлингеров и кёрлингеровок «Ёжин с бажин» и сейчас остаётся самой моей любимой песней – как только где-то слышу её, сразу же переполняет меня поистине олимпийская гордость за все те успехи чешской женской сборной по кёрлингу, достигнутые в то время, когда я ею руководил. Хотя вы, полагаю, и так наслышаны о тех блистательных победах. Гремели тогда мои чешки камнями об лёд по всему миру! И куда теперь ушли те времена?

Впрочем, сейчас мой рассказ не совсем о кёрлинге. Хотя, конечно, всё равно о кёрлинге, потому что кроме кёрлинга в мире нет ничего интересного, не так ли? А началось всё с одного камня (думаю, не надо объяснять, что такое камень для кёрлинга), одного из многих среди доставленных тогда на первую тренировку команды под моим руководством, доставленных из специального хранилища клуба чешского кёрлинга «Мария». Я сразу заметил отличие этого камня от его собратьев – на ручке его примостилась пуговица. Сначала я даже решил, что это чья-то шутка, и попытался оторвать не очень уместное на серьёзном спортивном снаряде украшение, делающее кёрлинговый камень похожим на сотовый телефон девочки-подростка. Но не тут-то было – пуговка настолько прижилась на ручке камня, что легче было оторвать от камня ручку, чем от ручки пуговицу. Поначалу я ещё довольно скверно говорил по-чешски, всё время сбиваясь на польский, однако полагаю, что начальник команды Иржи понял мой полный укоризны вопрос, заключающийся в указании рукой на камень с пуговицей. По выражению лица моего собеседника я сразу сообразил, что начальник команды не только понял меня, но и знает ответ на мой вопрос. Только выкладывать этот ответ Иржи не спешил – он стал мяться, стесняться, как-то теряться что ли. Тогда я ещё подумал, что, возможно, этот человек всегда ведёт себя так сугубо по интровертному характеру своему. Потом, узнав, Иржи ближе, убедился в том, что тогдашнее его поведение на той первой тренировке было для этого весёлого, жизнерадостного и просто не скрывающего своё счастье человека январской грозой или июльским снегопадом. Но тогда он пролепетал что-то невнятное и отставил камень с пуговицей в сторону, давая тем самым понять, что всё равно с этим камнем никто нынче тренироваться не будет. Я же решил не допытываться дальше, раз мой собеседник и, кстати сказать, подчинённый не желает по каким-то

причинам отвечать на мой закономерный вопрос и даже не желает отказываться отвечать, а уходит от ответа как съевший не одну собаку на поприще юриспруденции адвокат в зале суда или как младший школьник, не имеющий сил признаться в том, что это он разбил стекло, но при этом понимающий, что его всё равно накажут, потому что все и без его признания знают, кто это стекло разбил. Не стал я уподобляться моему школьному учителю труда, который не отставал от ученика со своим дурацким вопросом – почему прогулял уроки? – пока не добивался хотя бы относительно правдоподобного ответа (проспал, заленился, хотелось сходить в кино). Но после тренировки я решил рассмотреть пуговицу на ручке камня внимательнее.

Обычная чёрная пуговица; покрашенное олово. Прицеплена, как я и до этого убедился, весьма крепко. Теперь даже казалось, что пуговица эта вросла в ручку камня, а не просто прижилась здесь. Уже было собрался я пристроить камень этот в общий ящик для отправки в хранилище клуба «Мария», как вдруг пальцы мои словно сами, без воли моей смогли нащупать на пуговице, на её грани какую-то рисочку. Ноготь большого пальца правой моей руки, повинаясь ему одному известному желанию, неловко так щёлкнул по рисочке. И тут поверхность пуговицы повела себя так, как обыкновенно ведёт себя крышка музыкальной шкатулки, если случается кому-то нажать нужную кнопку. Что это? Я не мог скрыть изумления: внутри той пуговицы была ещё одна, только не выкрашенная в чёрное оловяшка, а в полной мере произведение искусства, достойное расположиться на камзоле короля большой (непременно большой!) европейской страны. Пуговица эта была сделана из золота, а по её поверхности были рассыпаны самые настоящие бриллианты. Скептики могут возразить мне: дескать, как это я сразу отличил золото от жёлтого металла похожего на золото, а бриллианты – от стекляшек, лишь чем-то бриллианты напоминающие? Но это будут те скептики, которые плохо знают меня. Во всяком случае, не знают того факта, что в детстве я посещал при областном Дворце пионеров кружок «Юный ювелир». А то, что было в детстве, даром, как известно, не проходит. Передо мной на этот раз были именно золото и именно бриллианты. Под маской овцы скрывался лев. Ничего себе – оловяшка! История с пуговицей принимала несколько странный оборот. И первое, что пришло мне на ум (грешен в своей подозрительности, но, как говорится, учителя хорошие были) и стало какой-то навязчивой идеей даже, это то, что то ли мои чешки, то ли кто из обслуживающего персонала пражского клуба кёрлинга «Мария», а скорее всего, этот мутноватый Иржи с сообщниками занимаются контрабандой драгоценностей, перевозят их под прикрытием спортивного инвентаря... Если бы тогда я помыслил хоть немного рационально, то, верно, смекнул бы, что серьёзные контрабандисты упрятали бы золотую с бриллиантами пуговицу куда-нибудь хотя бы под ручку камня, а то и ещё подальше, но уж никак бы не делали из неё такую деталь, которую даже самый непредвзятый человек не заметит в силу того, что здесь

этой детали явно не место.

Я аккуратно приспособил оловянный покров туда, где он был прежде, вложил камень с пуговицей на ручке в ящик и отправил вместе с прочим инвентарём на склад «Марии», решив дальше просто наблюдать внимательней за этим камнем и конкретно за Иржи. Только на утро я понял то, что должен был вообще-то учесть в первую голову: неужто никто кроме меня не заметил эту пуговицу? неужели подозрения по её поводу возникли только у меня? правда что ли, что никто до меня не удосужился щёлкнуть ногтем большого пальца правой руки по рисочке на грани чёрной оловяшки? Или эти чехи с чешками столь не наблюдательны? Они все в курсе! Подобно персонажу известного фильма, заключённого под стражу за ограбление собственного его банка, мне хотелось воскликнуть: «Они в сговоре! Арестуйте их всех!» А что – неплохая тема криминального репортажа: главный тренер национальной сборной по кёрлингу обвиняет всю свою команду в контрабанде драгоценностей. Едва приступил к работе, а уже в клуб явилась полиция – не очень годится. Вести расследование самому? Тоже мне – мисс Марпл в удобных тренировочных штанах. Но что делать-то? А если просто разобраться? Только вот как?

И всё-таки как же непредсказуема человеческая мысль. Только к середине того дня – дня, полного с моей стороны самых чёрных и, как мне тогда казалось, оправданных подозрений относительно всех, кто в тот день был в клубе «Мария» на моей тренировке и даже просто заходил по каким-либо делам в клуб, – только к середине того дня моя мысль выбрала правильный путь. Ведь здесь в Праге живёт Павел – тот самый мой приятель, благодаря которому я и нахожусь сейчас в этом городе и в этом клубе. Краем глаза взглянул я на тот самый камень – он опять стоял в том же углу, что и намерен, – взглянул на пуговицу, на эту чёрную оловяшку... Нынче же к Павлу!

Какой великолепный вид с мансарды дома моего пражского приятеля! Весь старый город словно на ладони. Годы пройдут, иные места, иные города и виды пройдут передо мною, но ничто и никогда не заставит меня забыть вечернюю Прагу, лениво раскинувшуюся где-то внизу среди мелькания огоньков и под невидимым покровом прозрачного воздуха. Как же всё-таки Влтава в Праге похожа на Волгу в моей родной Твери! Хотелось домой и хотелось остаться здесь навсегда. Но всё же больше – домой. Летним вечером вернуться в свой двор, как когда-то в детстве по приезде из деревни. Входишь в квартиру, а она и пахнет совсем не так как всегда – она пахнет не жильцами, а собой, потому что пока нас не было, она жила тут одна. И теперь молчаливо принимает гостей, которые по наивности думают, что они здесь хозяева. А потом вечером стоять на балконе и слушать этот ни с чем не сравнимый гомон летнего двора детства. И мечтать о том, каким светлым будет грядущее. В детстве ведь всё было в будущем. Теперь всё в прошлом. Почему же никогда ничего не было и не будет в настоящем?

Мы с Павлом стояли у открытого окна мансарды, закат последними лучами своими ещё ласкал эти коричные крыши и эту лиловую воду, но огоньки уже брали власть в городе в свои руки. Думали, наверное, что навсегда; не подозревали даже, что утром придёт рассвет лучами своими ласкать коричные крыши и лиловую воду, а они, огоньки канут в Лету – до самого вечера. Павел выслушал меня и закурил. С минуту стояли молча. Почему-то вот такие минуты молчания запоминаются иногда больше чем долгие разговоры. Это как пауза в драме, пауза, на которую порою приходится куда как большая смысловая нагрузка, чем на реплики. И память оставляет почему-то совсем не слова, а то, что больше слов. Но что в мире больше слов? Павел курил, мы оба смотрели на растворяющийся в сумерках древний город. Позади была вечность, впереди, хотелось верить, – тоже. Наконец Павел заговорил, лишь очень небольшой акцент мог выдать в нём не носителя русского языка:

– Я знаю, о чём речь. Ты только не волнуйся – никакого криминала.

Мы вместе улыбнулись. Я улыбнулся в ознаменование прощания со всем тем, что передумал за эти сутки, а Павел, как я полагаю, своей улыбкой немного иронизировал над моей подозрительностью. Но если не криминал, то что же?

– Про эту пуговицу я знаю. Да. – продолжал Павел, выбрасывая окурок в глухую ночь чешской столицы (хорошо экологически воспитанный гражданин Евросоюза: мало того, что курит, так ещё и мусорит в историческом центре). – Чтобы ты перестал думать плохо о твоих подопечных, скажу сразу тебе, что это талисман клуба «Мария».

– Но почему мне вчера этого не сказал Иржи? Почему вообще ни в одном тексте про «Марию», про кёрлинг в Чехии нет ничего про эту пуговицу? Я же все странички в сети изучил, прежде чем приехал сюда. Зачем нужен талисман, которые так прячется? И если даже прячется, то почему всё-таки мне – старшему тренеру – о нём не рассказали?

Столько вопросов сразу... Нет, конечно, тогда я не стал обрушивать на голову моего пражского приятеля весь этот поток. Хватило и какого-то одного вопроса, начинающегося со слова «почему», чтобы все прочие Павел додумал уже сам и стал отвечать мне, прежде, правда, закулив новую сигарету и выбросив ещё даже толком непотушенную спичку (Павел принципиально не признавал зажигалок) туда же, куда недавно полетел один окурок и куда вскоре должен был полететь окурок другой.

– Тут дело вот в чём. Это, как бы сказать, старый такой талисман. И он тайный у нас, тайный для посторонних...

– Я – посторонний?

Видимо, мои слова прозвучали очень обиженно, потому что Павел интонацию эпического сказителя переключил разом на интонацию добродушного и ласкового дедушки, жалеющего внука, которого в наказание за что-то нынче оставили без сладкого:

– Иржи вчера тебе и не мог бы ничего рассказать. И никто бы в команде делать этого не стал до того момента, пока все не убедились бы в

том, что ты пришёл всерьёз и надолго. Это я знаю, что ты человек слова и дела и что первая же твоя тренировка означает начало этого дела, итог которого лежит далеко за горизонтом множества спортивных побед. Ребята тебя пока не знают, поэтому прости ты Иржи за то, что он вчера так поступил. Не знаю, как Иржи повёл бы себя, если бы ты стал настаивать, но уверен, что он нашёл бы выход, чтобы и тебя не обидеть, и тайну нашу до поры не выдать.

– По-твоему как скоро я должен был стать своим?

– Ну... – Павел даже задумался, отправляя окурок в сторону полосы заката на уже почти полностью чёрном пражском небе. Мы посмотрели вслед летящему угольку, и Павел продолжил. – Тут всё зависит, как бы сказать, от скорости твоей адаптации. Может, совет клуба уже на будущей неделе решил бы посвятить тебя в тайну талисмана, а возможно, это случилось бы через месяц. Но зная тебя, могу уверенно сказать, что это произошло бы обязательно. Ты бы стал в «Марии» своим. И станешь – никуда не денешься.

Так оно и случилось. И очень скоро. И пришлось мне всю эту историю – историю пуговицы-талисмана выслушать во второй раз, до этого момента храня в секрете моё знание всего того, что я уже знал от Павла: просто Павел попросил меня, чтобы до поры до времени предмет нашего с ним разговора оставался между нами. Потом вето тайны с этой истории было вовсе снято, снято официально. Однако то ли по инерции какой-то, то ли просто так (в мире ведь что-то всё же делается и просто так), но никто не спешил делать историю золотой пуговицы достоянием гласности. И я только теперь решил поведать соотечественникам обо всём. Почему соотечественникам? Да потому что вся эта история, рассказанная мне тогда Павлом, а потом – спустя буквально две недели – повторенная почти слово в слово начальником команды Иржи, имеет прямое отношение к нашей стране.

Всё началось с того, что в 1892-м году великий русский писатель Антон Чехов купил недалеко от Москвы усадьбу Мелихово. Этот факт хорошо известен. Известно и то, что Чехов был не только писателем, но и врачом. Потому чуть ли не сразу с переездом в Мелихово стал он лечить крестьян окрестных деревень. Лечить бесплатно. Об этом тоже можно прочесть чуть ли не в любой биографии Чехова. И домочадцам было немного жалко Антона Павловича, который уйму времени и сил тратит на больных, а не получает за это ни копейки. Тогда-то и постановили на семейном совете повесить на крыльце того дома, где вёл приём хворых крестьян доктор Чехов, баночку-копилку; дескать, чтоб в неё всякий посетитель мог бы опустить монетку в знак признательности врачебного труда, совершить этакое пожертвование. Месяц провисела копилка, и за всё это время обнаружилась внутри её только одна оловянная пуговица... Такова была благодарность русского народа. И сейчас в Мелиховской усадьбе, где теперь расположен Музей Чехова, экскурсоводы рассказывают этот сюжет, абсолютно не подозревая, что на самом деле всё

было совсем не так.

Чёрная крашенная оловяшка действительно оказалась тогда в баночке-копилке. Но был это поистине царский дар, деньги на который те самые обвиняемые в неблагодарности крестьяне окрестных деревень собирали всем миром. Оловяшка оказалась всего лишь футляром для дорогого подарка, сделанного по специальному заказу одним из лучших мастеров-ювелиров Москвы Давидом Прохоровым, – футляром для золотой пуговицы, богато инкрустированной бриллиантами; на задней же стороне этой пуговицы была сделана гравировка: «Доктору Чехову – благодарный народ». Конечно же, вы уже догадались – это была та самая пуговица, которую я увидел в пражском клубе кёрлинга «Мария» на ручке камня. Но как же эта пуговица, подаренная великому русскому писателю, могла вообще оказаться в Чехии? как случилось, что стала она талисманом женской кёрлинговой команды этой страны?

В тот день Марья Павловна Чехова, родная сестра писателя обнаружила чёрную оловянную пуговицу в баночке-копилке. И тотчас же рассердилась не на шутку, обиделась за брата, некрепкого здоровья своего не жалеющего ради здоровья других людей – куда как более крепким здоровьем обладающих – и получающего за это чёрную оловяшку. Хотела было в сердцах забросить подальше пуговицу эту Марья Павловна, но решила всё же не делать этого, а положить оловяшку в карман халата, чтобы вечером показать крестьянский «подарок» брату – пусть в своих произведениях изображает русского мужика как он есть, а не в сусальном обличии патриархальной напевности золотой чёлки над голубыми глазами. Так она и сделала.

Секрет же чёрной оловяшки был раскрыт Марьей Павловной спустя несколько дней. На этот раз Марья Павловна решила, обнаружив ту самую пуговицу в кармане халата, всё же выбросить её. С этим намерением пошла к забору, желая швырнуть «подарок» за границу усадьбы – в придорожную канаву. А пока шла, всё мусолила оловяшку рукой. Видимо, тогда Марья Павловна невольно и надавила на ту самую рисочку, на которую в вечер после первой моей пражской тренировки надавил и я. Потому не удивительно, что как только пуговица показалась из кармана в руке сестры Чехова, так тут же крышка отворилась и... Марья Павловна некоторое время даже не могла прийти в себя, когда увидела, что скрывал ларчик. Стоял солнечный день, и блеск бриллиантов сливался с мерцаньем золота самой высшей пробы. Прочитала Марья Павловна и надпись. И сразу же поняла: брат об этом подарке никогда и ни при каких обстоятельствах узнать не должен. В этом решении своём руководствовалась Чехова не личными и даже не семейными интересами; руководствовалась исключительно интересами русской словесности, ревнителем которой всю свою долгую жизнь была сестра великого нашего классика. Твёрдо уверена была Марья Павловна в том, что, узнав о таком дорогом даре, Чехов может пересмотреть свои взгляды на мужика и начать его изображать так, как изображает частенько, например, Лев Толстой –

этаким спокойным, добрым, отзывчивым, щедрым... Нет, не бывать этому – не таков русский мужик! Подарка хорошего и то сделать не способен – нашёл, что дарить доктору: золотую пуговицу с бриллиантами. И как дарить! В футляре оловянном, который и открылся-то по чистой случайности, а так бы лежал сейчас на дне канавы вместе со всем своим содержимым. Нет уж, пусть и дальше пишет братец всю правду о русском мужике – о грязном, о туповатом, о жадном, о неблагодарном. И ещё – крепко пьющем. Таким вот образом Марья Павловна и оправдала сама себя, пряча оловянный футляр с золотой пуговицей в свой сундук – подальше от глаз.

Прошли годы. Мелихово было продано, не стало в 1904-м году Антона Павловича. Марья Павловна почти всё время жила в Ялте. Доставала порою из сундука пуговицу, любовалась на неё, искренне полагая, что спасла брата от воспевания в эпической прозе несуществующих достоинств русского народа и тем спасла для потомков не только чеховскую репутацию, но и пафос родного слова. В 1924-м году умирает Ленин. И Марья Павловна понимает, что сейчас оставаться в Ялте для неё опасно. Как посмотрит новая власть на то, что у неё такой громадный дом на Черноморском побережье? Подумаешь – Музей! Сестра классика выбрала целью своего путешествия Чехию.

– Но почему... – единственный раз за всё время рассказа Павла я влез с вопросом, – почему Марья Павловна тогда поехала именно в Чехию?

– А ты сам ещё не догадался? – Павел лукаво усмехнулся над моей несообразительностью. – Фамилия у Марьи Павловны какая?

Чехова знала, что уже из-за одного этого страна-однофамилица будет к ней добра. Так и вышло в итоге. За те несколько лет, что до своего возвращения в Ялту провела в Праге Марья Павловна, она не слыхала от простых людей, от честных тружеников ни единого упрёка, напротив – в любом доме, едва только узнавали её фамилию, тут же становилась Марья Павловна самой желанной гостьей. И дело, как вы уже поняли, было отнюдь не в знаменитом брате; дело было в фамилии, столь близкой по звучанию названию страны. В Праге среди прочих вещей пребывала с Марьей Павловной и та самая пуговица.

В один из дней довелось Марье Павловне посмотреть показательные выступления приехавшего из Шотландии господина, которые катал по залитой льдом специально по этому случаю дорожке парка довольно массивные каменные цилиндры, сбивая ими круглые бляшки. Называл всё это господин странным, но очень красивым словом – «кёрлинг». Пражане, будучи, как и большинство славян, людьми ленивыми и нелюбопытными, не очень прониклись сим действием, а вот Марья Павловна, хотя и была славянкой, не только прониклась, но даже вжилась как-то чуть ли не сразу в этот странный и красивый кёрлинг. Три ночи подряд снились ей скользящие цилиндры и ускользающие бляшки. Тогда-то Марья Павловна, всегда доверявшая снам, и поняла, что больше не сможет жить без

кёрлинга (как же я её понимаю!), пошла к тому шотландскому господину, который в тот момент ещё оставался в Праге, и купила у него едва ли не на все оставшиеся деньги свои и цилиндры, и бляшки, и книжку с описанием правил этой волшебной игры.

Был конец декабря 1924-го года, когда Марья Павловна Чехова собрала в своём пражском доме нескольких девушек, которым хотела рассказать о том, что такое кёрлинг. Так появился на свет первый в Восточной Европе клуб кёрлинга. Вот только у тогдашних пражских властей этот вид спорта оказался не в чести. По идейным соображениям кёрлинг было не запретить, ведь в те поры в Чехии была как бы демократия. Тогда пришлось власть имущим прибегнуть к старым как мир запретам, основанным на соображениях безопасности. Почему-то когда нас унижают и говорят при этом, что делается это ради нашего же блага, мы готовы унижаться. Марья Павловна не была такой, как мы. Она не была готова к такому повороту событий и искренне не могла понять, почему пражские власти самым лучшим местом для пожара назначили ледяную дорожку. Никак не укладывалось в голове Чеховой то, что камень, скользящий по льду, искру даёт. Да ещё какую! Сам пан Рахунек – самый главный пожарник всей Праги – приходил лично посмотреть на состояние безопасности в кёрлинговом клубе; хмурился, сопел, ворчал непонятными словами, давая понять, насколько всё здесь не то что даже плохо, а, прямо скажем, никуда негодно и отвратительно.

Марья Павловна понимала, что любой запрет можно перекупить приличной взяткой. Но все девушки-кёрлингистки были из бедных семей, то есть даже если вся команда и скинулась бы деньгами, ничего путного из этого не вышло бы и клуб всё равно был бы закрыт как потенциальный источник пожара. И тут Чехова сделал очень решительный шаг, самый, пожалуй, решительный шаг своей жизни – она достала из сундука ту самую пуговицу, завернула её в ситцевый платочек и пошла в сторону городской ратуши. Никогда прежде не доводилось бедной Марье Павловне давать взятку... Что ж – когда-то надо начинать даже то, чего начинать совсем не хочется. Благо дело требует жертв. И унижение при даче взятки должностному лицу, находящемуся при исполнении своих служебных обязанностей, не шло ни в какое сравнение с тем унижением, которая Марья Павловна и девушки-кёрлингистки испытывали от закрытия их клуба.

Страшно стеснясь, краснея и взор свой потупив, вошла страдальца Марья Павловна в кабинет самого главного пожарника всей Праги пана Рахунека. Пожарник, конечно, Чехову узнал; понял даже зачем и с чем та пожаловала, но стал упорно делать вид, что нуждается ещё в каких-то объяснениях со стороны посетительницы. Марья Павловна же настолько была взволнована, что ни слова вымолвить просто не могла. Дрожащими руками стала она разворачивать ситцевый платок, чёрная оловяшка выскользнула оттуда и, словно сама этого искренне желая, этакою лягушкою скакнула на дубовый стол пана Рахунека. Недоумение на лице

чиновника сменилось на возбуждённое возмущение. Да и кому может понравиться подарок в виде чёрной пуговицы? А Марью Павловну и вовсе стали покидать жизненные силы; казалось, она сейчас потеряет сознание, рухнет прямо перед паном Рахунком на вычищенный до блеска будто ледяная дорожка для кёрлинга паркет. Но как часто и случается в такие моменты, энергия вдруг откуда-то вошла в бедную просительницу. Марья Павловна в какую-то долю секунду перевела дух и сразу же после этого протянула руку к оловяшке, чтобы слегка надавить на рисочку. Нижняя челюсть пана Рахунка отвисала всё ниже и ниже по мере того, как глаза давали его противопожарному мозгу сигнал тревоги. Золотом обрамлённый блеск бриллиантов заставил зрачки пана Рахунка бриллиантово сверкать, а закалённая на взятках левая рука сама потянулась к пуговице. Марья Павловна вдруг всхлипнула, слёзы, крупные, изобильные, потекли у неё по щекам, и она заслонила рукавом лицо, как бы стыдясь своих слёз. То была великая скорбь за весь славянский мир. И думалось тогда Марье Павловне, что невежество, тоска, мрак, чувство гнёта – все эти ужасы были есть и будут, и оттого, что пройдёт ещё тысяча лет, жизнь не станет лучше. А пан Рахунк держал пуговицу обеими руками и никак не мог на неё насмотреться. Оба молчали...

Не прошло и часа, как в клуб кёрлинга входили вместе Марья Павловна Чехова и самый главный пожарник всей Праги пан Рахунк. Держались они – к удивлению девушек-кёрлингисток – как старые приятели. Марья Павловна держала в руке оловяшку, внутри которой по-прежнему таилась та самая пуговица. Что ж, как часто и бывает в прозе жизни и в жизни прозы, *казалось* одно, а *оказалось* совсем другое. Казался пан Рахунк закоренелым взяточником, а оказался ярым поклонником чеховского гения. Стоило только самому главному пожарнику всей Праги тогда перевернуть пуговицу, посмотреть на обратную её сторону, где была та самая надпись «Доктору Чехову – благодарный народ», как тут же и фамилия просительницы обрела иной – отнюдь не патриотически-этнический – смысл. Любимый писатель пана Рахунка и дама, стоящая сейчас перед ним, обрели разом в сознании чиновника неразрывное и цельное единство, и радость вдруг заволновалась в его душе. И подумалось тогда самому главному пожарнику всей Праги о том, что прошлое связано с настоящим непрерывную цепью событий, вытекавших одно из другого. И показалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой. И невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого таинственного счастья овладело паном Рахунком мало-помалу, и жизнь с этого момента стала казаться ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла.

Через полгода после этого события женскую команду Праги по кёрлингу при огромном скоплении народа выводил на первые показательные выступления старший тренер – самый главный пожарник всей Праги пан Рахунк. А ручка ведущего камня на этих выступлениях

была украшена чёрной оловяшкой, бережно хранившей в себе пуговицу, ставшую с той поры талисманом клуба. Когда же Марья Павловна уже в статусе матери-основательницы чешского (да что там скромничать – и всего восточно-европейского) кёрлинга в 1929-м году покидала Прагу и направлялась домой, в Ялту, то отдала клубу оловянный футляр с ценным содержимым на вечное пользование. Ведь он все те пять лет непременно приносил удачу команде пана Рахунека. Кёрлингистки же в знак признательности Марье Павловне дали своему клубу имя «Мария».

Теперь я почти уверен в том, что и успехи чешской сборной по кёрлингу в тот год, когда ею руководил я, были следствием того, что с нами всегда была пуговица Чехова. Иногда всё же и мой ум способен видеть следствия причин и даже причины следствий. Жаль только, не знаю я, какова нынешняя судьба чёрной оловяшки с золотой пуговицей внутри. Дело в том, что почти сразу после моего отъезда из Праги обратно в Тверь Чехия пережила очередной государственный переворот. Новой власти кёрлинг оказался не нужен, кёрлингистки разъехались по другим странам, как некогда разбежались из Прованса по всей Европе поэты-трубадуры. Да и были мои чешки самыми настоящими поэтами – поэтами льда и камня. Клуб «Мария» закрылся и, похоже, навсегда. И неизвестно, куда подевался хранившийся в клубе наш инвентарь.

Зачем я рассказал всё это? Наверное, потому, что память человеческая несовершенна. И хотя частенько тянет меня к себе прелестью своей тот талисман, не одно десятилетий приносивший удачу его обладателям, ловлю себя всё же на мысли о том, что уже начинаю забывать многие подробности прошлого. И лишь изредка, когда пишу или читаю, вдруг ни с того, ни с сего вспоминаю чешек своих, вспоминаю Павла, Иржи, а через них далёких во времени, но таких близких моему сердцу пана Рахунека, Марью и Антона Чеховых, вслед за тем в мысленном взоре всплывают картинки Праги, Ялты, подмосковного Мелихово... В минуты, когда меня томит одиночество и мне грустно, я вспоминаю смутно, и мало-помалу мне почему-то начинает казаться, что обо мне тоже вспоминают, меня ждут и что мы встретимся...

Пуговица, где ты?

**Асият
КУРБАНОВА**

студентка Института медицинского образования НовГУ

РОЗОВЫЙ ФЛОЙД

Лежу на поле посредине,
Пейзаж здесь, словно на картине.
Меня вдруг тенью что-то скрыло,
На небе чье-то видно рыло.
Глаза тру сильно, как спросонок;
Плывёт по небу поросёнок.
Всего мне и не описать,
За свинкой вслед летит кровать -
Каким-то стройным караваном
Парят неспешно над туманом.
Примерно в это же мгновенье
В реке слышалось шипенье.
Я подбираюсь ближе к краю,
От удивленья замираю:
В воде велик и одинок
Лежал надутый осьминог.
Откуда ни возмись в движенье,
Мужчина вылез с отражением.
Я в суть истории не вник,
Но начал полыхать двойник,
В рукопожатии скрепились
И тут же оба удалились.
Темнеет с каждым часом в поле.
Корова ест траву на воле.
Меня окутал свет луны,
У ней нет тёмной стороны.
Я в школы захожу обитель,
А на меня кричит учитель.

Красный, как рак, и злой, как волк,
В учёбе малый с него толк.
Глазёнки мерзкие хитрят,
Он ненавидит всех подряд.
Дай волю – раскатает губки,
Детей закинет в мясорубки.
Хочу подальше убежать,
Но крепко прижимает мать.
Кричит: «Уйти я не позволю!»
А я хочу скорей на волю.
Тянусь и к свету приближаюсь,
В объятьях тихо задыхаюсь.
Ищу для выхода пути,
Но их, конечно, не найти.
Дыра небесная видна -
Вокруг высокая стена.
Жалкий и изгнанный отступник,
В ней заперт, будто бы преступник.
Меня под бок пинает кто-то -
Кошмар приснился и всего-то.
Бояться за меня не стоит:
Вздремнул под музыку Pink Floyd.

Содержание

5

1 раздел

«ЕСТЬ В РОССИИ ГОРОД, СВЕТОМ НАПОЁННЫЙ...»

25

2 раздел

«НОЧЬ ИЗМЕРЯЕТСЯ ВДОХАМИ...»

61

3 раздел

*«ВОЗВРАЩАТЬСЯ И ПЕТЬ, И СМОТРЕТЬ В
СУМАСШЕДШУЮ СИНЬ»*

110

4 раздел

«ПОДСКАЖИ МНЕ ВЕРНЫЙ ПУТЬ...»

160

5 раздел

«ВЗЯЛ ВОРОНУ Я ЗА ХВОСТ...»

Первый раздел

*«Есть в России город,
светом напоённый...»*

6

Станислав ДЕСЯТСКОВ

9

Софья БЫСТРОВА

16

Павел АФАНАСЬЕВ

20

Любовь ПАТРИКЕЕВА

Второй раздел

«Ночь измеряется вдохами...»

26

Анатолий МОЛОКАНОВ

35

Геннадий ИГНАТЬЕВ

43

Светлана ГОРИНА

47

Анна КУКУШКИНА

51

Юлия КРЫЛОВА

54

Евгений ИВАНОВ

56

Юлия ЛЕТОВА

58

Оксана КАСЬЯНОВА

59

Андрей СТЕПАНОВ

Третий раздел

«Возвращаться и петь, и смотреть в сумасшедшую синь»

62

Руслан ДЕРИГЛАЗОВ

67

Григорий КНЯЗЕВ

69

Юрий ФАБРИЧНИН

71

Игорь ИСАЕВЪ

74

Степан ДМИТРИЕВ

79

Сергей КАРТАШОВ

81

Владимир СИДОРЕНКОВ

88

Владимир ШАДУРСКИЙ

90

Валерий МОКИЕНКО

93

Виктор МАЛЫГИН

95

Анатолий ЖУКОВ

96

Ирина НАЗАРОВА

100

Максим ШАРАПОВ

102

Надежда МЕЛЬНИКОВА

103

Евгений ЖУКОВ

107

Сергей ИВАНОВ

Четвёртый раздел

«Подскажи мне верный путь...»

111

Ирина НАЗАРОВА

116

Виктория ВОЛКОВА

120

Юлия СТУПИНА

121

Игорь ИСАЕВЪ

122

Юрий ФАБРИЧНИН

125

Яна ЛЕБЕДЕВА

127

Виктор КАРПУШКИН

129

Анна КУКУШКИНА

131

Юлия ЛЕТОВА

133

Анастасия СИНИЦЕНА

136

Светлана ПОТЯГАЙЛО

139

Надежда МЕЛЬНИКОВА

140

Маргарита ХАРОХОРИНА

143

Андрей КАРЮК

145

Владимир ШАДУРСКИЙ

147

Глеб ДРУЖИНИН

153

Валентин КАНДЫБИН

154

Максим ГУРЕЕВ

159

Максим ШАРАПОВ

Пятый раздел

«Взял ворону я за хвост...»

161

Станислав ТИХОНОВ

162

Олег ЯРОВИКОВ

164

Александр КОЧЕВНИК

167

Татьяна НИКИТИНА, Елена РОГАЛЁВА

175

Анна КУКУШКИНА

177

Ирина ЕГОРОВА

183

Дмитрий ИВАНОВ

191

Надежда МЕЛЬНИКОВА

192

Мария САВЕЛЬЕВА

193

Владимир СИДОРЕНКОВ

194

Гарри БЕРСОН

198

Юрий ДОМАНСКИЙ

209

Асият КУРБАНОВА

Сборник стихов и прозы

ЯРОСЛАВОВ ДЕНЬ

Великий Новгород 2012

Подписано в печать: 03.12.2012

Формат 60/84 1/16

Усл.печ.л. 12,79 Уч.-изд.л. 6,63

Тираж 200 экз.

Заказ № 470

Отпечатано в ЗАО «Новгородский технопарк»

173003, Великий Новгород,

ул.Большая Санкт-Петербургская, д.41

тел: 73-17-05